

**ЦѢЛОКУПНА ДѢЛА
ДОСИТЕА
ОБРАДОВИЃА.**

Книѣга седма.

MB 226/4

РЕЗУЛТАТЪ

1

Р. ДОСИТЕА

ОБРАДОВИЦА.

**ЦЪЛОКУПНА ДЪЛА
ДОСИТЕА ОБРАДОВИЦА.**

Преведено и издадено

Народна Издателница

Д-р. Мехомоница.

Книжна сграда.

У БЕМУНУ

1856.

ALL AMERICAN

DOCTOR OF MEDICINE

№ 295

Р. 19 Ср 11 864/7. 4

3

МЕЗИМАЦЪ

Г. ДОСИТЕА

ОВРАДОВИЊА.

ЧАСТЬ ДРУГА

СОБРАНІЯ РАЗНЫ НАРАВОУЧИТЕЛНЫ ВЕЩІЙ
НА ПОЛЗУ И УВЕСЕЛЕНІЕ.

Препечатала и издавала

Народна Кньигопечатня

Дан. Медаковиѣа.

Кньига седма.

У ЗЕМУНУ

1850.

РАССКАЗЫ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

ОДЪ АДОМЪ А.

FACTS BY DATA

СОБРАНИЕ ПАЗНЫ НАРАДОВИТНЫ БЕЖИ

320.267

320 267

320267

ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ

.

THE CHURCH

У Н У М Э У

158

МЕЗИМАЦЪ

Г. ДОСТЕА ОБРАДОВИЋА.

ЧАСТЬ ВТОРА

СОБРАНИЯ РАЗНЫ НАРАВОУЧИТЕЛЬНЫ ВЕЩЕЙ НА
ПОЛЗУ И УВЕСЕЛЕНІЕ.

ГЛАВА 1.

*Есть ли полезно у простомъ діалекту на штамау
што издавати.*

У ово неколико година, одкадъ самъ я, колико
ми е могуће било, на простомъ Србскомъ діалекту по-
знате вещи Націи нашої чрезъ штампу спріобитію,
много су се и са мноѣмъ, и осимъ мене међу собомъ,
различно о томъ разговарали. О овой матеріи, како
о свакој другой, међу многочисленнымъ людма и мно-
горазлични умови свакояко се е умствовало и судило.
Но будући да су се многи у націи и роду нашему у
овомъ са мноѣмъ согласни нашли, мое предпріятіе по-
хвалили, любко примили, и за общеплезно огласи-

ли: зато самъ и я толико више у овомъ момъ у-
мствованю и намѣреню непремѣненъ и постоянъ остао.
Нико не може све люде на свою страну привући и
придобити: а онай, кой има, колико му е потреба,
благоволителя, дружба и пріятеля, има право себе
међу благополучнима счислявати.

У прошастимъ моимъ сочинѣніяма я самъ напо-
минаю, коя е полза просто и обштенародовразумително
писати; леле мисли, весела, потребна, полезна и на-
равоукрасителна знаня најпоследњимъ селяномъ и
пастиремъ приподавати и спрѣобштавати. Я самъ ду-
го време са селяни живіо, а и мои прародители, са
стране оца и матере, селяни су били: зато су ми ови
рођени, мили и драги, и желимъ њима, колико могу,
полезнимъ бити. Са више имао самъ радостъ дожи-
вити и видети, да су и другій то исто творити по-
чели. И запитали су ме неки, оће ли то добро бити,
ако тако то напредовати буде. *Духа не угашайше:*
одговоріо самъ. Ништа ніе таки съ првога почетка
најболѣ. Ко зна, колико е *Омеровъ* пре *Омера* било,
коихъ су се списанія изгубила? Свашто съ време-
номъ сазире и болѣ и совршеніе постае. Итня и ско-
роћа много кваре. *Еврипидъ* е казивао, да се е друга
око три стіха по три дни мучіо: зато и есу нѣгови,
и нѣговимъ подобни стіхови, вѣчити постали. Елли-
ни и Латіни нису имали штампѣ, сва су своя сочине-
нія рукописно издавали. За дуго су їй при себи со-
државали и поправляли, и тако су їй къ зрелости до-
водили. Зато ова, колико се више читаю, толико се
удивителнія и краснія чине и показую. *Пгшагоровимъ*
ученикомъ ніе било дозвољно за први петъ у школи

година нити што говорити, нити питати, него су морали само съ вниманіемъ слушати, и къ говореню приготовлявати се. Ми садъ, кадъ што за штампу, или съ другога езика преводимо, или сами списуемо, таки то на штампу издаемо; и за то стваръ на многи мѣсти мора недостаточна бити. Мени нѣ потреба далеко одлазити, нити другога кога за муштранъ тражити, кадъ самъ на себи то учинити могу. И ово нека е свакога списателя свештена дужность, коему обшта полза найвише на срцу лежи.

У мојой првой Басни, први періодъ ништа не валя. Ево какавъ е. „Орао и лисица учинили су међу собомъ друштво; и што би то било свагдашнѣ и постоянно, договорили су се и согласили, да живе у комшилуку, да би у потреби еданъ другомъ могли помоћ дати.“ Ово би валяло овако да е: „Орао и лисица *уине* међу собомъ друштво; и што би то било свагдашнѣ и постоянно, *договоре се и согласе* у комшилуку живити, да бы у потреби могли еданъ другомъ *помоћ давати*.“ Ми у простомъ нашемъ діалекту можемо прекрасно време *совршено історическо* илити *опредѣлно* употреблявати: и то најпростіи селяни Србљи одъ Баната до Албаніе изъ самога обичая и не мислећи, ни зашто, ни како, точно употребљаваю. На примѣръ; дође и дотрча, погледа на десно и на лево; а кадъ не упazi и не угледа ни еднота одъ они, кое тражаше, оде и отрча своимъ путемъ. Ево овако сви наши селяни говоре, кадъ кажу, да се е што либо башъ у то исто време учинило и свршило. И ово способствуе много краткости, лепоти, и живкости разсказиваня. А зашто самъ я дакле, у пр-

вомъ періоду прве Басне, тако ружно погрешіо? То чини итня, која не дає времена на сваку речъ, и на свакій начинъ составлѣнія и мѣстоположенія речій, позоръ дати. Може ми рећи ко: ко те е терао, да итишъ? О! ово е питанъ! Имао ме е ко терати; те здраво! то естъ, скудостъ. Радъ самъ био, да ми е књига повелика, и нисамъ се смео за дуго задржавати, боећи се, да ми новаца нестане, безъ кои ништа неможе бити. Бдва би за еданъ табакъ што превео и саставіо, пакъ таки съ нѣмъ у штампарию: и докъ би се овај наштапао, другій е морао готовъ бити; нисамъ имао времена ни прекопірати. Ево силовити терачъ, кой ме е здраво терао. Садъ наодимъ погрешке; и другій ће наодити. Срећа наша обшта, ако іѣ буду съ тимъ намѣреніємъ тражили и находили, да то себи за увѣшчаніе приме, и да они болъ саставляю и нишу. Я самъ довольно благополучанъ, што су братія моя найвише на любовь мою къ себи сматрали, и усрдіе мое съ любовью примили. А ако ко што и осуди и похуди, и то ніе безъ ползе; то валя тако да бива, да ствари болъ напредую. Не излазе искре, докъ оціло кременъ не удара.

Да е обаче потребно и преполезно за обшти народъ просто, но лено и исправно, писати; томе ће залуду ко му драго противословити. *Србљи* се по различнымъ кралѣвствама и провинціама различно и називлю: по Сербіи *Сербіанци* (не Серви, нити Сервіанци: ово су страни народи одъ Грка узели, зашто Грци не имаю Б), по Босни *Бошняци*, по Далмаціи *Далмашинци*, по Херцеговини *Херцеговци*, и по Црној Гори *Црногорци*. Свуда единако говоре, соврше-

но се и ласно разумѣваю, разве што се мало у провинціалномъ изглашенію rozpoзнаю; и по гдикоїой речи, кое су у Турской одъ Турака, а у Приморю одъ Таліана приобикнули и присвоили. *Слави*, или болъ рећи, *Славяни*, то є всеобщте име: подъ овимъ именовъ узимаю се *Русси*, *Боеми*, *Хорваши*, *Словаци* или *Тоши* у Маѣарской, *Србљи* и *Болгари*. Ови свію народа мати є *Єзикъ Славянскій*, кой є садъ у благополучной Россіи у свевисочайше совершенство доведенъ, будући да онде царствує; свє високе науке и знаня на нѣму се издаю. Сви ови народи немогу се ласно међу собомъ разумѣвати. Прости Србинъ и Болгаринъ потребу ю найманъ три месеца да су међу сами Русси, за моћи се съ нѣима разумѣвати и разбирати. А најпростіи Србинъ изъ Баната или изъ Бачке, онъ є у Србиі, у Босни, у Херцеговини, у Далмаціи, поготову и Хорватской, у Славоніи и у Срему, у свомъ рођеномъ езiku, и народу; био онъ восточнога, или римскога исповѣданія. Сада како би могао ко утврђавати, да еданъ тако многочислени народъ неваля нѣговимъ природнимъ діалектомъ обучавати и просвештавати? Премнога часть обоега пола люди радо ће читати, или слушати, кадъ други чита, оно, што ласно и лепо разумѣва: ако ли у чему ни полакъ не разбира и не постиза, све му є остало тамно и неразумително, слѣдователно неприятно и досадно читати или слушати. Нашъ преизрядни *Терлаичъ*, онъ прекрасно и преслатко *славянски* пише: онъ є у тому штилу пчела, и нашъ *Ксенофонтъ*. Али нека ми нѣгова мила любовь опрости: то ніє за Срблъ селяне, за кое смо ми дужни много старати се и

трудити; зашто в у свакомъ народу селяна найвише и преконайвише. Навластито одъ колике в ползе едному народу таки съ првогъ почетка, како му се начну давати кнѣиге, нова понятія и разумѣнія, да му се даю оне, кое су одъ найболѣга вкуса и здравога разума! понеже съ чимъ се нови сосудъ найпре напони, то у себи свагда содржава: и на здоровомъ основаню добро се зида.

У садашнѣ време чудна се видѣнія показую, и починѣ оживлявати у срдцама нашимъ благонадеждіе. Благо! благо! како едномъ човеку понаособито, тако и едному цѣлому народу вообште, кадъ по дугобѣдномъ злостраданію дође у добро; свакоякимъ искуше-ніемъ као злато огнѣмъ очишћенъ, чувствуе и познае свое добро, и уме га чувати! Не предае се гордости ни високоумію, ни неслоги, злой свію зала матери; него съ трезвенимъ смиреніемъ, и съ мужественимъ и великодушнимъ правдо- и отечестволюбіемъ прославля силу и милость Свемогућега. Жели и настои, и у томе све свое славолубіе поставля, да међу славни народи славанъ, храбаръ, неустрашимъ, просвештенъ, правдолюбивъ, челоуѣколюбивъ и добродѣтелянъ постане: овај свети завѣтъ, и ово благородно наслѣдіе потонкомъ своимъ отъ рода на родъ оставля и предае. Неће еданъ народъ никада пасти, докгодъ таковъ остае и пребива. Само беззаконіе и неправда опустошаваю землѣ, разораваю градове, и престоле силнихъ превраћаваю. Ове и овакове науке могу ли се способніе и лакше међу люде распрострети и размножити, развѣ у обштенароднѣмъ езику и говореню?

ГЛАВА 2.

Како валя благоустроиши и приготовиши разумъ и срце еднога дешеша, да полезнимъ и благополучнимъ човекомъ постане.

Човекъ не наоди нигде свое благополучіе, него у себи. И онай е заисто среѣанъ, кой е за то съ внутреннимъ состояніемъ душе свое задоволянъ, зашто не наоди у себи ништа, што би другимъ разумнимъ и добримъ людма противно могло бити. Съ првога дакле почетка не валя детету ништа допуштати, што може нѣму, или другому кому, на вредъ бити. По томъ, како почне разумевати, дати му ласну и просту науку о Богу, свію створеня Творцу и Создателью, кои, благъ и праведанъ будући, изискуе одъ човека, да е и онъ таковъ, ако жели, да е у животу среѣанъ и честитъ. Дати му познати благородство и изредность своѣга существа намѣреніе и опредѣленіе, за кое е створенъ, то есть, да му е добро и у животу и по смрти. Наставити га, да са своимъ склонѣніяма добро управляти уме, коя, кадъ се разумно употребляваю биваю изворъ добродѣтеля и среѣе; а кадъ неразумно, постаю изворъ злоба и несреѣе. Самовольность прва е детинска страсть; зато, како му се не дозволява оно, што оѣе, плаче и кричи; а како понарасти и поодяча, оѣе силомъ оно, што оѣе. Одъ овога дакле валя га мало по мало сасвимъ одучити. И

колико є жешћега и живльга темперамента, толико више валя о томъ настояти, докъ се привикне хотети оно, што му пристои, и што му є полезно.

Примѣръ добротворенія валя младежи давати и удалявати ю одъ примѣра злотворенія. Човекъ є природно любоподражателанъ; мало мари за оно, што му се каже; а радо ступа онимъ путемъ, коимъ види да многій ходе. Ништа не помаже лепо знанѣ и разумъ, кадъ є срце покварено, и кадъ су нарави разблужене и на зло окренуте. Како ће ме учитель и родители кротости научити, кадъ їй я видимъ, да се они свакій часъ лоте и гнѣве? Изъ срца изничу злобе и добродѣтели; оне валя таки съ почетка изчупавати, а овима растити и укоренявати се помагати. Христіанскій законъ, кой у Богопознанству, Богопочитанію, и у чистомъ Боголюбію состои се, умекшава и услађава срце наше, и показує намъ правый путь къ челолюбію и благотворенію, вооружава насъ у скорби и невољи съ трпѣніємъ, облакшава теготу живота, оживлява и укреплява прси наше съ благонадеждіємъ, и чини насъ исту смрть, као едно подугачко спаванѣ, безъ страха и ужаса сматрати. Боголюбіє и челолюбіє єсу десно и лево крило, съ коима словесни умъ къ свомъ вѣчномъ блаженству лети и приближава се; соединяваю разумъ и срце, у єдинодушно їй согласіє приводе, и чине їй неразлучно путемъ добродѣтели шествовати и напредовати. Како дете почне чувствовати, и са удивлѣніємъ говорити: О како є лепо ведро небо! — О! како сяю прекрасне звезде! Ено! ено млади месецъ, како се є помладію! О гледай! гледай! како сунце исподъ землѣ излази! Како дете то

почне говорити, таки га любопитство чини питати: Ко
є то начиніо? Садъ є време упућивати га къ познан-
ству єдинога свемогућега преблагога Творца; просве-
штавати му разумъ, облагорођавати срце, и украша-
вати нарави. Казивати му, да є Богъ по свомъ есте-
ству праведанъ и добаръ, и зато мрзи на сваку не-
правду и злоћу; да є премударъ, и тога ради отвра-
ћава се одъ свачега, што є лудо и неразумно; да о
свачему всемилостиво промышля и у томе дає чове-
ку примѣръ, да є трудолюбивъ, бодаръ, подвижанъ,
да се стара за себе, ако жели, да му є добро у жи-
воту. Сва створеня наоде се у свагдашнѣмъ движенію
и послу; зато и човекъ, како словесанъ и разуманъ,
не валя да у лѣности гнѣє и труне. Дете, ако се не
пріобикне у чемлибудъ полезномъ забавляти се, упраж-
нявати се, и у томе сладость неку чувствовати, по-
стає и расти распуштено и тврдоглаво, упорно и не-
покорно, тако да се никакова добра надежда о нѣму
имати не може. И за то се виде на свету толикій
невалялій, злій, и злосрећній люди.

ГЛАВА 3.

О мудрости и промислу у управленіи света.

Восточна повѣсть.

Онде, гдѣ гора Таурусъ верхъ свой превише свію облака узвишуетъ, погледу удалѣнога путника ништа друго, недо висеѣе пеѣине, хуеѣе водопаде, и свакояка премѣненія предивнога и преужаснога естества представля и показуе; живляше, одѣ свакога людскога содружества удалѣнъ и сакривенъ, у едной тамной ове страовите планине пештери, Аза человѣкомрзацъ.

Овай исти Аза провео е био пре тога половицу живота свога у обхожденію съ людма; мѣшао се радо у свака нѣова увеселенія и забаве. Не само никада никоме ни найманѣгъ узрока нѣе дао, да на нѣга зажали и криво погледи, него іоште савише нико нѣе што одѣ нѣга залуду запросіо, нико сѣтованъ и скорбанъ нѣе одѣ нѣга неутѣшенъ отишао. Нико нѣе предъ нѣимъ заплакао, коега сузе нѣе онъ са штедромъ и милостивомъ рукомъ обрисао и изворъ теченя нѣова присушіо. Нѣгова врата нису никада страному и требуюѣему затворена была, и нѣгова изобилна трапеза никадъ се нѣе безъ пріятеля, безъ сродника, и безъ кога стара и убога надила.

Но по непостижимимъ причинама приключенія овога света, гди найгори беззаконници и злодѣи не са-

мо до последнѣга часа смѣрнаго среѣанѣя проведу животъ, него и по смрти великолѣпно се погребаваяю, надгробны се похвала (кое самой чистой добродѣтели пристое) сподобляваю, на стотине и хиляде година за велике се, за славне люде, юште често и за саме свѣце признаю, и меѣу мѣліонима мѣліона народа велѣгласно и са анѣаромъ у руци, силомъ и на люту здравога разума срамоту оглашую и проповѣдаю; и гди напротивъ наиболѣи и найдобродѣтельнѣи люди гоними, ненавидими и удручаеми биваяю, благодѣтели челоуѣческаго рода меѣу злодѣи се считаваю и вмѣняваю, на смерти не само горке, него и срамотне осуѣаваю. Овде нѣе чудо, да и овай добри човека, кога у време благоденствія нѣгова сви *благодѣшнимъ и челоуѣколюбивимъ* Азомъ нарицаху и за такова правично признаваху и проповѣдаху, у време четрдесетогодишнѣя живота у различна искушенія, бѣде и напасти падне. Завидливѣи и ненавидливѣи, коима нѣгова слава и лепо име трнъ у оку бѣше, измисле и сплету свакояке на нѣга лажливѣе клевете; лише га свѣга нѣгова имѣнія, и у одной простой алыниці, изъ мрачне га пуге тамнице, и крайнѣмъ га убожеству и последной скудости предаду и оставе.

Сада онъ, са безлобномъ и чистомъ своимъ совѣсью утѣшаваяи се, помисли у себи: кадъ толики други у скудости и убожеству живе, неѣу ни я одъ глади умрети. Но онъ се у томе лютѣ превари. И сиромашество има свой занатъ: валя умѣти безъ свакога стыда и срама просити. А онъ прѣе би умрео одъ глади, него би умѣо заискати одъ кога одну пару, или комадъ хлѣба. Имамъ гдикого сродника, и много прѣя-

теля, та шатъ се нађе кой, да ме прійми и прирани. Али, о! како ти се онъ ужасне и упропасти, кадъ све сасвимъ другоячје, него што онъ мисляше, позна и нађе! Иди безтрага луда безъ мозга главо! повиче му свакій сродникъ, како га упази: мал' и ми писмо збогъ тебе ограйсали, и за длакомъ насъ ниси сасвимъ упропастио! Пође по реду къ онима, кое онъ за найболъ свое почитоваше пріятелъ. Први му каже, да онъ данасъ са женомъ своіомъ и са децомъ негде на другомъ мѣсту руча, и да ће неколико дана кое гди ручавати; али на мѣсто ручка угріе му уши са едномъ здоровомъ предікомъ: Та да си ты тако и тако, онако и другоячје радіо, много би садъ болъ за тебе было! Другій му паметно и мудро представи, да е она веома разумна пословица и сентенція, коя вели, да, ко свемъ свету оће да служи, нейма одъ кога плаће искати. Стари некій богатый Оца, кой се е често кодъ нѣга гостио, рече му, да онъ данасъ пости и ништа не єде; и изъ много му ѣтана докаже, да, ако башъ умре одъ глади, да ће му толико болъ у раю бити. Некій богатъ, али преко мѣре скупъ Арачліа, кой се е сваке седмице по три дни здраво кодъ нѣга напреобѣдовао, тако да е остала четири дана лакше прегладовати могао, учиниму садъ ово кратко, али живо увѣщательно слово: Мой Азо! я самъ ваздарь и свагда изъ твога поступка судію, да си ти лудъ човекъ! а садъ и самъ видишь, нити е потреба, да ти я повѣдамъ, да надъ тобомъ нема луѣга на свету! Та гди ти е, яданъ човече! твоя несреѣна паметъ и глава была? ти си мисліо савъ светъ да наситишь, да напоишь, и све жебраке и просяке съ твои новци да

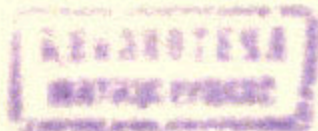
обогатишъ! И оно, што свемогућій Богъ неће да учини, ты си науміо быо да учинишъ; сиречь сиромаштво и скудость изъ света да протерашъ и да истребишъ! Та Великій Моголъ са своимъ ужаснимъ блабомъ да помисли то учинити, што си ти науміо био, онъ би осиромашіо, а просяци би остали до века такови. Другій се начинъ оће за истребити просячество; а не тай; што е твоя луда мислила глава, то есть, давати свакомъ ко шта иште, да онъ може съ пунимъ трбуомъ безпосличити. Пакъ ти іоште ніе стидъ предъ мое очи доћи! заръ би хотео, да и я постанемъ као ти? Хо! хо! ніе свакій лудъ. Айде садъ маширай; имашъ време філософірати и научити се памети. Земля е пуна свакояки кореня, а вода ніе за новце.

Бѣдни и пребѣдни *Аза* остане садъ савъ у смртномъ обливенъ ладномъ зною; посрамлѣнъ, похуѣнъ, и изванъ себе изумлѣнъ. Прође му и гладъ и жеђ; али му срамота гора, него смръть, бѣше. Колена подъ нѣмъ дрктаху, сва га сила нѣгова душевна и тѣлесна остави, светъ суначни потамни предъ нѣговимъ очима. Сѣдне, или паче да речемъ, падне на еданъ ладни каменъ, кои се ту по случаю близу нѣга нађе. Остане позадуго недвижимъ, нечувственъ, и хладанъ како сунтій каменъ, на коему лежаше. По добромъ часу дође у себе: изъ глубине срца уздане, и горко плакати почне. Изобилни потокъ суза дође му на помоћъ, облакша и умекша нѣгово мало пре сасвимъ оладнѣло срце. Погледа на небо, и са умилѣніемъ рече: *Ти* вѣчни преблагій, кои возсіявашъ сунце Твое на сва створеня! о *Ти*! кои си создао око, и кои си самъ, савъ, вѣчно неуспаваемо и свевидеће око, воз-

ри и погледай на мене! Не дай ми се потакнути, уз-
держи ме надаюће га, помози слабости мојој, и не дай
ми погрезнути и утопити се у пропасть очаянія! Ёси
Ти! ёси! вѣчни непостижими Боже! и ако я узстра-
дамъ іоште хіляду редій више, я Те се нећу одрећи
о преблагій! О сладка небесна сило добродѣтели! да
тебе ніе, ко би мое срце садъ утишати могао? Пу-
сти нека я одъ глади, или одъ кое му драго болести
умремъ, само нека не умре у души мојој пресладко
добродѣтели чувствованіе.

Како ове изрече речи, нађе се савъ обновлѣнъ
и укрелѣнъ. О я слабоумни! рече самъ себи: ту-
чемъ се одъ немила до недрага, а не пада ми на умъ
онай божій човекъ, онай учени и премудри књижев-
никъ, кои зна, шта е пре створеня било, шта ли ће
по скончанію бити; онай благоглаголиви и сладкоре-
чиви Еміръ, изъ кога уста медъ и млеко тече, кога
самъ я за нѣгово благонравіе и добродѣтель изъ край-
нѣга сиромаштва избавіо, и у лепо состояніе поста-
віо. Онъ ће мене едва дочекати, и као оца и благо-
дѣтеля свога предржати и преранити. Колико е реди
онъ мени рекао, да кадъ бы онъ сву крвъ свою до
последнѣ капљице, и свои двею жена, и своіо свои
седмеро дечице крвъ за мене проліо, іоштъ ми ни та-
ко неби довольно сву свою любовъ и благодарность
показати могао! Може бити, да е Богъ ово искуше-
ніе на мене башъ зато допустио, да ономъ добромъ
човеку прилику даде, свое благородно и благодарно
срце показати и засведочити. Овай о коме е речъ и
толика похвала, Еміръ, живляше у едномъ польскомъ
простомъ, но пріятномъ и комодномъ дому, у средъ

едне лепе баште, около кое виђаху се виногради, пло-
довите нъиве и веселе ливаде. Ово му е све вели-
кодушни Аза поклоніо био. Онъ овде често къ нѣму
долазаше, съ нѣимъ се веселяше, и о свачемъ совѣ-
товаше, и съ нѣговимъ се сладкорѣчіемъ чрезмѣрно
услаждаваше: а кадъ би се годъ едва съ нѣимъ раз-
стаяо, по стотинякъ руспія у єдномъ завежляйку, по-
лу као силомъ, у руку би му метнуо, прстъ на уста
своя полагаући за знакъ да ћути и да му не зафалюе.
Къ овоме садъ поити добросрдечни и лаковѣрни Аза.
Нађе га іоште при ручку међу нѣговимъ двема жена-
ма и са седмеро деце. Ови, кадъ га тако изменѣна
у издератой альини упазе, одъ великогъ ужаса едва
га познаду. Женске деликатне очи на такови необи-
чни и нечаяни видъ не могаху задуго гледати, одъ
кога да би имъ се деца не уплашила, поведу ій, и
отду съ нѣима по башти шетати. Кадъ Еміръ обсто-
ятелно сва незгодна приключенія свога благодѣтеля
изслуша, чуе и разуме, о којима се чиняше, да ништа
прежде тога ніе ни чуо ни знао; покаже му рукомъ
єдну столицу подалеко одъ астала, и будући самъ
ситъ и добро напоенъ, заборави га и запитати, да ніе
гладанъ и жеданъ. Метне указателни прстъ на чело,
а съ другомъ се подбочи рукомъ; савъ се пусти и
погрузи у некакве чрезвычайне и дубоке мисли; пакъ
позадуго после, као изъ некакова необычногъ умоиз-
ступлѣнія пренувши се, удари се шакомъ по челу, и
Ай! ай! ай! подвикнуе; страовита е стваръ, кадъ се
Богъ на човека разсрди и разгнѣви! А зашто би се
благи и милостиви Богъ на мене срдіо и гнѣвио? за-
пита съ умилѣнимъ гласомъ сиромашакъ Аза. Я ко-

лико могу знати, нисамъ никада никоме никаква зла ни помислю. *Зашто? зашто?* викне съ уплашенимъ и громовитимъ гласомъ онай: Ти црвъ земль и ђубрета! ти синъ погибели, кои си већъ, како и самъ видишъ, отринутъ и одбаченъ и одъ Бога и одъ люди! смешъ одъ Бога тражити конатъ, и тако безумно и продерзливо усуђуешъ се питати, зашто Богъ чини оно, што оће? Видишъ, чуй ме добро! за само то твое богохулно *зашто* вѣчну си муку, и подземляни тартаръ, и геену заслужио! Кадъ цари земляни одъ свои поданика *зашто* то и оно неће да чую; камо ли би то Богъ одъ тебе? кои садъ ниси већъ ништа на свету! Пустѣ нека то садъ стои, одговори други; я по мојой памети мислимъ и вѣруемъ, да е Богъ благъ и праведанъ; а ако е зла и неправде на земљи, то одъ зли люди бива. Я самъ дошао запитати те, неби ли ме ти приимію, и за живота приранію; ти добро знашъ, да си све, што имашъ, одъ мене на даръ получию. Опетъ хульніе на хульніе! одговори Еміръ: ніе то одъ тебе, него одъ Бога. Све, што е годъ на свету, то е одъ Бога; пакъ кадъ Богъ оће кому што дати, онъ на еданъ или на други начинъ располаже, да му то буде. Комъ онъ оће, дае; а одъ кога оће, узима. Да тебе ніе Богъ, на твою злу срећу, засленио био, ти би одъ толико силнога блага баремъ педесетъ хиляда цекина мени, за сваки случай, на оставу дао био, да о томе кроме тебе и мене нико ништа незна, пакъ би садъ имао на шта доћи. А тако садъ бѣжи съ мѣста одавде; зашто, до полъ сата доћиће овде, Шеисламъ, два Муле, шесть Кадія, дванаестъ Хоца и двадесетъ и четири Дервиша. Ови ће бити кодъ мене

цѣли мѣсець дана, да оно, што е у Алкорану мрачно и тамно, изяснимо и истолкуемо. А ти добро знашъ, да овде за толики вилаетъ и калабалукъ мѣста нема. Я ъу самъ са Дервиши морати у кошари спавати. А друго, што е найважнѣе: ти знашъ, да е садъ на тебе зло име изишло и свуда пукло; пакъ шта би сви ови свети люди рекли и помислили о мени и о моимъ кадунама, кадъ би тебе осуђенога, осрамоћенога, и оно, што е јоштъ најцрнѣ и најгоре, обнажена и осиромашена у моемъ друштву нашли? Иди дакле! иди, кудъ те очи воде и ноге носе! И ако оћешъ, да си читавъ, не казуј никомъ, да ме знашъ, ни да те знамъ.

Како е едномъ непобѣдимомъ и неустрашимомъ Витезу, кадъ се у највећемъ бѣдствованію нађе; не да се уплаши, смути и изгуби, него наипаче ту највеће свое мужество показуе, бранисе, сѣче и убіја све около себе, и башъ кадъ мора множеству подлећи, безъ грозе и безъ ужаса велику своју предае душу, и славно свой славни оставља животъ. Тако е садъ било овде доброму Ази. Што е много, много! такове неваљлости и толике худости, да нисамъ искусіо, вѣрова-ти неби могао; съ благородномъ гордостію рекне къ Еміру; баци на њѣга еданъ погледъ презрѣнія и гнушенія, окрене му леђа и отиде. Благодаримъ ти, вѣчни Создателю света! рече съ благодушіемъ гледајући небо. Я нисамъ ни неправеданъ ни срамотанъ; други су такови; нека имъ буде! Врхъ се Тауриске горе изъ далека види, онъ се упута къ њѣй, съ намѣреніемъ, да све време оставшега живота одъ сви на свету люди бѣжи, и да се одъ њѣй крие и чува. Предъ ноћъ нађе едно фѣніково древо, наеде се сладкога пло-

да, напиесе воде изъ потока, и ту преноћи. У ютру набере и понесе са собомъ истога воћа, и сутраданъ дође къ реченой гори; и съ довольнимъ трудомъ по-
пне се подъ сами врхъ горе. Овде нађе одну пеште-
ру, способну сачувати га одъ зла времена. Финики
и кестени, кои се у нижимъ мѣстима горе нахођаху,
служиаху му за препитаніе, а чиста и здрава вода за
пиће. Овде се сасвимъ преда размишлѣнію. Услаж-
даваше се у разсмотрѣнію створеня, и благодараше
непрестанно Богу што га є избавію одъ люди и нью-
ви лажа и злоба. Подъ горомъ се виђаше едно би-
стро, као кристалъ, препространо езеро, коега воде у
различнимъ странама у рѣке се разделяваше и крозь
непрегледаєме равнице протекаваше, и многа села и
градове напояваше. Аза сваки данъ са удивлѣніємъ
смаатраше, и са сожаленіємъ самъ у себи мисляше:
о! колика є добра Богъ учинію людма, а они су сами
себи злотвори и куряци! Одкудъ є толика злоба у
njihъ улѣзла, ньювомъ душомъ обладала, срце имъ
є отровала и у утроби имъ се угнѣздила? О ядни и
преядни люди! справедливо долазе на васъ муке сва-
кояке, враждебна нападенія, коя землѣ ваше опусто-
шаваю, села поналяваю, и градове разораваю. Куга,
гладъ, и свакояке напасти, то су бичеви наказанія, не-
би ли ви постали болѣи; а све то гори и опачніи би-
вате. Съ неслогомъ вашимъ, съ међусобномъ враж-
домъ и злономъ сами себи свако зло на вратъ навла-
чите; и неприятелѣмъ вашимъ, да васъ удручаваю и
газе, ви исти, на вашу слу срећу, помажете! и сами
себи ньюве ланце на вратъ мећете! О немисленна,
жалостна, плача и риданія достойна створеня! зашто

вамъ е дао Богъ даръ словеснога разума, развѣ за ваше добро, и за ваше и ваши потомака благополучіе? А ви бѣдни! за безсловесну злобу, за слепи инатъ, за лудо тврдоглавство, за нечисту погану завистъ, за проклето несогласіе, за треокаянну неслогу, која е смрадни и отрователни изворъ сваке несреће, сами себе и своя чада и потомке стрмоглавъ у пропасть бацате, сами вратъ свой подлажете, да васъ злотвори ваши газе, и злодѣи и лупежи на вами да яшу! Пфуй срамота! яда и туге! Кадъ я нисамъ то и то, нека ни други не буде! Кадъ я нисамъ то учинію, нећу ни да се други съ тимъ поноси! Волимъ се осветити, не-го посветити! О! люди! люди! кадъ ћете се освести-ти? Кадъ ћете разумно и словесно мислити и твори-ти почети, да вамъ болъ буде и да се прославите?

Ево овако се добри *Аза* свакій данъ у своіой пустињи самъ са собомъ разговараше, кои колико више съ намећу своіомъ на люде мрзаше, толико ихъ више нѣгово благо и милостиво срце жаляше и опла-киваше. У таковимъ размишлѣніјама свакій данъ упраж-няваюћи се, помисли едноредъ, зашто благодать и мудрость Божія ніе створила люде безъ сваке злобе и лукавства? Вѣруемо да е Богъ свемогућъ, рече онъ у себи: ніе ли дакле онъ морао учинити, да не умеду люди бити лукави, и да немогу никакво зло и неправду ни помислити ни учинити? да су прости и незлобиви, као голубови и овчице? и да нейма међу њима никакове вражде и непријатељства? Ако е дак-ле Богъ то могао учинити, а ніе хтео; то предпола-же неко зловольство; ако ли е хтео, а ніе могао; ово показуе слабостъ и немоћъ. А предполагати у

Богу или едно или друго несовершенство, то е толико, колико мислити, да га ніє. Колико се више онъ у ове мисли упушташе, толико се већма недоумѣваше, замршаваше и къ очаянію приближаваше. На што ми овакій сумнителанъ и неизвѣстанъ животъ, помисли, кадъ га се могу ослободити? На што ми е у непрестанномъ и свагдашнімъ волнованію и у мраку мучити се? Науми скочити у езеро и утопити се.

Стани! чує єданъ громовити гласъ, и не предаи себе вѣчной погибели! Таки упаци близу себе пресветли видъ небесногъ Ангела, кои му рече: Види Богъ, да си се ти, превелике ради доброте твоє, у познанству людій и у избранію пріятеля преварію; како и многи други срећни и богатіи, кои лукаве ласкателъ, и притворне улагивателъ и лижисане за најболъ люде почитую. А садъ пакъ простоте и незнанства твоега ради падашъ у заблужденіє, и къ своіой погибели спѣшишъ. Зато садъ благодѣ Божія шалъ ме къ теби, да, како тебе, тако и теби подобне просте и добре душе оправданіяма Божіимъ научимъ. Узме га за десну руку, и у едно тренуће ока постави га на врхъ єдне горе десетъ кратъ височіє, него Таурусъ. Докасне му се очію, и тако му ій просвети, да могаше одъ Востока до Запада све чисто, какогодъ предъ собомъ, виђети. Види неку землю непознату и нечувену, и по нъой міліоне свакога возраста и рода людій. Сви бяху безбрижни, безпослени и сасвимъ за све немарљиви. Неки лежаху по полю, и у худимъ колибицама, свака фамилія о себи, єдна одъ друге усамљена и удалъна. А неки пакъ на велике чопоре иђаху садъ на десну садъ на леву

страну, не знајући и не марећи, ни куда ни зашто. Нигде се не виђаше ни градъ, ни постоянно село, ни какво общте зданіе, ни едногъ общества ни за три дни соединѣніе. Кои данасъ на едномъ мѣсту бяху, до неколико дана, самъ Богъ зна, гди се нахођаху. Ту не беше ни цара ни царства, ни общества нити отечества; нит' какве школе, ни науке, ни заната; ни пріятеля ни непріятеля, ни злотвора ни благодѣтеля; нигде враждебника, али нигде ни любезника; нигде войске ни враждебногъ нападенія, али нигде ни мужества ни юначства, нити храбре обране любимого отечества: нигде свађе ни кавге, ни раздора ни не-согласія; но у исто време нигде и никада ни друго-любногъ разговора, нити братскога примиренія и соединѣнія. Они не познаваху нити мараху за сродственну и едиnodушну слогу; нѣгово ладно срце не осећаше ни найманъ мрве общтега добра усрдствованъ и напредованъ.

За живого Бога! вопіе Аза, какви су ово люди? и есу ли люди? каква е то међу нѣима о свачему смртелна немарность? Рекао би, да су одъ нечувственногъ начинѣни дрвета, само што се мичу, плоче и ране! Да су люди, отвѣшта му Духъ, то и самъ видишъ: А какви су? Онакови, као што би ѿ ти хотео: безстрастни и сасвимъ беззлюбиви; но у исто време и сваке добродѣтели лишени и обнажени. По-неже, гди нейма злоће, ту е излишня добродѣтель. Ко нѣ кадаръ мрзити, не зна ни любити. Ко нѣ способанъ за непріятеля онде, гди надлежи, онъ не валя нигде ни за пріятеля. Да е човекъ простъ као овчица, сва нѣгова доброта не би заслуживала ни пох-

вале ни награжденія. Сада ти видишъ, да се у тому Божія мудрость показує, што е човека слободнимъ створио. Дао му е способность распознавати добро и зло, и оставіо му е свободу изабрати, шта оће; и тако заслужити честь или безчестіе. Когодъ, могући творити зло и неправду съ добиткомъ своимъ, уздржава се одъ свакога зла и неправде, не за какавъ рабскій страхъ, него зашто суди то себи непристойно и недостойно; а твори добро изъ самопроизволнога, слободнога и благороднога свога избранія, често на штету свою, за саму чисту къ добродѣтели любовь, тай приближава себе къ Божиємъ усыновлѣнію, оставля вѣчни и прекрасни за собомъ примѣръ, кои безконечна общеполезна слѣдствія за собомъ води. Ако е намъ и непостижимо, како то бива; но сведочба е вѣрна, коя каже: *И правда ихъ пребываешъ во вѣки.* Страсти дакле, мой Азо! извори су злоба и добродѣтеля; а човеку е датъ разумъ и слободна воля, да може познати и изабрати, што е добро, полезно, и похвално. Ако ли онъ самопроизвольно себе ослеплява, и зло предпочитує и предизбира, самъ на себе осужденія изреченіе твори и издає. Сада и ти избери, што ти се болѣ мили: оћешъ ли, да те оставимъ овде међу овимъ беззлобнымъ людма, или, да те вратимъ међу оне, на кое ти толико мрзишъ? Не, ако Бога знашъ! вопіє Аза, Ангеле свети Божій! не оставляй ме овде! води ме натрагъ. Онай исти мой Еміръ болѣи е, него сви ови люди, зашто се може раскаяти, и на добро повратити; а ови нису ни за што. Сада сине предъ очима нѣговимъ муня, изчезне видѣніе, а онъ се презне, и нађе се на брегу више-

реченнога езера. Таки пође у свое мѣсто. Заиште
у еднога на гласу трговца службу. Овай се споме-
не, да му е онъ еданпутъ у нужди помогао. Даде му
еданъ умѣрени капиталъ, и метне га у содружество
трговине свое. Аза постане трудолюбивъ. Богъ бла-
гослови труде нѣгове, и у мало година обогати се.
Ожени се, и у женитби своіой буде срећанъ. Не пре-
стане добротвореѣи. Роди и воспита чада добра и
послушна, и проведе до дубоке старости блаженъ
животъ.

ГЛАВА 4.

ЦУ-У

ИЛИТИ

ФИЛОСОФЪ.

Изъ кнѣге: Чувствителнога Човека.

Доѣс едномъ некакавъ чудновити каприць у главу *Чинга-Уанга*, великога цесара Хінезкога, да у самой ствари позна, какавъ е човекъ еданъ прави Цу-У, сиречь філософъ. Излишнѣ зактеванъ едного Монарха, кой много болѣга може имати посла. Али е опетъ штогодъ похвалніе него на подобіе *Дометіана*, Римскога цесара и мучителя, одъ крайнѣ непослице фатати и убивати муве; и по обичаю восточни султана, правити у своимъ сараемъ чачкалице за уши и за зубе, и слати їй на даръ везіромъ и гувернаторомъ провінція. За ову височайшу милость пристойну показати благодарность; морадѹ они по иляду кеса султану на даръ послати: а ко то валя да плаћа, него бѣдни вілаеть? Дакле несравнѣнно е болѣ и човечніе *Чинга-Уанга* зактеванъ, и башъ кадъ би, не еднота, него хіляду Цу-Уа познати искао: одъ кои, ако ништа друго, може се много коешта добра или зла чути и познати, коя су оба едномъ владѣтелю единако полезна; прва за умножавати, а друга за умалявати,

Зактеванъ едного тако великога цесара справедливо за всевисочайшу заповѣдъ почитуе се и признае. Таки се сто и петдесетъ миліонима душа даде на знанъ, шта се нѣовомъ владѣтелю хоће: и дозволи се свакому међу нѣима, кои себе за Цу-У почитуе и признае, да слободно предъ цесара дође, и да докаже, по чему себе за такова издае, и у чему се та чрезвычайна и редка стваръ состои.

Добродѣтели *Чеу-Конгъ*, први достойни царскій Міністаръ, учитель и воспитатель првородногъ сина цесарова и престола нѣгова, прійми наложеніе, да такове люде предъ монарха изводи. Оглашени стараць *Чам-Суу* имаѣаше довольно високоумія, да нити кадъ помислити могаше, да би се ко нѣму раванъ у мудрости показати усудію. Онъ се похвали предъ царемъ, да е сто кнѣига написао, у коима толкуе и високо изяснява просто и свакомъ вразумително *Конфуціево* наравоученіе. И све ове кнѣиге изъ саме зависти неће нико да купуе ни да чита. Изчисли съ великимъ велехвалѣніемъ различна своя преимущества и достоинства, и заключи свою бесѣду съ горкимъ срца сожалѣніемъ, што га нико неће да позна. Цесаръ ласно примѣти, шта у овоме лежи. Рече му съ кротостію: иди, иди дома; и утѣшавай се съ тимъ, што самъ себе тако добро познаешъ. Онъ отиде савъ разяренъ. Спипе на цѣломъ табаку одну поругателну сатиру на цесара и на савъ Хінейзскій народъ, кою *Чуанг'-Ушангъ* даде себи очитати, и здраво се будали изсмеє: а онай у мало дана умре одъ злое и пакости.

Тсе-Ге покаже се други. Овай каже, да онъ,

кадъ што пише, пушта се у такове дубоке мисли, и восхишчава се у таковове превиспрене висине, да често у изступлѣніе ума долази; но и тако све еднако пише. Зато су све нѣгове истине и видѣнія у мрачне и непроницаеме замотане облаке. Зато ѿ могу само они разумѣти, кои су кадри съ нѣмъ у дубльину сићи, и у висину попети се. Нѣгове су истине силне како мунѣ, кое, како плану, таки се опетъ у мракъ сакрию; зашто би иначе слабе човеческога ума очи одъ нѣговогъ пресилногъ блистаня сасвимъ потамнѣле. Кое годъ радъ мене, или мое кнѣиге читаюћи, или мое слушаюћи речи, добро да разуме, нека ме се здраво счепа; и кадъ я поѣмъ у глубину слазити; дотле самномъ нека слази, докъ се у вѣчноме не изгуби мраку: пакъ онда ту здраво некъ отвори очи; и колико више ништа не види, толико већма, прилѣжніе, и усрдніе нека гледа безъ тренућа ока; и тако ће наипосле упазити оно, што сама гола нага чувства нипошто не могу, но сами невешчествени духови постигнути и познати могу. А по томъ некъ се хити самномъ у висину, пакъ нека тако лети, да се чисто около мене и нѣга пуши, и тако летећи улетиће самномъ у такови свѣтъ, гди многоочити духови одъ претешке свѣтлости очи свое, да не заслепе, сакриваю. Ту, ако е окашляю, нека не кашлѣ, и ако га гди сврби, нека се не чеше; некъ се не миче, него само нека мисли. Шта ће ту пакъ одъ нѣга бити! то се неможе никомъ казати. Ту заисто чудо велико човека нађе и спонадне. Е! доста већъ тога! рече благоразумни монархъ: иди, одкудъ си и дошао; какавъ си, да си! таковогъ я незактевамъ.

Кіао-Онгъ, найсмирнѣйшій и умучителнѣйшій и одъ своіо Бонза (ово су Хінезски пустиници); овай са свимъ своимъ мира и мирске славе одреченіємъ, само за любовъ и честь браће свое остали Бонза, и за горећу ревность къ вѣри бѣлого маймуна, суди себи за дужность дати се у царскомъ видѣти двору. Овай падне съ челомъ на подножіе царскаго престола, и показати свое крайнѣ смиреніе, почне лизати прахъ подножія царева; кои се зачуди тоlikой худости, и съ тихимъ гласомъ рече му: Устай горе; и кажи ми, у чему се состои мудрость твоя. Онъ каже, да е нѣгова сва небесна, а не земна. Да се онъ на земљи ничему другому ніе учію, него мучити тѣло свое, за очистити душу свою. Да е онъ двадесетъ година съ ланцемъ за едно дрво привезанъ, управъ на ногу, съ руками къ небу подигнутимъ, а съ главомъ на десно раме накривлѣномъ стояо. Да онъ у свакой бутини ногу свои по двадесетъ затучени ексера, то естъ чавалѣя носи. Покаже цару бутине, кои са ужасомъ наѣ, да е то тако. Угроженъ добри монархъ, къ свомъ міністру рече: како видимъ, неѣмо ништа учинити! све ми за лудимъ горій и луѣій долази. Зовне свое лѣкаре, и рече имъ: водите овога чемернога човека и, ако можете, излечите му мозакъ; зашто би му залуду ране излечили, докъ му мозакъ не буде читавъ. Како дакле, рече гласовито *Чингъ-Уангъ*, есу ли сви *Цу-Ге* у свемъ моемъ пространомъ царствѣ такови? и неѣу ли я наѣи єднога, какова желимъ, и како га себи воображавамъ? Ево! ево! честити цару! наѣиѣешъ га у мени, вопіе єданъ тридесетогодишнѣи дебео и нагоенъ Мандаринъ, то естъ кнѣижевникъ. Метани-

ше трипутъ предъ царемъ, удараюћи здраво съ челомъ о златни патосъ. Всепресветлѣйшій Владѣтелю! моя е мудрость сасвимъ земна и тѣлесна. Уживати све, што моя чувства желе, не марити за прошасто време, и не старати се за будуће. Мое е посведневнѣ правило: уживай и весели се данасъ, зашто сутра, не знашъ, шта ће бити. Не старамъ се ни за кога, него за себе; и све што могу, и колико могу, на мое услађење и ползу употреблявамъ. Да сви люди мисле и живе, као я, сви би били срећни. Да сви мисле и живе, као ти, сви би били несрећни: рече му мудри царъ; зашто нити би была на свету общества ни фаміліе, нити би се што садило ни зидало. Иди ми испредъ очію! твое мисли болѣ пристое свинчету, него словесномъ човеку. На овај начинъ многій, кои се за неколико дана яве и покажу, нађу се, да су или надувеніи своеумници, или будале и фанатици.

Милостиви Владѣтелю! рече вишепохвалѣни міністаръ къ цару, ми всеу чекамо, да намъ прави Цу-V на ноге дође. Ко е годъ управъ такови, онъ не мисли о себи високо, нити вменява себе за што друго, него за човека. Истинита мудрость показуе се у добримъ и общеплезнимъ дѣлима, а не у сладкоречію и велехваленію. Управъ добри човекъ, свако добро чинећи, не мисли, да што друго чини, него свою дужность. Онъ не може ни помислити, да штогодъ другояче валя да учини, него како зна, да е најболѣ, ако само може. Какогодъ еданъ, кои добро зна регуле Аріемотическе, кадъ што добро проесани и счисли, нимало се съ тимъ не горди нити поноси, што е учинію еданъ посао онако, како по своіой природи

и свойству мора бити. Свака е добродѣтель на сво-
јој истини основата, како годъ и правила счисленія
и землѣмѣрія. Богъ свемогући не може ништа про-
тивъ истине и правде хотети, зашто е онъ сама вѣ-
чна истина и правда. Витежке краснѣйше добродѣ-
тели, гди славни човекъ имѣнія и животъ свой за
отечество и за общте добро съ радостію жертвуе, бла-
городнѣйше су дужности; зашто нико неможе къ та-
ко високой слави безъ високи заслуга доћи. По тому
видите, Ваше Величество! хоће ли благоразумни мужъ
съ дужностима своима велерѣчествовати, као кокошъ,
кадъ снесе яе. То е само малимъ душама свойстве-
но, кое, мало какво добро кадъ учине, чуде се, како
су то учинити могли. Зато мени се вѣроятно види,
да ми таковога Цу-V нећемо никада дочекати, да самъ
дође и да се покаже. Ти мене, мой стари пріятелю!
съ твоима речма у отчаяніе полагешъ. Я морамъ та-
ковога човека наћи. А ако онъ неће къ мени да до-
ђе, я ћу къ нѣму поћи. Я ћу га по свему нашемъ
царству тражити.

Чинг'-Уангъ остави кормило правлѣнія едному одъ
свое браће, пакъ у содружеству свога драгога *Чеу-
Конга*, и са друга два вѣрна пріятеля, безъ сваке цар-
ске помпе и свѣтлости, подъ придворнимъ именама,
путешествіе предузме. Прође крозъ широке провин-
ціе, и премнога обиталишта народа, о којима ништа
чрезвычайно не сазна. Дође до сами Китайски зиди-
на, кое су за стотине година одъ више міліона люди
сазидате и воздвигнуте биле. Овде упази едну висо-
ку камениту и весма стрмовиту гору, на кое врху, ка-
жу му околни обитатели, да еданъ страшанъ Цу-V

одъ много година живи, кои никога къ себи не пушта. Царъ се возрадуе, и съ премногимъ трудомъ и мукъ поппе се са свои дворяни. А како ѿ онай чудновити упази Цу-V, проспе на нѣхъ хіляду псовки, хульнїя и анаѣма, што га ни у таковомъ съ миромъ не оставляю мѣсту, кое е онъ одъ дивїи отео зверова. Моли га царъ съ умильнимъ речма, да се утиша, и каже му, съ коимъ намѣренїемъ они къ нѣму приходе. Ако е Цу-V онай, кои на све люде мрзи и свеобшту имъ погибель жели, они надъ нѣмъ другога нека не траже. И за доказати имъ то у самой ствари, рече имъ, съ крравимъ очима на нѣхъ гледаюћи: ви сте као остали люди; зато идите ми изпредъ очію. Ево видите четири отроване стрѣле! ако само еданъ коракляй ближе приступите, са овима ѣу вамъ срца пробости. И кадъ би могао у вами четворици савъ човечески родъ истребити, не би се ви съ мѣста помакли. Ови побѣгну на вратъ на носъ; а онай остане псуюћи, ружећи и ужасно проклинюћи. О! несреѣнога на свету човека! рече царъ са сожалѣнїемъ уздишући: овай е морао много зла одъ люди на земљи поднети и претрпѣти, кадъ тако люто на нѣхъ мрзи! Неби никада могао помислити, да се до те мѣре бѣдни човекъ у моіой находи држави. А помоћи му се нїе начина, кадъ никоме къ себи приступити неда.

У едномъ великомъ граду чуете, да се много говори о едномъ ученомъ мандарїну. Поѣе и онъ къ нѣму; и заисто остане удивлѣнъ високой науци, и прекрасномъ наравоученю, кротости и сладкоречїю човека. Возрадуе се и помисли, да е нашао оно, што

тражи. Но по томъ чуе и извести се, да е тай исти учитель богатъ и живи у изобилію, да има неке оскудне сроднике, али за скупѣу свою ніе ни едномъ никадъ помогао. Ни овай ніе, кога я наѣи желимъ, кадъ онъ само за себе живи, рече царъ: и возврати се назадъ къ царствуюћему граду. Сада еданъ одъ двоице дворяна, кои лакше и готовіе говорити могаше, за растерати цареве невеселе мисли о неуспѣху предпріятія, слѣдуюће учини говоренъ: Ваше Величество! не чудите се, што су люди такови, какови природно мораю бити. Сви су люди одъ колевке до гроба своелюбци, и свое користи желателѣи. Свакъ воли себе, него другога; у томъ су сви единомушно као у погоди и согласію; слѣдователно никому у томе неправда не бива. Доста су люди добри, кадъ су установлѣнимъ грађанскимъ законима покорни и послушни. Ако ли се ко томе противи, онъ самъ себе закону наказанію подлаже. Нашъ достойнѣйши предсѣдатель описао е мало пре характеръ добродѣтелнога човека. Али искусство намъ [засведочава, да се такови, готову само у умозренію, а у самой ствари, не велимъ, никадъ, али заисто едва кадъ находи, а и кадъ се нађе, и тако една ластавица пролеће не чини. Узимаймо дакле и себе и друге, такове, какви сме, и будимо сасвимъ задовольни светомъ. То е правда, отвѣшта добросрдечни монархъ, да ми морамо съ людма задовольни бити, и, колико можемо, старати се нѣихъ больима и срећніимъ учинити. Али ми е весма необично и жао, да самъ свагда о едномъ Цу-V' лепо мислю; а садъ, кадъ самъ зажелію, да га познамъ, немогу да га нађемъ. Милостивѣйши Владѣтелю! рече

Чесу- Конгъ, оно, што е мой содружникъ вообште о людма рекао, да су сви свѣлжбиви и свое користи желательи, и да изъ овога све, што они чине и изоставляю, произходи, я то не одричемъ; ко у истомъ свѣлжбію и користожеланію сва разлика стои. Неразумни любе себе неразумно. Найгори злочинацъ не намѣрава, да самъ себи учини зло и штету, него некаково добро и користь; али у средства избранію и начину вара се и погрешава. Мала и слаба срца лакоме се само за настоѣћу и привремену користь; а лепе душе мотре далеко, теже къ вѣчности, и цѣне праву користь по разграничію и дуговременству нѣвиномъ. А да е добри и паметни люди мало на свѣту, то я не могу къ срцу примити. А сваки добаръ и паметанъ човекъ, онъ е у своіой окружности прави Цу-V илити *Філософъ*, ако е по своемъ участію и прости селянинъ. Таковихъ е премного; а што су они криви, што се не могу показати, разеъ у обширности дѣйствія нѣиови? Подобни су травицама, кое ми съ ногама газимо, и коихъ силу и дѣйствіе употребити да знамо, чудеса би съ нѣима творили; како неке старе баке съ травицомъ найпакостніи и бѣдствителніи приштъ преместе, излече, и еднимъ словомъ, уништоже. Шта би били найславніи на свѣту витезови, и благодѣтелнѣйшій рода човеческога владѣтельи, законодавци, и просветительи, да су у малени сели, у горама и у долинама, као прости селяни и пастири, животъ свой провели? и да ихъ нису, како рођеня нѣиова, тако и различна сложенія времена и обстоятелства, на велико позориште света, и у пространнѣйшу обширность дѣйствія довела и поставила? Не дряхлуй

убо благоразумни нашъ владѣтелю! и протерай одъ себе све неугodne мисли, да е мало прави филозофа на земљи. Тебе е блага промисаль неба избрала и опредѣлила, да найвећи филозофъ будешъ. Зашто, ко може болъ и способнѣ одъ тебе, одъ робства, одъ удрученія, одъ силовитого и варварскога безпоредка, одъ свуда ребеллірати Сатрана, одъ неки силовити А-Га' (кои се одъ свога владѣтеля одмећу, нѣгове намѣстнике убиваю, зверовидно власть злотворенія и свакога беззаконія грабе, прекрасне землѣ опустошаваю, иногда славне и Теби сродне народе газе, колю и крвлю се нѣиновомъ опіяю и бесне) спасти и избавити? Кои е данасъ спасителни *Херкулесъ*, коега рука крепка и мишца висока оне погане лупеже и Грижаліде истребити може, кои у чопори на хіляде излазе, и мирна села и обиталишта незлобиви и слаби пастира поपालяваю? Ко ме е другомъ дато средство, да и свое сосѣдне народе одъ глади и куге сачувати може? Нека се називлю други *Велки*; Ти буди и нареци се *Праведанъ*. Нека се нариче, ко му драго, побѣдитель и завладѣтель; но ти буди човечески избавитель, спаситель и благодѣтель. Ко икада може найславни на свету Филозофъ бити, развѣ онай, коему е Богъ власть и могућство дао, веће число школа и училишта воздвигнути? многимъ народима очима просветити; насиліе, беззаконіе и сваку неправду истребити; добаръ поредакъ међу люде увести; и нѣиново благополучно управлѣніе на добримъ законима основати и утврдити? Ова иста твоя желя, коя те е принудила престолъ и славу твою за време оставити, и подъ узаймлѣнимъ именемъ мудра и добродѣ-

телна філософа тражити, засведочава нама довольно, да у твоіой души мудрость и доброта царствую. Благо народу, кои има Цара такова, любителя мудрости и доброте! Благо и цару! воіе Чинг'-Уангъ, кои такове совѣтнике и служителъ около себе има. Они су очи нѣгове, коима онъ на далеко гледа, и руке нѣгове, съ коима онъ дѣйствує.

При повратку своему царъ, и нѣгова три спутешественика, угледаю у едномъ весма пріятномъ подгорію едно лепо расположено село, около коега виѣху се цвєтовидне ливаде, плодородне нѣве и виногради. Свака куѣа имаѣаше свою башту са свакога воѣа дрєвеси. Ёданъ у пространной авліи просто саграѣенн, но весма лепо разреѣенъ, при краю села, польскій виѣаше се домъ, къ коєму са сви страна крозь размѣрене редове високи цєдра, ципариса, лина и растовина приступакъ отворенъ бѣаше. Путници наѣу на полю єднога сєлянина и запитаю га, какво є то село, и ко є домаѣинъ вишєрєченога дома. Онъ имъ каже, да пре четрдєсетъ година ништа тога ту нїє било, кадъ доѣє єданъ странны човєкъ, купи то мѣсто, и насєли ту нєколько оскудни фамилія. Са свима скупа, као да су сви єднога оца и матєре дєца, согради свакой фамиліи комодни домъ, раздѣли землю меѣу нѣима, и своимъ примѣромъ обикне іѣ землѣдѣлію и трудолюбію. Я вамъ не могу казати (напредує сєлянинъ у говорєнію), koliko смо ми благополучни подъ отеческимъ управлѣніємъ овога човєка! коега іоште ни данасъ не знамо, ко є, ни одкудъ га є Богъ послао овдє. Я видимъ, да стє ви, господо моя, странны; и по вашему изговору познає-

те се, да сте одъ некудъ изъ далека. Видите, да се
е данъ сасвимъ къ вечеру приклонію, и да већъ сун-
це за гору залази: и я би васъ радо у мой домъ
пріимію; имамъ особиту за странне опредѣлѣну гор-
ницу: али нисамъ радъ нашего старога Бабу (тако га
све село зове) те радости лишити. То се, люди бо-
жій! не може исказати, како е нѣму мило, кадъ му
кои страни, и изъ далека дођу. То ніе иначе, него
рекао би, као да су му сви люди рођена браћа, ку-
мови и пріятельи. Я ћу васъ къ нѣму одвести. Знамъ,
да ће ми рећи: *Афері!мъ сынокко!* а то е нама свима
изъ нѣгови мили уста миліе чути, него да намъ се
крава отели. Упути се селянинъ напредъ, а други
му слѣдую. Овде стари міністаръ рече потихо цару:
ево вамъ милостиви владѣтелю, пуно село філософа!
Я се толико више вами радуемъ, да сте нашли оне,
што желите. Мучи брате, ако Бога вѣруешъ! отвѣш-
та добри царъ, одъ презѣлне и преизлишне радости
самъ не знамъ, како ми е. Чисто би радъ ову бла-
жену землю полюбити! Сада топрвъ чувствуемъ ра-
достъ, да самъ царъ, кадъ оваки людій у моіой Др-
жави има! Ово село, оћу, да се одъ данасъ *Царево*
село зове! Овако собесѣдуюћи, прођу крозъ оне ле-
не алее, и улѣзу у авлію дома. Стари сеђаше съ
неколико селяна подъ едномъ високомъ пространно-
гранатомъ и густолистовитомъ липомъ. Кадъ упаци
странне люде, пође предъ нѣи, съ веселимъ лицемъ
и любкогледаюћимъ очима прійми ій, поцѣлуе се съ
нѣима съ таковимъ срца изливеніемъ, као да би му
дошли неки гости, кое одъ давна са желѣомъ очеки-
ваше. Заповеди четворици синова свои, да настоє са

женама своима изобилну приготвити вечеру. Часть се ту учини, а не проста вечера. Али се више гости съ веселимъ домаћина разговоромъ, него съ пріятновкуснимъ елима и са ароматобалсамическимъ нѣговимъ услаждаваху віномъ. Онъ на кратко найзнаменитія приключенія Хінезскога царства одъ први Дінастія до свои дана опоминяше. Характере достопамятнѣйши царева, као да е са свима живіо, точно и у мало речій живо описиваше. Трудности правлѣнія царства, и теготе министеріални дужностій, као да ѿ ѿ онъ истій кадгодъ на леђи носіо, тако ѿ до найманъ познаваше точке. Но оставимо садъ ове разговоре, рече съ тихосмѣюћимъ се лицемъ, мени се при овима віно тако сладко не чини. Чини своимъ гостима напунити чаше, и напіе имъ за добро здравлѣ, благополучно владѣніе и дугій животъ *Чинга-Уанга*, доброга, мудрога и правдолюбивога Хінезскогъ цесара. Гости му радо одговоре, одшію, и запитаю га, е ли кадъ онъ цесара видіо. Само едну годину дана садашній нашъ добри монархъ имао е, кадъ самъ га последній путъ видіо. Рекао самъ моимъ познатимъ, да му се на маломъ дѣтиньскомъ лицу доброта види, и хвала Богу, истину самъ рекао. Удиве се странни гости особљивости човека; зашто е познато, да до седме године мало ко царску може видити децу. Потомъ, за не упуштати се далъ у подобне вопросе и отвѣте, зашто онъ не хотяше себе дати познати, окрене онъ способно на другу страну разговоръ, и почне похвалывати, подъ добримъ управлѣніемъ и зако-ни, благополучіе сеоскога и пастирскога живота. Земля наша, кою ми добро воздѣлявамо, не одриче намъ

плодъ свой. А за противни случай ми имамо свагда у житницама нашимъ двогодишню рану. Многочисленна стада наша провиђаю насъ съ половицомъ потреба живота. Свака фамилія прода у коемъ ближнѣмъ граду еднога вола, или неколико дебели овнова, и плати цѣле године царскій данакъ, кои умѣренъ, и по имѣнію свакога равноразмѣренъ будући, нико га и не осећа. Радо се човекъ труди, кадъ зна, да за себе и за свою фамилію трудъ свой подноси. Мужкарци отпавляю польска дѣла; а жене преду и ткаю ланъ, памукъ и вуну, и праве фамиліи просто и чисто одѣяніе. Воздухъ є на селу чистъ, рана проста, но сладка и укрѣпителна. Наша се деца здрава рађаю и одрању. Многа закрѣпленія и потребе, и коекаква господска и градска прихотливість, селяномъ су сасвимъ непозната. Наша су увеселѣнія чиста безъ притворности, како су и срца наша слободна одъ злоба. Наше жене не пѣваю майсторски, али имъ иде одъ срца, како славуемъ по шумарицама. Бднимъ словомъ, нашъ животъ протиче, како тихи поточићи кои напояваю баште наше и ливаде; и преходи, како тиха сѣнь танка летня облака. Међусобна наша селска и пастирска празнованія подобна су тихомъ летнѣмъ Зефира вѣтра диханію, кои насъ у ладу прохлађує. У истой старости селяни се споминю са услажденіємъ о прошастимъ забавкама младости, како о некимъ пріятнимъ сновидѣніямъ, кадъ младъ човекъ саня да лети. Женећи синове, и удаюћи кѣри свое, пливаю срца нѣова у любкой надежди, да ђеду се у унуци и у прауници свои помлађивати. Съ чистомъ совѣстію, како съ нелестномъ сведочбомъ непорочно-

га своєга на земљи путованя, сматраю на окончаніє привременога живота, како на почетакъ вѣчнаго и болѣга. Проста и незлобива селянина човека душа, самимъ здравимъ разумомъ водима, безъ свакога сумнѣнія вѣрує, и у овой вѣри живи и одушевлява се, да вѣчни преблагій Творацъ, кои є ню изъ небитія въ битіє овде привео, познанству себе, и предчувствованію блажене и свесовршене вѣчности способномъ учинію, и у умно и разумно безсмертнимъ духовомъ свойствено дѣйствіє, то єсть, у правде и добродѣтели познанство, саюзъ и сродство поставію; да ће онъ ню по краткомъ и доброупотреблѣномъ снага свои дѣйствію къ далеко већемъ савршенству привести, и како справедливо, тако премудро, и своему всемогућству и блакости пристойно, къ височієму и благороднієму опредѣленію возвести и возвисити. Само представлѣніє и умствованіє већєга и болѣга савршенства, предовольно є доказателство нашего напреднієга опредѣленія. Нити є словесно ни разумно помислити, да оно, што є найблагородніє у човеку, да є у нѣму суєтно и лудо. То би више било, него рећи, да є злато найхуѣій металъ, и да є діамантъ найружніи каменъ.

Овде стари домаћинъ, као да къ себи дође, простите, мили гости! рече; ово є наша селянска слабостъ, кадъ што почнемо говорити, не унемо докончати. Говори намъ, драгій домаћине! отвѣшта нѣму непознати монархъ: твоє су речи тако сладке и пріятне, да би їй ми и не єдући и не піюћи цѣлу ноћ слушали. А іоште да знашъ, съ каквомъ смо те ми жельомъ тражили! и съ коликомъ смо те радостію

нашли! Мене сте ви тражили? рече, као ужаснутъ, стари. Одкудъ и како ме знате? Ми тебе не знамо, као и прочи твои благополучни сежители, одговори цесаръ; али е нама доволно, да смо у теби нашли више, него што смо и желити могли. Попробеседи онъ јоште о различнимъ цѣлительнимъ и чудотворнимъ травама и водама; о сокровиштама, која земля у себи сочинява и садржава. Каже, да су Хинези за све свое благополучје, 1. Промислу Божијему; 2. *Конфуціевомъ* мудрому наравоучењу; 3. благоуређенимъ и праведнимъ закономъ; 4. своимъ добровоспитанимъ владѣтелѣмъ, управителѣмъ, и судіямъ благодарити дужни. Сутра данъ, по доволномъ собесѣдованію и пріятномъ обѣду, излюбе се наши путници съ домаћиномъ и съ нѣгови синови: обѣштаю имъ се, да ћеду на скоро што добро о њима чути; и пођу, едни другима, съ Богомъ! съ Богомъ! возглашавајући. По не дугомъ времену, прійми старацъ одъ цара Хинезскога писмо, да се нѣгово село у напредакъ *Царево Село* зове; нѣговъ стари синъ да е управитель цѣле те провинціе; а нѣга, и три млађа нѣгова сина и жене њіове, съ великомъ помпомъ даде у Пекинъ довести. Зачуде се овій, кадъ у едномъ одъ она своя четири госта *Чинга-Уанга*, великога Хинезскога владѣтеля, нађу и познаду, кои имъ даде у свомъ царствуюћемъ граду двореце, богатства, и царске службе и достоинства. Како се возрадую многи стари Хинези, кадъ познаду у овомъ старомъ пречетрдесетогодишнѣга *У-Уангова*, отца садашнѣга цесара, првога министра, коега онај монархъ, премда добаръ и праведанъ, но лажними клеветами министрови зло-

хотника и непріятеля науштенъ и преваренъ, одъ себе одпусти! А овай съ некимъ остаткомъ имѣнія свога пресели се у ону далеку провинцію, промени име свое, купи оно лепо но празно мѣсто, и поживи онде, као селянинъ, међу селяни; како смо већъ чули. Царъ га свагда при себи задржи, учини га со-участникомъ съ Чау-Конгомъ првога министеріалнога достоинства и съ нѣовимъ мудримъ совѣтомъ у цвѣтуће состояніе свое доведе царство. Овай доживи само великимъ душамъ свойствено благополучіе, то есть, своимъ злотворомъ добро за зло воздати и учинити. Пунъ дана престаи се, као да заспи. Царъ га даде у царскимъ погребсти гробницама. Воздвигне на гробу нѣговомъ одъ многоцѣннога мрамора столпъ, и са златнима неизгладимима чини написати словима:

Овде почива

ЦУ - V.

ГЛАВА 5.

СНОВИДѢНІЕ МУДРОГА.

О обаятельной силы мечтанія.

Я се често проходахъ покрай еднога широкаго и бистрога Ёзера, по коме множество велико лабудова непрестано за своимъ сенкама пливаху, као да се съ нѣма утрчаваю, и нѣмъ претећи и за собомъ далеко оставити усрдствоваху. Но колико се они вѣма устрмляваху, толико се скоріе и напраснѣ оне гониме вещи предъ нѣма и кодъ нѣхъ нахожаху. Ево управъ образъ суетнога човеческаго живота! мишляхъ я, другда уздишући као *Ираклишъ*, а другда смеюћи се као *Демокришъ*. Сви люди, одъ великаго до малаго, и одъ првога до последнѣга, врте се и окрећу наоколо: трче коекаквимъ привидѣніяма, и тепу се за своимъ сѣнкама, или одъ нѣхъ бѣже и таще се да утеку. Тако едномъ о многоразличнимъ живота човеческаго попеченіямъ и метежемъ размишляваюћи, легнемъ у ладъ едне гранатолистовите врбе, и крепко заснимъ. На сну покажеми се едно чудновито сновидѣніе, кое тако крепко на моимъ, премда успаватимъ, чувствама дѣйствіе учини, како да би чисто на яви, а не на сну, било.

Упазимъ, намѣсто Ёзера, едно великолѣпно зда-
ніе, съ еднимъ неизмѣримо окружности зидомъ обгра-
ђено. Едне само двери бяху за ульзти ту. Множе-

ство обоега пола лица усиловаху се, ко пре, тога сподобити се входа. При двери овога зданія стояше една обаятелне младости и красоте жена, која свакога изъ свое златне чаше съ нечимъ напояваше, и свакомъ по нѣговомъ желанію некій даръ даваше, и тако га унутра пушташе. Не далеко на едномъ холмиѣу една средњи година, по виду благообразна, и по погледу замишлѣна и разумна, сеѣаше жена. Ко би годъ къ овой дошао, она би му съ некомъ лепомирисномъ машѣу помазала очи, и показала би му, шта предъ вишшепоменутима дверма бива; кое како би ко упазіо, таки би се на другу окренуо страну. Али къ овой ретко ко долазаше: а къ оной младој и лепој велико навалываше число. Овай случай возбуди у мене неку сумню и подозренѣ: а при томъ, и тихе мое и просте ради нарави, къ великимъ наваламъ и протискиванямъ не будући особито понешенъ, одсудимъ за болѣ къ наметнѣой, него лепшой, поѣи. Мило ми е, рече ми, да си се къ мене упутіо; била самъ се о теби забринула, да те како *Прелестъ* не одвуче. Я ю запросимъ, да ми каже и изясни, шта е то, што видимъ. Зданія, која видишь, рече ми она, то су дворови *Суеше*. Она, што ти се чини весма лепа жена (кою ѣнешъ после видети, каква е), то е *Мечшаніе*. Сви, кои изъ нѣне чаше пію, напояваю се съ прелестію и са слепотомъ ума, тако да ништа не виде и не познаю за оно, што естъ. Лишени употреблѣніа здравога разума, тумараю непрестанно и скитаю се по заплетенимъ стазама заблужденія. Ходѣ кое у шта забленути, и светомъ разума непросвѣштени, будни у средъ подне съ отворенимъ очима наоде се и живе

бѣдни у мраку. Обаяни и очарани, за богодани свѣтъ истинога распознаваня венцій не мареѣи и не стараю-
ѣи се, ништа имъ до саме црне смрти нѣ кадро отво-
рити очи. Мое є име *Истина*, то єсть, право разу-
мѣнїе и познанїе онога, што єсть и што нїе. Остани
при мени, я ѣу те избавити одъ *Прелести*, *Суєше*, и
Мечшанїя; и показатѣу ти оно, шта єсть, шта ли нїе.
Она ми покаже єднога човека, кои примаше изъ руке
Мечшанїя єданъ златни штапъ, украшенъ са свакоя-
кимъ многоцѣнимъ каменѣмъ, но коега презѣлну свет-
лость єдва очи гледати могаху; съ коимъ се нѣговъ
стяжатель весма поносаше, високоумно и гордельиво
около себе гледаше, и све остале люде за ништо др-
жаше. Сирома слепецъ! рече *Истина*, онай штапъ
значи власть и господство: погледай га садъ съ очи-
ма истине, сиречь, за оно, што є у самой вешти. О!
како се садъ я ужаснемъ, кадъ смотримъ у руди оно-
га єдну страовиту велику шарену змїю, коя му са
отровомъ гордости и безумїя очи напуняваше, и око-
ло ушїю звиждуѣи му, срце нѣгово у непрестаномъ
страху и безпокойству содржаваше! Онъ хоѣе свима
силомъ да заповѣда: зато зна, да га нико живъ не
люби. Никому се не увѣрава, зашто сматра на све
люде, као на свое зложелатель и злотворе. — Пока-
же ми другога, коєму *Мечшанїе* єдну златомъ изве-
зену и бисеромъ украшену мїтру на главу положи.
Оно се зове, рече ми, мїтра свѣтинъ, мудрости и нау-
ке. Видишь га рече ми, како се суєумно свуда по-
казує, и хоѣе, да свїю очи само на нѣга гледаю. Не
сподоблява се на землю ни погледаги, него само сма-
тра, шта се по воздуху чини. Изъ уста му лете сен-

тенціе, речи су му громовите и догматическе; и изискуе, да се прімаю како членови Вѣре и Исповѣданія. Проклинѣ и за кривовѣрце и незнабожце оглашуе и издае свакога, кои се усуди найманю мрвицу сумнѣ о чемлибо, што онѣ утврђава и одриче, имати. Никому одѣ земнородни ніе дозвољно нити друго, нити другоячіе што никадѣ вовѣки помислити, далеко манѣ рећи, разве само онако, како што онѣ мисли, узаконява и заповеда. Ко нѣгове речи не слуша, и на нѣима се не заклинѣ, ніе достоянѣ найманѣмъ сравнити се црвку, кой по блату гмиже: Онѣ е у нѣговимъ очима кумирѣ истукани! онѣ е една грудва землѣ! онѣ е, са мало речи, то! и то! и то! и іоштѣ нешто много горе! Свака добродѣтель, свака честность, сваки здрави разумѣ, ако нису на нѣгови сливени калупи, съ нѣговимъ измѣрени аршиномъ, и на рођенимъ нѣговимъ основани началоположеніямъ, то су све бабске измишлѣне фабуле, оболи, и параболе. О чадо мое! приложи *Истина*, колико би ти я могла іоште о ономъ говорити дураку! да ми ніе досадно о нѣму више споминяти, и теби заглушати. Доста: само погледай на нѣга садѣ съ просвештеноста ума очима. О! како ми се сгадљивѣ садѣ покаже одѣ едного издрпатога обойка сашивенѣ кукуляцѣ! на коѣму се ове исплетене виђаху речи: *Покривало пришворности, своѣумія и безумія*.

Таки за тимъ упазимъ чолорѣ стари и млади жена и девояка. Свака одѣ ови пріимаше дарѣ по желанію и по склонѣнію своѣму. Мало не свака искаше дарѣ хитрости, да се уме показивати оно, шта ніе. Бдне пріимаху залюблени и привлекателни погледѣ,

само зато имати по томъ лукаво услажденіе и забаву, ругати се коєкаквимъ и посмеевати се. Друге запросе лакоокретность езика, да могу по цѣли данъ говорити, ништа не мислећи. Ове зактеду любопытства задовольство, да могу таки сазнати све, што бива одъ єднога края до другога, и іоште савише оно, што се іоште ніе случило, да могу погађати. Оне пакъ зажееле искусство, ману и порокъ свакому наћи; свакой новини штогодъ по своме вкусу придодати и пришити умети, и тако то къ далшему напредованю упутити. Нађе се међу многима гдикоя, да ни за што друго толико не мари, него сама са собомъ, као съ єдномъ луткомъ илити бебомъ, у све време живота забавляти се. Найносле покаже се єдна одъ свію найлєпша и високоумнія. Ова пріими на даръ єданъ многоцѣнни поясъ, кой ону исту привлекателну и обаятелну имаѣаше силу, кою стари бабо *Омеръ* Богинѣ Венере приписиваше чудотворному поясу. Но у исто време у чрезмѣрну падне гордость. Многи преизряднога достоинства люди желяху ю имати, и за жену искаху; но она толико избираше и зановеташе, да ни кога себи достойна не наодяше. А при томъ и они, кои спочетка нѣзиномъ лепотомъ заплѣнени остаяху, кадъ бы изближе нѣзино тврдоглавство, лицемѣрно лукавство, несносно високоуміе, и притворну лажливую познали любовь, оставляху ю за свагда съ презрѣніємъ. Лепота нѣзина исчезне, и поясъ іой се у некакову измрляту крпєтину претвори и преобрати. И сада она коя се свима посмееваше, остане свакомъ смѣхъ и поруганіе. — По томъ покаже ми Учителница моя єднога скуна и сребролюбива, кой пріими на

даръ сокровиште злата, кое, како онъ у свой саспектѣ, све му се у зміе и у скорпіоне преобрати. Ево скупому одъ нѣгова богатства полза! рече ми *Истина*: да онъ то уме уживати и на добро употреблявати, то би нѣговомъ и обштемъ благополучію весьма полезно било; а съ такимъ намећу видишь га, у каквомъ е станю! Садъ видишь, какви су дарови неразумнога мечшанія, и суеумнога о себи мнѣнія! Тако проводе животъ сви они, кои се изъ оне чародѣйне чаше напояваю. Муте се и окрећу у ономъ обаятелномъ зи́ду затворени. Свакій о себи нешто особито мисли, а за друге нимало не мари. Подобни пиянимъ, кои се са истимъ пиянствомъ своимъ пеносе и диче, по воздуху зи́даю куле и чардаке, а предъ ногама не виде дубоке яме, у кое падаю и пропадаю. Она зданія унутра чине имъ се великолѣпни дворови, а тяжело онима, кои у нѣи улѣзу! то су шпітальи за луде, болесне и бѣдне. Исти воздухъ, крозь кои люди онде гледаю, подобанъ е различни боя стаклама, крозь коя се предмѣти такови виде, какова су стакла.

Са свимъ тимъ здрави разумъ нѣе у нѣима до конца угашенъ, кадъ они хоће само на свое добро да га употребе. Совѣсть нѣова нѣи често обличава. Гласъ истине досеже често до срца нѣова, кой имъ каже, да су у заблудѣнію, и да се на кривомъ погибели путу находе. Кадъ они къ овомъ благодѣтелномъ гласу приклоне ухо, и на она добре совѣсти обличенія позоръ даду; о! јоште имъ се добро помоћи може! Видишь ли она многа вратаца при земљи зи́да? тесна су, правда е; али се може свакъ крозь нѣи провући: она се зову *дверца Покаянія*. Когодъ крозь она изи-

ђе и утече, онда му се покаже она *Прелестница* такова, каква у самой ствари естъ. Садъ погледай на ню съ просвештенними истине очима. Я упазимъ садъ наместо оне лепе жене, некакву страовиту Аждаю! Власи главе нѣзине бяху зміє. Чаша нѣна крокодїлова глава бѣше, изъ кое одъ некакве смраднє гореће смоле и сумпора модаръ излазаше пламень. Я се одъ страха и ужаса презнемъ и пробудимъ. Пођемъ таки дома, и мое сновидѣніє, како небесно неко откровеніє напишемъ: оставляюћи добросречно свакомъ на произволѣніє, нека прими како хоће, за санъ или за иносказаєму истину.

ГЛАВА 6.

О дужномъ почипанію къ наукама.

Науке су орудія и средства, чрезъ коя се получаю она знаня, коя су човеку, како мислеhemъ и умномъ существу, природна и неотложно пуждна. Словесность свою онъ одъ природе има; но размршенъ, разширеніе, просвештеніе и украшеніе ове исте словесности одъ Наука получава, безъ кои словесность стои, као злато у земљи сакривено и съ нбомъ помъшано, и као сва земна прозябанія, коя вода, сунце и воздухъ къ раштеню и къ зрелости не приводе. Чрезъ науке сабира онъ знаня, коя нѣгово существо возвишаваю; и придобива одъ нѣхъ оне пріятности, кое цѣну живота нѣгова многоусугубляваю. Безъ наука, не би могао онъ имати право познаніе свога опредѣленія, за кое га е небесна мудрость на овай светъ произвела. На све би ствари немарљиво гледао, и на све предмѣте земне и небесне недостатчанъ би онъ позоръ давао. И не би ни о себи истомъ, ни о чемъ другомъ, пристойно судити и разсуждавати умѣо.

Находили су се неки, кои су утврждавали, да би сама рођена природа човека благополучнимъ учинити достаточна была. Но ово е права безпослица и безмѣстіе (да не речемо, неразсудакъ). Пчелу е, наука и мрава, и по већой части сва безсловесна животна природа учинила, да такова, каква су, довека остаю;

и тако съ нѣма и бива. А човеку е уроѣна природа, да е любопитанъ, да е подражателанъ, и способанъ свакомъ знаню, занату и науци; и да непрестанно (кадъ се само добро управи и упути) къ свето већемъ знаню и совершенству и усрдствуе. Не валя се дакле съ людма ругати, и у вѣтаръ говорити, што коме у паметъ звекне. Кадъ ко утврждава, да натура хоће то и то, валя у свакимъ могућимъ обстоятелствама и приликама натури илити природи по трагу да иде; задуго и всевнимателно да сматра и сазнае, што, и како, и зашто, она твори; зашто се овде заустави и стои, а онде све то-далѣ ступа и напредуе. Приличнѣ е, и животинѣи неку часть словесности допустити, неголи то човеку одрицати, коега све достоинство и височество состои се у разуму и словесности. Само воображеніе валя у узди држати, да не би весма подивляло и разума мѣстомъ обвладало. Наравоучителна наставлѣнія, и грађанска установлѣнія, валя да полагају свагда воображенію предѣлъ, кои кадъ она прекорачаваю и прелазе, престаю бити полезнимъ, и постаю бѣдствителна. Наука таинства Бгтества, коя се повседневно чрезъ своя дѣйствія познавати даю, естъ достойнѣйше упражненіе ума, кои себе, чрезъ испитаніе причина, постепено къ началному и премудрому причинителю Богу возводи и доводи. Бгтества испитатель и Звѣздомудрецъ извѣстнимъ и правимъ разумомъ водими, есу истинѣйши проповедници и учители Богопознанства. Чрезъ науке есу се сви просвѣщеніи народи одъ крайнѣга варварства и безчеловѣчія избавили и ослободили. Оне су нерушима и непобѣдима стѣна и ограда противу

два поглавита врага човеческога благополучія, то естъ, за *Вѣру гоненія*, и *насилнога Мучишества*. Угарци првога іоште бацаю изъ себе гдикою слабу варницу. Но ми ихъ се немамо бояти, гдигодъ наука и просвештеніе съ владѣтели и са судіяма на престоли сѣди.

Варвари и мучители, кои сами себе обожаваю, и свою безчовечну и силовиту волю за законъ и за свако правило признаю, не могу нипошто света науке трпяти. Чрезмѣрнимъ раскошемъ и гордостію пияни, и крайнимъ невѣжествомъ и глупостію заслепѣли; подобни ругобама лажљиви Богова, кои у мрачнимъ само пештерама жертве одъ глупи свои служителя примаху, само чрезъ таму незнаня и смрти стра, себе у беззаконной своіой власти за неко време іоште содржаваю. Овакови мораю природно на сваку зраку просвештенія и науке мрзити. Просвештеніе ума чрезъ науку далеко удалява одъ насъ ове жалостне и човечеству срамотне образе. Подданнымъ преписуе пристойна послушанія, а законнимъ и благоуреѣннымъ владѣтелѣмъ власти предѣле. Лепе науке приводе народе не само къ нѣовомъ благополучію, него іоште причиняваю нѣима праву и постоянну націоналну славу. О ви блажени Владѣтели и Управители! кои глупость и невѣжество, неправду и злобу изъ света прогоните, а науку и обштеполезна знаня, и съ нѣима любовь къ добродѣтели међу люде уводите: ви сте прави благодѣтели човеческога рода! ваша ћесе имена међу далеки родови люди више славити, него найвећи завоевателя и побѣдителя на земљи! Но за расположити ствари по справедливости, валя овде да

приложимо, да свака наука, знанѣ и вредность цѣни се и похваљуе по мѣри ползе и добра, кое се людма чини. Одавде слѣдуе, да свако способство и искуство безъ благоупотребленія онде, гди се може и изискуе, безплодно и безславно остае. Воинство са свои офицѣри првога су високопочитанія достойни: зашто они оно, што е найдраже човеку на свету, крвѣ свою и животѣ, за отечество даю. По нѣма, правдолюбиви судіе и управительи вторе су чести достойни; понеже ови свакомѣ свое уживати помажу и содѣйствују, и све люде у миру и безбѣдности чувају и содржавају. Како што стои сунце у среди свои планета, и одавде къ свима около себе свое благодѣтелне простире луче; све просвештава и оживљава: тако е и просвештени владѣтель у среди свога народа; онѣ свудѣ простире луче свѣта, добродѣтели, правде и общаго благополучія. Тако су судіе онде, гди суде; тако е и свештеникѣ, и учитель, у селу. Ови сви, кадѣ су просвештени наукомѣ и добродѣтелію, просвештавају и на добро наставляју све, што ихѣ окружава. Морални животѣ човека простире се на неки начинѣ донде, докле нѣгова знанія достижу. Ко изѣ Всеобщаго Історіе зна, шта е пре неколико хіляда година и до свога времена на земљи било, чини му се, као да одѣ тада битіе починѣ свое. Ко изѣ совршенога земљописанія позна, шта е на цѣлому кругу земному свудѣ около себе и подѣ собомѣ, то му поготову толико чини, колико да е о маломѣ трошку и труду, и безъ свакога бѣдствованія, по мору и по суву сву земљу обишао и прошао, и люде и нѣовѣ свуда живота начинѣ видіо и познао. Свакомѣ разумномѣ чове-

ку би се чинило, да ће десетъ хіляда година живити, кадъ би совршено могао знати, шта ће до толико времена на свету случавати се. За некога *Лигнеа* кажу, да е много сажаня крозъ землю могао видети. По свой прилици за то, што е полезне и потребне руде у земљи произнашао. О колико високо существо свое узвишаваю они, кои путъ звезда, планета и комета описую и доказую! Како прекрасно и вѣковечно живу славни списатели у сочинѣніама своимъ! Справедливо е *Александеръ*, синъ *Філіповъ*, на *Ахилесовомъ* горко уздануо гробу: О благосчастљиви младићу! говорећи, ти си се јоште у цвету младости и снаге скончао, али си безсмртанъ остао: зашто е *Омеръ* после тебе дошао. А ја ћу залуду *Даріа* побѣдити, и свомъ Азіомъ до Оцеана и до края вселенне обладати; кадъ знамъ, да другога *Омера* Грчка неће имати! — *Меншоръ* е био еданъ благоразумни князь у *Пѣлу* у Грчкој. *Омеръ*, путуюћи крозъ Грчку, и страдајући одъ болести очію, дође къ њму. Онъ га прими любезно, постара се излечити му очи, угости га довољно времена пріятельски, и одпуштајући га обдари га великодушно. Славни поетъ, за показати му своју благодарностъ, возобдари га безсмртіемъ, учинивши, да *Минерва*, богиня мудрости, подъ њговимъ именомъ, содружи *Телемаха*, кадъ онъ пође по далекимъ странама *Одгесеа*, оца свога, тражити. Ова два примѣра, то естъ *Александровъ* и *Меншоровъ*, као претомъ показую ми путъ, и извѣстно потврђаваю ми ово, што садъ идемъ рећи.

Сви славни и велики люди, све високе и прекрасне душе, многи благоразумни и достојниѣши Вла-

дѣтели, Законодавци, и човѣческаго рода просветители и благодѣтели, и съ наукомъ и безъ науке, (ово е изъ Історіе света познато, и чрезъ многе со-вршенѣйшега вѣроятія примѣре самимъ дѣломъ дока-зато, и печатомъ истине потврђено, да су били мно-ги славни и велики люди, безъ сваке науке, самимъ природнимъ здравимъ разумомъ просвештени, и као некими небесними привілегиама обдарени, кои су ве-лика исправлѣнія исполнили, храбра и вѣчне памети достойна дѣла совершили; рукомъ богоукреплѣномъ и мишцомъ богоузвишеномъ Отечество свое одъ безза-кони и силовити злочинаца и мучителя ослободили, одъ тежки напасти угнѣтенія и гаженя обранили, из-бавили и заштитили; и спасителнима своима уредба-ма и установленіама у цветуће и достохвално состо-яніе довели и поставили, и на непоколебимомъ осно-ванію свеобште благополучіе Рода свога сазидали, воз-двигли и утврдили) сви ови, велимъ, и сви нѣима подобни, науке су високопочитовали, съ крайнимъ же-ланіемъ, попеченіемъ и трошкомъ у свой Родъ уво-дили, подъ крило и заштищеніе свое узимали, све-срдечно любили, и, слободно утврждавамъ! мало е ре-ћи, да су їй любили, него су їй іоште и обожавали. Учене люде пакъ, искрене и нелестне любителъ Му-са, кадъ би іоште къ тому благоразумне, управъ по-штене, и безъ притворности добродѣтельне познали, на прва су їй и врховна достоинства, како грађанска, тако и црковна, возводили; и одъ оваковихъ су, као свеобштега добра напредакъ, тако и похвални и сла-вни свои дѣла и исправлѣнія безсмртіе ожидавали. Колики би древнѣйши Витезови безъ *Омера* и безъ

Піндара, безъ *Віргілія* и безъ *Орація*, у безконечномъ заборавленію и у вѣчной тамъ погребени лежали и остали! Колика би се сладка и мила имена Отаца, Благодѣтеля и Спасителя Рода и Отечества своего сасвимъ изгубила и исчезнула, да ихъ ніе она прекрасна Історіе Муса сачувала, прославила, узвисила и међу небесне звезде поставила! Достопамятна е речъ онога безсмертнога законодавца и просветителя Русскаго, *Петра Првго* и *Великого*, къ Синоду своему: „Избирайте благонравна на духовенство лица, докъ такови и учени имати будемо.“

Само скотско срце, и зверска наравъ, може на Науку и на просвѣщеніе разума мрзити, и коешта немисленно и лудо противу найлешаго Божіегъ дара медведскомъ своіомъ намеђу и езикомъ мумлати. Богъ е мудрость свесовршенна и вѣчна, и колико се више човекъ къ правой мудрости приближава, толико се къ Богу присвоява; зашто подобанъ себи подобно жели, и природно тражи и люби. Ко е нашао мудрость, нашао е животъ: вели *Соломонъ*. Кадъ гди сазнашъ мудра, уранюй къ нѣму, и по трагу нѣговомъ нека твоя нога ступа: вели *Сирахъ*. Незванъ е тама; а любляй тму ненавидить свѣта; учи насъ вѣчна Божія истина. Маймуни, каже намъ Басна, нађу огледало, у коєму кадъ виде себе такове ругобе, сви согласо и єдинодушно одсуде, да на сто комада разбію огледало. Но шта чрезъ то добію? Да у сто парчета свою ругобу виде! Ови су маймуни, сурови варвари, кои мрзе на све, што имъ истину показує. *Анахарсисъ*, родомъ Татаринъ, и Царски синъ, отиде у Грчку, даде се на науку, и постане Філософъ. По

томъ возврати се у отечество свое, съ благимъ намѣреніємъ, да свое отечество просвети. Ха! овай хоће да є одъ своію найнаметниі, рече сурови и безчовечни братъ нѣговъ, и стреломъ га крозь средъ срца прострели. О! различія просвѣштени и варвара люди! рече сирома *Анахарсисъ*: они, туђи и непознати, любили су ме и научили! а ови, мои рођени немилостиво ме убіяю! то рече, и издане. Но може помислити ко, да, колико су годъ глупи и варвари они, кои на науку вичу, криче и оштре зубе; опетъ ние могуће, да безъ свакога узрока то чине; међу великимъ числомъ люди, ако ће како прости и неокресани бити, опетъ валя да се нађе одъ природе добри и паметни. Има и узрока различни, то се не одриче. И 1. Свака новостъ свагда наоди нека препетствія, докъ се уведе. 2. Што и међу ученима наоде се, кои су или преко мѣре интересирати и сребролюбиви, славолюбиви и сластолюбиви, зловни, неправдолюбиви, и различнымъ човеческимъ слабостимъ подложени и предани; пакъ ово све у ученомъ човеку несравнѣно више другима у очи пада. Одавде се є у поштене Србљъ увела пословица, да, *гди су кола мудросши, шу су двоя лудосши*. Као и она друга: *Пошовска и прасадъ валяло би да су памешниі; а нѣова су и деца луба, него остали людій*. Правда, да єданъ ученъ и оштроуманъ, кадъ є по несрећи злованъ и неправеданъ, гори є одъ простога; зашто може хитріє и лукавіє злобу свою на зло употреблявати, и зато по справедливости веће осуђеніє заслужава. О овому овако валя да судимо. Не пристои мѣшати лепо майсторско дѣло са злономъ майстора. Искусно нѣгово

рукодѣлїе нїе причина нѣгове злоће; то су две савимъ различне ствари, и немаю ништа међу собомъ общтега. Добаръ лѣкаръ може и повредити и отровати, али нѣгово званїе нїе то, него да учини добро, да исцѣли и здравлѣ донесе. Међу травама има и вредовити и єдовити; но зато не велимо, да су траве непотребне; ове ране и гою животиню нашу, која є нами толико потребна и полезна. Киша другда и штету навесе и потопа, али безъ нѣ светъ обстати не може. Лепа пшеница има и куколя, али люди добро одъ зла чисте. Овакове примѣре валя себи узимати, о којима најпростїи могу ласно и лепо судити. Очи наше, и руке, и ноге, и паметь, све намъ то може на зло служити; али намъ ихъ природа нїе на зло дала. Не мѣшаймо дакле злоупотреблѣнїе, съ благоупотреблѣнїемъ, и не окрећимо ствари наопако. Нека само помислимо, шта би био єданъ народъ безъ никакви слова, безъ писанїя, и безъ ни єдне кнїиге. Ништа друго, него у мраку, тами и у свеконечномъ варварству. Неби могао имати никакве извѣстне нити постојане ни вѣре, ни закона, ни цркве, ни Богопочитанїя, никакве грађанске са основанїемъ уредбе, нити общтеполезнога установлѣнїя. Био би или као у првомъ дѣтиньству и невѣжеству, или, што є їошть горе, у крайной будалаштини и дивлячеству. И колико би се више люди плодили и умножавали, толико би међу нѣима веће смућенїе, вражда, крвопролитїе и свако зло бивало, и вѣковечито остаяло и пребивало. А како су се изнашла писма, и почеле списувати кнїиге, таки су се и народи почели єданъ одъ другога учити и просвештавати. Трудолюбиви и ос-

троумни люди мисли и изобретенія нашла су средство и способни начинъ, безчисленимъ другима приподавати се и приобштавати. Мракъ и тама, пипанъ и тумаранъ по ноћи, и вавулонскога пурготворенія метежъ, све е то почело мало по мало умалявати се и изчезавати. Она, у старо време сунцезрачна Грчка садъ получава одъ сѣвера оно, што е она у свое време востоку и западу сприобштила и приподала. Садъ се исполнява она божественнога *Платона* речъ, да ђеду тада люди благополучни бити, кадъ буду цари философствовати, и философіа съ цари царствовати. Сада *мудростъ зида себи домъ* и утврђава га на седамъ столпова: 1. на наукама; 2. на художествама; 3. на землѣвоздѣланію; 4. на шрговини; 5. на закони; 6. на човеколюбію; 7. на правди. Едно многочислено общество или ти царство подобно е еднога човека тѣлу. Докъ су сви уди здрави, и сваки свою дужность по принадлежности точно и совршено исполнява, дотле све тѣло благополучно остае и пребива. Царъ е свега тѣла умъ. Докъ овај добро располаже и заповѣда, све добро иде и напредуе. А умъ потребуе, да се чрезъ упражнѣніе, науку и искуство просвештава, да пристойно заповѣдати може.

Кадъ човекъ (но са смиренумудріемъ, зашто би срамотно високоуміе било, о себи што мислити) кадъ човекъ, велимъ, пристойно о прекраснимъ наукама и любомудрію мисли; заисто у неко восхищченіе долази. И ніе дивно: зашто све, што е добро, красно и мудро, одъ првоначалне доброте, красоте и мудрости, сиречъ одъ Бога, происходи. До *Пгѣагоре* међу сви Еллини, учени люди називали су се *Софи*, то естъ

Мудри. *Пгѣагоръ* е то забраніо и подигао, представляюћи, да човекъ, несовершенъ будући, не вала да се називаъ *Софосъ*, сиречь *Мударъ*; понеже самъ е єдини Богъ мударъ: а човеку е доволно, да се назове *Філософъ*, то єсть *Любомударъ* илити любитель мудрости. Што су сви разумни и просвєштени люди одъ востока до запада, и древни Еллини, и Римляни, и Хінези, и Арапи, и Хрістіански учители, о наукама и любомудрію мислили и говорили, кадъ би се свію миѣнія и изреченія о томе писати хотєла, цѣла би се кнѣига написала. Мудрость є сама имѣніє бесмртно, зашто съ душою во вѣки живи: вели *Исокрасъ*. Любомудріє є божєствени и небєсни, човечєски и земни ствари наука и знанъ: вели *Ціцеронъ*. *Аарунъ*, *Аравски Соломонъ* наречени, *Багдатски Царъ* и *Каліфъ*, запита єдногъ придворногъ учителя за неку стваръ. Онъ му управъ каже, да то незна. Како то? рече *Каліфъ*, ти потежєшъ одъ мене толику плаћу, и уживашъ толику чєсть, пакъ можєшъ тако слободно казати да што незнашъ? Ваше вєличєство, одговори учитель, плаћа мени и дає чєсть за оно, што я знамъ: а кадъ би я знао сєє оно, што незнамъ, я би био као сєєзнаюћи Богъ; нити би сєє царства сєєта мене платити достаточна била. Ово є подобно смиреномудренога *Сократа* рєчма: єдно знамъ, да ништа незнамъ. И *Солоновима*: старамъ сєєгда учєћи сєє. *Еразмъ Ротеродамъ* (или нѣгова вѣка неки нѣму подобанъ) говоріо би, да, кадъ би у власти сєєа блага овога сєєта имао, и принуђєнъ би био сєєга лишити сєє, съ дозволєнѣмъ да само єдну стваръ са собомъ однесє, ништа друго не би изабрао, него *Плушаргова* сочи-

ненія. *Юліусъ Скалігеръ*, преизрядни кнѣига судитель, утврђавао би, да би волю, да е сочинитель девете Оде у четвртој кнѣиги, и четврте у трећой *Ораціе-вой*, него да е велики царъ на свету био. *Комедіе Арістофанове* изгублѣне би биле, да се ніе нашао еданъ екземпларъ међу кнѣигама *св. Іоанна Злашоустога*. А ко зна, шта би и одъ *Орігенови* списанія било, да ѿ ніе онъ сачувао? Зашто тада е била мо-да, како кога за еретика одсуде, таки съ нѣговимъ списаніяма на ватру! Сва пѣнія *Грчкосточне* цр-кве наше не би такова била, да нису *с. Іоаннъ Да-маскинъ*, и нѣговъ соученикъ *Косма*, преизрядни по-ете били. Ко зна, у каквомъ би се станю данасъ у *Еуропи* науке наодиле, да су сва *Еллиногрчка* и *Ла-тинска* списанія пропала? Видимо, да су ова два ѣзи-ка јоште само у кнѣигама остала. Правда, да су ра-на и обрана, то естъ, землѣдѣлски и воени чинъ, у свакој држави прве по реду; како при едномъ дете-ту, валя га изъ малена одранити и сачувати: али науке, занати, кораблѣплаваніе и купечество, доводе благополучіе народнѣ къ зрелости и совршенству. Не будимо дакле као малена деца, која, кадъ се назадо-волъ са спаванѣмъ, еломъ и напнткомъ, ни за што дру-го не маре, него за трчанъ, игрице и забавке. По-знаймо наше, како *фусіческо*, тако и морално досто-инство, опредѣленіе и конацъ, за кои смо створени. Отдаймо достодолжно почитаніе свачему по принадлеж-ности и достоинству.

ГЛАВА 7.

Ели човекъ машина, или нѣ?

Михани, речъ грчка, значи изобретеніе, но майсторско и остроумно, кое по своему внутреньму сложенію испуныва правилно и точно нека дѣла: као различни часовници или сати; и као у Бечу дрвена рука, што пише; и дрвени човекъ, кои съ крайнимъ искусствомъ Даму игра, и не да се преварити. Морално пакъ назива се и такови човекъ машина, коєга словесни разумъ и слободна не управля воля; него све, што чини, изъ обикновенія, или изъ неке владающе страсти чини: слѣдователно себе, као словесне душе лишена, показує. Одъ неколико времена овамо, неки су се учени люди надинаћивали и надписивали, ови утврђавающе и чрезъ многе примѣре доказующе, да є човекъ самовешчна машина; а они пакъ на противъ, на пѣговъ словесни разумъ и слободну сматрающе волю, то су, као нешто неразумно и човеку непристойно и недостойно, одрицали и одметали. И тако ти намъ се и учени люди, какогодъ и неучени, могу инатити и препирати. Колико имъ годъ драго, кадъ што за упорность чине: кадъ своя понятія и речи пристойно не опредѣляваю, кадъ не разделяваю и не одличаваю оно, што єсть, и што би природно и могло и надлежало бити, одъ онога, што по случаю и подъ некимъ положеніями и бива, и ласно може би-

ти. На примѣръ: нѣта е бѣло, здравима се таково, при светлости, показуе очима: у мраку се не види; а и усредѣ подне, кадѣ се съ другоячимъ помаже мастиломъ, видитѣ се другоячѣ. Умни човекъ има природно даръ и способность разума, мудрости, слободне волѣ и добродѣтели. Онъ е створенъ, да е таковъ; зашто здрави му разумъ то за найболѣ представля и показуе; и нѣгово физическо и наравно благополучіе то одъ нѣга изискуе. Но да е онъ способенъ бити таковимъ, и да е у самой ствари таковъ; то су две различне ствари. Онъ, по случаю, и по разнимъ обстоятелствама, може бити и неразуманъ, и несмысленъ, и као махина; и, што е јоштѣ горе, може бити лудъ, и самопроизвольно зао и лукавъ, и лажа, и лупежъ, и бесанъ, као пјанъ и силовитъ Япъичаръ; и єднимъ словомъ, свака беда и неволя може изъ нѣга и бити и бива.

Изъ овога се види, да они, кои су се о томъ много препирали, могли би били ласно, да су хотели, и съ миромъ стаяти или седити. Ми пакъ кои нисмо немиру ради, за не привући себи какву смутню и метежъ на вратъ, можемо обоима на некій начинъ право дати. Овима, кои неће, да е човекъ махина, довольно ће бити оно мало, што смо више рекли. Зашто, кадѣ ко са мало речій свое право може имати, онъ не потребуе многоглаголанія. Али онима, кои свакояко хоће и изискују, да е човекъ таковъ, допустити, да право имаду, и то показати, како и на кои начинъ; томе се оће више посла: особито у замршеной работи валя да човекъ добро гледа, како ће на край изићи. И прво: онай, кои доказуе, да е човекъ

махіна, и онъ самъ будући човекъ, заръ валя да по самому себи суди и познае, да су и други такови. Нека му дакле буде; има право. Нека буде оно, за што себе држи и почитуе. За то се нико неће у цр-
но обући, ако себе и кои ученъ човекъ за махіну призна и огласи. Али се бою неки, да нїе противно Вѣри и Закону, држати кога за то. О! не боймо се! веле Махініани; у истой Вѣри и Закону сви смо пра-
ве махіне: вѣруемо по адету, идемо у цркву само изъ обичая, да се лепо обучени и накіћени покажемо; и излазимо, како што улазимо. А јоште ако смо у цр-
кви кога криво погледали, комъ се посмеяли, и осуж-
денія єзикомъ гдигога и боцнули, о! онда гори изла-
зимо, него што смо ушли, то естъ гори, него просте махіне! Ево и у овомъ Махініани имаду весма пра-
во! и ко тако ради, валя по души и по совѣсти да се за махіну призна. Многима ће жао бити, са мно-
мъ заедно, кои нисмо съ овомъ ересію напоени, што се толико овимъ кривоверцемъ право имати дае и доз-
волява; али што ћемо ми томе? Грехъ е противъ са-
мога светого Духа, познатой противити се истини. Правда и истина Божія су свойства, и нѣи се никада и нигде бояти не валя. Ако ће ко колико му драго кривоверацъ бити, опетъ, у чемъ има право, то му не валя одрећи. Зашто онда ни други не би намъ ни у чемъ вѣровали, кадъ би насъ у найманѣмъ че-
му пристрастне и несправедљиве познали. Али Ма-
хииниани нека съ тимъ нимало не подижу главе. Ми смо и повише поменули, ако ко памти ил' не памти, и после ћемо јаснїе показати, да ако они у нечемъ случајному и право имаду, у самой ствари обаче лю-

то се ошибаваю. Ово, што ћу садъ рећи, нека остане међу нами. Суперници или противници наши не валя да знаду све, шта ми наумлявамо. Ево сва тайна: Ми ћемо се съ њима хрвати, као силни са слабиимъ; съ почетка пушта му се, кадъ на десно, кадъ на лево, сагибати, да му покаже, да е и онъ якъ и снажанъ; зашто кое би му поштенъ било, слабіегъ одъ себе таки оборити? а кадъ осети, да онай сву силу свою скупля, и да е башъ на канѣнъ нешто юначки учинити, онда ти у еданъ ма тако съ њимъ о землю и тресне и лупи, да нейма часа ни помислити, на кои ће начинъ пасти и извалити се. Но само полагано! Ние свагда онай найнаметни, кои се зна најлепше хвалити. Ко се хвали, често се завали; лепо пословица каже. Не видимо ли ми и сами често? да неки, докъ су у умѣреномъ станю, паметни су и разумни, кротки и любкоприступни, поштени и (гди е потреба) стидљиви, учтиви, пріятельски, благонаравни, и на свако общте содружество и веселъ и ползу готови и усрдни: еднимъ словомъ, нису нимало махінама подобни, него прекрасно показую, да словесна душа и здрави разумъ съ њима управля и влада. А како се обогате и до каква височества дођу, изгубе и забораве сва она прва прекрасна свойства; и као да некаква револуція у њи улѣзе, измене се у свачемъ и сасвимъ, и у свакояке се махіне преобрате и претворе. Погледаймо сада онога лихоимца и среброслужителя *Ариакса*, шта чини. Колико е у Бога дана, све то, те то. Онъ, или ходи, или стои, или сѣди, и кадъ жваће, и кадъ гута, и кадъ леже, и кадъ устае, све есани. На сто по 12, толико хиљада и

толико стотина, толико чини. То данасъ, то сутра, и то свакій данъ. Да ужива, и да добро чини, колико би учинити могао; нека у добри часъ; али е онъ права махіна; а ова сирота не зна друго, него то, пакъ опетъ то. *Киръ Дамисъ*, богати родителя синъ, зна, да дваредъ толико живи, колико може жити, не би могао потрошити све, што има. Зато онъ самъ каже, да онъ никакве потребе нейма, главу свою турбирати, нити себе у кое трудне после инђерирати, кадъ безъ тога може жити. Онъ, громогласно смеюћи се, себи подобнима каже, да нѣму сви учени люди, и сви, кои се о гражданскимъ и о историческимъ разговараю стварма, на књиге заудараю; а нѣму тай мирисъ турбира мозакъ. Онъ найрадѣ иде онде, гди свакояке миришу помаде; гди се шали, гди се сміе, гди се ни на што позоръ не дае, и гди се о свачемъ *санъ фасонъ* говори. Сапрлотъ! (као више смеюћи се, подвигне) каква е ово лепа речъ французска, *Санфасонъ*! Мой фризуръ е Французъ (каже), и кадъ ме годъ фризира, научи ме по кою речъ. *Морбле, парбле, сакрбле!* и силу таки речи научимъ. Оѣу да пукнемъ одъ смея, кадъ ѣй учимъ. Но ко ће све то запамтити? и себи съ онимъ, безъ шта може бити, главу и мозакъ турбирати! Я имамъ, ко се за мене стара: фризеръ за главу, терзія за сваки мода одѣло; чизмашъ за ноге, а два кувара за трбу: ха-ха-ха-ха-хее! ніе ли ово паметь и по? Доста већъ, доста, *Киръ Дами!* тако ти твоє лене памети! По теби могао би найправославниіи човекъ у искушеніе пасти, и рећи, да Махиніани сасвимъ право имаду; такова будући ти бѣдна и ядна ругоба одъ махине!

Ево зашто самъ я повише рекао, да се ми Антимахі-
ніани, пре времена, и одвећъ много не захвалимо.
Овде садъ добро видимо, да наши противоборници ни-
су сасвимъ безъ снаге и безъ оружја.

Са свимъ тимъ нека ко не помисли, да я мало-
душествуемъ, и да мислимъ моимъ противоборцемъ
тако ласно оставити мейданъ. Не то! него право е,
да свакъ има свое. Ено, погледаймо ону прекрасну
Селинду: како е благодѣтелна мати Природа на ню
све свое дарове съ богатомъ рукомъ излила! Очи,
уста, погледъ, гласъ, свега тѣла струкъ и движеніе,
обаяваю и восхиштаваю! Ко не би рекао, и ко се не
би заклео, да у онаковомъ тѣлу преизредна обитава
словесна душа? Али, о! штете и жалости! све на
противъ. Она се одъ ютра до вечера све о нове
моде пантликама, галантерійскимъ трговинама, и о
марамама забавля и разговара; о лезецама, како ѿ-
валя држати, како съ њима управљати, како преко
стотине майсторски и тайни знака съ њима знати
давати. Никада ништа паметно нити радо чуе, нити
зна рећи. Њзине су најмиліе другарице коекакве
служкинѣ и градске клелетуше, кое се съ њомъ сле-
пога миша играю, пакъ ю по томъ по свему граду за
посмѣяніе разносе. И сва ѡзина несрећа изъ ѡзи-
не производи лепоте. Отацъ и мати најпре су е раз-
мазили и разштетили. Ево и ово служи махинианомъ
за доказателство, да су и жене махине. А што е
іоште најчудніе; ови куриозни люди, наши против-
ници, усуђую се изъ све Історіе засведочавати и до-
казивати, да су сви люди на свету ништа друго, не-
го една многосложна и по случаю састављена машина,

и да су сва нѣова умишлѣнія, совѣти и дѣла само
ѣдне махине исправлѣнія; да су сбогъ ѣдне малене
ствари стогодишнѣ рати и крвопролитія бивала, ми-
лиони людѣй гинули, Царства, прежня силна и вели-
ка, падала и губила се, а нова, пре тога ѣдва чуве-
ни, и непознати народа дизала се и постаяла. Мно-
гочислени народъ, какогодъ ѣдна стара махина, по-
квари се и разруши; а другѣй, манѣй и слабѣй, не-
како се састави, сложи и у дѣйствіе ступи. Дакле
ѣво ти словомъ и дѣломъ доказано и показано, да ѣ
човекъ махина, и да су сви люди заѣдно подъ свомъ
окружностію неба ништа друго него ѣдна ѣдина ма-
хина; и да су сами Махиніани и паметни и мудри и
правовѣрни, а сви други нису ништа, него сѣнь сѣ-
ни и пареніе ума!

Већ су ова господа казали све, шта су знали,
и шта су намислили били казати, и садъ високоум-
ствую, и побѣдную пѣсанъ пояти готови су. Но нека
мало причекаю, и како смо ми нѣове, тако и они на-
ше разлоге нека послушаю. Люди, кадъ се разгова-
раю, валя да ѣданъ ѣзикъ и начинъ говореня употре-
бляваю, како се разумѣти могу; а безъ тога нема ни-
шта. Рекли смо, и при тому валя да остаємо, да ѣ
махина майсторско искусно дѣло; а то предполаже ис-
кусна майстора. И колико ѣ ова многосложнѣя, простра-
нѣя, крѣпчѣя, постоянѣя и премудро-устроенѣя, толико
већма предполаже свемогућѣга и премудрога майсто-
ра. Она сама у себи незна, шта чини; но слѣдуе са-
мо нечувствено расположеніямъ и правилами художни-
ка свога ко исполнѣнію нѣговога намѣренѣя, опредѣ-
ленѣя и конца. И неотложно мора тако чинити; и са-

ма одъ себе не може ни помислити ни рећи: нећу овако, него другојачіе; и нећу данасъ, како што самъ јуче хотела. А у моралномъ словесномъ самопроизволномъ створеніу сва се противна дѣйствија виде и показую. Слѣдователно дакле ово е друго нешто. Сасвимъ и сушчествително различно одъ онога. Ко ово не види и не разуме, онъ неће да види ни да разуме. Онъ хоће силомъ да буде махина. Но и тако, и на своју люту срамоту, онъ то не може бити. Зашто да в онъ то, онъ неби могао ни хотети, ни не хотети. А како е онъ кадаръ рећи: То хоћу, а оно нећу; онъ себе већъ издае за оно, шта естъ. О, мои мечтателни махиніани! не варайте себе: прави махиніана нити е било, нити може на свету бити. Зашто, сушчествително е и сасвимъ друго махина, како одъ онога, кои прави махину, тако и одъ онога, кои зна, шта е она, и кои е способанъ о нъой мислити, судити и разсужавати. Куріозно приключеніе! пакъ кадъ е то тако, зашто се ми толико намучисмо съ некакви махиніани, кои нит' е кадъ било нит' ће кадъ бити; толико говорехи и инатећи се, јоште савише нѣима толико реди право дајући: а садъ ій у еданъ ма са свимъ нестаде? Ништа зато: безъ муке нема науке. А да што се уради одъ старогъ *Ариакса*, одъ *Киръ Дамиса*, и одъ лепе *Селинде*? Ништа: они ће остати такови и овога и онога света бедаци, ако се како јоште за времена не освесте и къ себи не дођу. А како то бива пакъ? По несрећи врло ласно, и навластити изъ петъ узрока; 1. изъ *воспитанія*; 2. изъ *примѣра*; 3. изъ *моде*; 4. изъ *шемиераменша*; а 5. изъ *обичая*. Човекъ е наравно самовластанъ и самопроизволянъ: сва

нѣгова избранія и дѣла (разумева се, што нѣе изванѣ нѣгова домашная) зависе одѣ нѣгове волѣ. На примѣръ: кадѣ има добра вина (ну, нека буде ако ѣе и среднѣ руке; ербо нѣе у власти нашої, да имамо свагда найболѣга,) пакѣ ако се ослободи два путѣ више, не-го што обично сносити може, пити и попити, онѣ ѣе се здраво отрискати: и у овоме нико не може ни самѣ себи, некамоли комѣ другомѣ, помоћи. Човекѣ може у ономе, што одѣ нѣга зависи, или са добродѣтелма себе украсити, или са злобама наружити. Свакій е природно радѣ, да му буде болѣ, а не горе. Зашто дакле често избира оно, што е горе? Узмимо садѣ они петѣ узрока, чрезѣ кое човекѣ, разумномѣ и словесномѣ обдаренѣ душомѣ, претвара себе самопроизвольно или у безсловесну махіну, или у штогодѣ іош-те горе. Чрезѣ *воспитаніе* биваю люди махіне. На примѣръ, научи свой езикѣ, и употребљава га цѣли свой животѣ; а никада нѣе кадарѣ ни помислити, колико е и кое су *часати слова* или говореня. Но ово е невино и безѣ злобе. Али што многе ствари утврђава и одриче безпутно и не знаюћи, кое су може бити или нѣму или другима на вредѣ и штету; любви или мрзи, зашчишћава или гони, хвали или хули и проклинѣ, само изѣ узрока, зашто су тако и нѣгови стари чинили: Ево одкудѣ биваю безчислена зла, која су погибелнія, него да е човекѣ проста махіна. Сви народи, племена и езици даю деци различна, и по вишій части луда и опака, воспитанія. А *нигде се не ешараю, да шо уведу и уреде као по вѣчнимѣ арішметическимѣ правилама, да се зна, што е добро, зашто е добро; што ли е зло, зашто е зло; и ка-*

кова су њѡва слѣдствіа. — Темпераментъ, или ти сложеніе тѣла, узрокуе у некимъ людма всеконечну за свако обште добро немарность и небреженіе. Ре- као би, да имъ душа у свагдашнѣмъ спаваню, или у некаквомъ унливомъ и тежкомъ дреманю, као утрну- та, лежи. Нити су ладни, ни врући, него млаки и ра- слаблѣни: рођени само за сиромаштво и за скудость. Но и у овима е више худо воспитаніе криво, него темпераментъ. Мало е темперамента сасвимъ неваля- ли. Натура е штедљива у крайностима. Човекъ ви- ше потребуе наставлѣнія, него сва проча животна. Ако ће дете како тупо бити, опетъ може се на што- годъ полезно опредѣлити и употребити. Нити га е по- треба съ крайнѡмъ силомъ на штолибо опредѣлява- ти, къ чему сасвимъ ни склоности ни способности не показуе. Примѣръ другихъ, и Обикновеніе, ова се у едно саливаю. Бданъ ученъ човекъ, или философъ, може себе самопроизвольно и изъ свагдашнѣга обик- новенія у махіну претворити, кадъ неће ништа друго ни да чуе, ни да зна, разве само оно, што е одъ свои учителя примію и научію. Ни у каковъ другій разго- воръ нити радо пристае, нити хоће себе да упушта, кромъ онога, што у нѣгово знанъ улази: све е дру- го излишнѣ, у чему се онъ окретати и наћи ніе оби- као. Съ малима и съ великими; са младима, како и са старима; при части и при веселю, како годъ и при жалостнимъ приключеніама; са здоровима и са болест- нима; хотео би онъ да се само о нѣговимъ фаворит- матеріама разговоръ и беседа води. Да му се иста нѣгова кућа упали, онъ воли доказивати, како и за- што оганъ сажиге и старява, него воду носити и га-

сити. Кадъ су му дете или жена болни, онъ онда сладкоречиво доказуе, како у тѣлу различни дѣйствую умори, и какво вліяніе и втеченіе имаде воздухъ на човеческомъ тѣлу и души. Онъ е заклеті непріятель свакога разговора, гди се никадъ не чуе *него маіоремъ пробо міноремъ*. И онъ найлешше залюблѣнимъ уме доказати (кадъ би га ови хотели слушати, и да имъ е до тога), како любовь окреће мозакъ, труе срце, и помрачава умъ. На исти начинъ *мода* са *обичаємъ*, о! како и ово двоє светомъ владаю, и различито окрећу! Како се валя облачити и свлачити? По моди и обичаю. Како поздравляти? како обходити? како мислити и говорити? како кому ласкати и улагивати се? како кланяти се и свое почитаніе показивати? како претварати се и лицемѣрствовати? како ове неразумно похвалявати, а оне несправедливо осужавати и опрнявати? Све то по моди и по обичаю бива. Ево како словесни люди себе самовольно у безсловесне махіне претвораваю! Ево узрокъ прави, кои е махіномудрію, слѣдователно и махініаномъ поводъ дао, и нѣхъ као нека сушта вѣщества на светъ произвео?

А да, ако дакле ми не примимо за вѣроятну и извѣстну истину положеніе, да су сви люди скупа една махіна, и да сва нѣиова твореня и изоставлѣня махінослично зачиню се, постаю, напредую и биваю; како ћемо изяснити ова несумнѣна и очевидна видѣнія; кадъ се цѣли Народи за мале узроке (безъ кои би или сасвимъ могли бити, или би баремъ, о маломъ, трошку, начинъ и средство примиренія нашли), као бесни, едни на друге вооружаю и подигну; упусте се

У многогодишнѣ ратове и крвопролитія; взаимно едни другима неисказанна и безчисленна зла учине, тако да цвѣтућа Царства пропадну, а друга постану? И ово се ласно и природнѣ, и управѣ безъ свакога махинизма, размрсити и изяснити и доказати може. Какогодѣ кадѣ свакѣ човекѣ понаособито, словесно и разумно живи и поступа, и у свакимѣ приключеніями и обстоятелствама себе съ благоразумнымѣ совѣтомѣ управля, тада нѣгова дѣла имаду добра слѣдствія. Зашто ово е вѣчно у самой натури ствари правило: *Добро чини, надай се; не швори зло, не бой се.* Правда, да се случава каквимѣ годѣ узрокомѣ, да и са здравима ко очима може се потакнути и пасти: али е всебзмѣрно разанствіе, съ очима и при дневи, или слепо и у мраку, ходити. То исто управѣ и съ многочисленнымѣ народима бива. Кадѣ се неразумно и неправилно владаю, предаду се своимѣ устремителнимѣ похотемѣ, и необузданимѣ пристрастіямѣ: неправедномѣ любокористію и силовитомѣ грабежу; и тако многа зла и творе и страдаю. Како годѣ едно тѣло безчиновнимѣ живлѣнѣмѣ разслаблява се и у паденіе мало по мало долази: то и съ цѣлимѣ народомѣ бива. Е-данѣ падне у раскошѣ и распуштенѣ; свакѣ на свою страну насилно потежући, раздели се, изкомада и разаспе. А другій у школи злостраданія научи се и умудра, благовременнимѣ обстоятелствама ползуе се, и на паденію другога воздвигне се и утврди: и докѣ се годѣ добро влада, добромѣ се има и надѣяти. Мислимѣ, да самѣ довольно о овой матеріи говорію: ако ли се кому учини, да самѣ и много; нека извини мое на ползу ближнѣга намѣреніе, кое ме е къ тому вукло и потезало.

ГЛАВА 8.

О лажи и о лажливцу.

Лажъ е дѣйствіе противу истине, кадъ ко утврђава оно, што зна да нѣ, или одриче оно, што зна да естъ. И будући ова тако худа, неваляла и словесной души непристойна, да е великога вниманія и всевозможнаго чуваня потреба, да не би ко ни невино, не хотећи, и не намѣравајући, изъ самога незнаня овимъ порокомъ себе помрляо и покаляо: зато, пре него се што извѣстно зна, да естъ, и како естъ, не валя то нити утврђавати, нити одрицати. *Рећи не знамъ*, то е поштено; зашто е то истина у оноемъ, што се не зна: и къ оному, што се обстоятелно зна, ништа више не придодавати нити одузимати. Но какви опаки обичая нема међу людма! На примѣръ: зуби су у свию людій на земљи, ако нису покварени, природно бѣли; и колико су бѣљи, толико су здравіи и чистіи, и толико би їй за лешше почитовати надлежало. Ништа манъ наоде се тако окренута мозка люди, да црне и црвене зубе за лепе и господске држе, и тако їй боядишу. То исто бива и съ лажама. Уведе се неки худи и сгадљиви обичай, да се као на неку хитрость и танкостъ ума сматра, остроумно и слично умѣти лагати, тако да се цѣле фаміліе и общества пролажу, и као по некомъ занату и званію притворни, лицемѣрни, лукави, ласкательи и лаже по-

стану. Пакъ, о! плюваня достойна стваръ! са своима се поносе и диче лажама. Свака лажъ, ако е невинна и безъ злобе, предполагае глупость и рассуђенія лишеніе. Ако ли е пакъ са знаньмъ и придоумлѣніемъ, онда сваку погану злобу, лукавство, превару, крађу, невѣрность и издаю предназначава. Зато по примѣру искусни лѣкара, кадъ предузму едно болестно лечити тѣло, найпре се стараю одъ сваки зли очистити га нечистоћа, а по томъ цѣлителна и укрѣпителна давати му лѣкарства: тако и свештенно наравоученіе твори. Найпре гледа одъ сваки порока и блазна очистити душу и срце, а за тимъ приподае њима цѣлителна и спасителна добродѣтелей напоенія. Потребна е дакле одъ дечице, јоште при сисама, почити. О! како често најболѣи, најмилостивіи и просвѣштени родители, и не мислећи о томъ, изъ самога голога обичая младенце свое съ лажомъ напояваю и трую! Кадъ мала *Бетинка* плакати престане, уче ју, да каже, да нѣ она плакала, него *Маша*, и да му рече: Ха! ха! чекай! чекай! ту брутто Матіа! *) А ово ни мало не валя; зашто се дете учи лагати, и у тој науки напредуе. Кадъ дете ође ножъ или што таково, сакрију га, а детету кажу, да га е мачка однела. А то зашто? Да не плаче. А болъ би било да му узму

*) Бетинку (Елісавету) разумѣва овде Г. Досиѣей предрагога и наперсиѣйшега своѣга Г. Драге Феодоровича у Терсту второрођену кћерь, како у Етици својой на стр. 43 Мимицу (Марію) прворођену: а Матѣію, прозвищемъ Лучића, младогъ нећака истога Г. Драгутина.

ножъ, да му га не даду: оно би проплакало, пакъ би и умукло: и научило би се не искати оно, што му се не да. И тако, колико дете расти и напредуе, никада ни у найманѣмъ чемъ не учити га лагати, нити у шали. Јоште више, кадъ изъ незнаня штогодъ неправо каже, валя га покарати, и рећи му: Пфуй, то е срамота! Цигани лажу; а поштени люди нипошто; него, што знаду, кажу. И ако кадъ што и погреше, и то кажу, пакъ ишту проštenъ. И тако би се мила дечица обикла, да не умеду ни помислити штогодъ лажно.

Ништа ніе хуђе ни скверніе одъ лажљива характера. За то веле Србљи: лаже, као Циганинъ. Нису знали ружніе лажљивца похудити, него циганиномъ га сочислити. Свакій чинъ злочинаца могу међу собомъ саставити друштво: распуштени, пиянице, лунежи и разбойници пазе се међу собомъ, и вѣрни су еданъ другомъ: само лажљивци не могу се нипошто соединити, и свакій такови бѣжи одъ себи подобнога. За познатого лажљивца нико не сме добру речъ рећи. Они, кои лажу за преварити, и оклеветати кога, чине то или за свой интересъ, или изъ злобе какове и вражде. Али каковога су поруганія достойни они лажљивци, кои, безъ интереса и безъ сваке злобе и вражде, изъ лакоумія и суехваленія цѣли божій данъ лажу! Нека отде само одъ Земуна до Беча, пакъ ће имати цѣлу годину шта казивати. Гди ли онъ ніе био? шта ли ніе чуо и видіо? А кадъ е то и то рекао, сви су му се чудили! Овому ћемо у овимъ істориіцама примѣръ дати. Еданъ е казивао, да е у Цариграду био, да е Султана у нѣговимъ ба-

штама са многимъ Султаніама више путъ видіо; да є
сѣ великимъ везіромъ говоріо; да се є са Шеисла-
момъ, сѣ Кізлар-Агомъ, и сѣ многимъ муфтіама и па-
шама одъ три репа познавао, и да є сѣ Цариградскимъ
патріархомъ дуванъ пушіо. Запита га неко, ели дар-
данелле видіо. Шта? видіо? та то су мои найвећи
пріятельи били! и сви су се о мене отимали, кой ће
ме пре на ручакъ звати. Та како ће те, яданъ не био!
на ручакъ звати? то су кастелли Цариградски! ка-
стелли! одговори онай; я самъ мислю, да ти за не-
какву господу питашь: а да, ко неби кастелле видіо?
Другій є казивао, да онъ тако островидне очи има, да
онъ види гласове людій, како крозъ воздухъ пролазе
и у уши улазе. Бданъ изъ друштва, за поругати му
се, придода, да онъ тако добре уши има, да ій чує,
како сѣ ногама тапатопоу пролазећи. Онда први, не
сносећи, да га другій надлаже, рече му: Како би гла-
си ноге имали? Кадъ ій ти видишь да пролазе, по-
треба є, да и ноге имаду: предусретне га овай.

Може ко помислити, да, кадъ би се казивало све,
што се зна, могао би ко и себи и другима, и цѣло-
му обществу, зло приузлоковати, и што би било одъ
потребни и нуждни тайнохраненія? Наравоученіє хоће,
да су люди цѣломудрени, справедљиви и благоразум-
ни, и како такови они ће се знати у обстоятелства-
ма благопотребно и общеплезно обходити и владати.
Обштега непріятеля и врага, лукава умишлѣнія и на-
мѣренія потреба є на свакій начинъ осуећавати; и о-
не, кои нами яму копаю, у ту исту яму низвалити и
стрмоглавъ пасти учинити. Имаду се природни спра-
ведљиви Закони, коима свакій разуманъ неотложно

валя, и дужанъ е слѣдовати. Обште злочинце и араміе потреба е на свакій начинъ, као зміе едовите, као курыке и бесне псе, изстреблявати; ибо иначе цѣло общество би се у свагдашнѣй наодило бѣди. Измишлѣнна учени и паметни людѣй списанія, како што су: *Басне*, *Аллигоріе*, или иносказаеме повѣсти; *Романи*, на примѣръ, како *Телемахъ*, *Мармонтелъ*, *Жилъ Блазъ де Саншїлана*, *Робинзонъ*, и овимъ подобни; на исти начинъ, остроумне и благонаравне *Комедіе*, како *Молліерове* и *Коцебуине*; ова сва премда измишлѣнна, сочинѣнія представляю образъ и различне човеческе нарави; изоштраваю умъ, и забавляюћи и восвеселяваюћи разумне читателъ, даю имъ предивна и преполезна наравоученія. Зато сва овакова измишлѣнія моралне зову се истине. Надлежи обаче примѣтити, да одъ овакови валя паметно избиранъ знати чинити; зашто били су многи, кои су само одъ тешке непослице пануръ мрляли; а неки, да добию кой новацъ и да не трпе гладъ. И оно, што е горе: намѣравали су се неки строптивонаравни, кои умъ младежи залуђую, и срце имъ и нарави, и добри вкусъ, кваре тако да, кадъ изъ младости неке даугубице и будалаштине читати обикну, после тога ништа паметно и добро окушати и осећати нису способни. И зато болъ е ништа, него што не валя, читати.

При окончаню ове главе дакле придодаемъ: Да сви старешине и поглавари, кои желе мили родъ свой благополучанъ и прославлѣнъ видети, съ поштентъмъ и съ похваломъ међу друге избране націе на позориште света довести и поставити, найпре и премного

дужни су се старати и трудити, лажи, лицемѣрія, притворности и лукавства изъ нѣга истреблявати, горѣномъ любовію къ божественной истини, къ сладкомъ, благородномъ, великодушномъ взаимномъ чистосердечію, и къ всеобщей повѣренности нѣга упоити и наполнити. Такови поштени и избрани народъ може се своему благополучію надати, показуюћи себе тога достойнимъ.

ГЛАВА 9.

О любви живота.

Давно е давнашній казао *Езопъ*, зашто се млади люди манѣ смрти бое и плаше, него старіи; и тому е дао подобіе овцу и свиньче. Овца, вели онѣ, башѣ и кадѣ е на закланѣ воде, она мисли, да ю воде за остриѣи іой вуну, за кою не мари; и тако до последнѣга магновенія ни о каквомѣ не мислеѣи злу, нити се бои нитѣ се плаши, него иде мирна и спокойна: а кадѣ іой башѣ ножѣ преко гркляна преѣе, онда се сасвимѣ веѣѣ шта бояти нейма. А крмче пакѣ, не имаюѣи на себи вуне, и стриженю сасвимѣ невешто будуѣи, како га куднибудѣ повуку, таки о некаквомѣ великомѣ злу, беди и напасти мислити почне, и стане га дрека велика и ужасна. Подобнимѣ начиномѣ и младѣ човекѣ, какогодѣ овчица, о злу не мисли; зашто се и не плаши. Онѣ разсуждава, да по правой и по читавой природи валя да нарасти, да се ожени, да изроди и одрани дечице неколико, да поизжени синове и разуда кѣери; и тако да путемѣ живота, кадѣ по лепомѣ времену кадѣ по киши, снегу и лапавици, данасѣ по цвеѣу и ливадама, а сутра по блату и по трню, како се кадѣ догоди и приключи; и тако лагано по лагано, садѣ ногу предѣ ногу, а другда и плотове и ендеке коекакве прескачуѣи, да топрвѣ кѣ старости доѣе, и преко но-

ћи смрти у друго свое опредѣленіе, доспе и достиже. Ово ніе на криво, него управце, мислити. А да се другда и деци, и младићемъ, и среднѣга людемъ возраста иначе пригађа; то не бива правилно и како би валяло; слѣдователно младъ човекъ мисли, да съ тимъ себи главе не треба разбіяти. Зато е онъ другда неразумно и преко мѣре слободанъ. Уздаюћи се у младость и крепость, често подлаже, себе самъ своевольно очевидномъ бѣдствованію; кадъ или не чуваюћи се, назебе и презебе, или весма угреянъ ладно ніе, или не даюћи позоръ на ело и пиће. А све то, зашто тако неразумно? Младъ самъ мисли, неће ми ништа бити. Докъ истомъ превари се, пакъ изненада, или чрезъ ектику, или чрезъ какве протисли, и трулу кою грозничину, пућъ! стрмоглавъ у Хароновъ чунъ. Пакъ тада остай съ Богомъ лена младости! мила женитбо! и путованъ живота! Ово се напминъ овде изъ велике любви къ младићемъ нашимъ, кои докъ су деца, чуваю ій милостиви родители; а кадъ понарасту и обячаю и тѣломъ и памећу, дужни су се сами чувати, ако хоћеду, да ій и Богъ чува. Нека пикадъ не обичаваю оне неразсудне речи: Младъ самъ, шта ће ми наудити? Колике видимо лене ябуке, да пре зрелости времена на земљу падну и иструну! Знаймо, да одъ самога зачатія, иста утроба милостиве матере наше не може насъ одъ свакога сачувати зла. А одъ рожденія и колевке по свемъ путу живота премноге се наоде ямури-не, у кое ако се као срна свудъ не обзиремо и позоръ не даемо, свакій часъ ласно упасти и пропасти можемо. А савише свега, нимало несумняймо, да е

слабъ, сакать и болешљивъ животъ горій, него скоро смръть. — Садъ е редъ, да о старимъ човеку говоримо. Съдина и старость свагда е била, и єсть и до дагасъ, не само међу прсвештенимъ народима, него и међу дивимъ и варларскимъ у почитанію; зашто предиолаже више искуства, разума и мудрости. Истой разумной младости приписує се принадлежеће старости почитаніє. Съдина бо єсть мудрость човѣкомъ! И паки: старость бо честна, ако и нїє многолѣтна, нити се по числу година мѣри: вели *Соломонъ*. А у насъ за цѣло се похвално почитує слово, кадъ се о коме рећи може, да є младъ годинама, а старъ памећу. Колико є дакле приличніє и природніє старому искуство и разумъ, толико є нѣму непристойніє и необичнїа неискуство и неразуміє. Три ствари моя ненавиди душа, вели *Исусъ Сирахъ*: сиромаша гордєльлива, богата лажљива, и стара блудника. А и кодъ насъ држи се за нешто сасвимъ безмѣстно: остарію, а памети не стекао. Старъ човекъ, кои є толику децу и младиће у свету живота српомъ смрти пожнѣвене видію, а да шта се нѣму већъ садъ хоће и зактева, те се бои и плаши? и као дете, ужасава и страши? Свакъ жели, на многа лѣта да живи: то значи, до старости. Да не остари, та пожелѣна многа лѣта не би се никадъ свршила. Али кадъ већъ старость дође, путъ є нашъ докончанъ. Ахъ! одъ све неволѣ іоштъ єдну годиницу! Е! и то пакъ: єдну по єдну; и то би могло задуго траяти. Ко нїє благодаранъ на 70 и на 80 година, онъ неће себе ни іоште съ десетъ задовољити. Но нека їй буде, колико їй Богъ дарує и природа сносити може. Овде є само о

томе речъ, да паметанъ човекъ по седамдесетъ година дужанъ е рећи: Благодаримъ ти, Творче и Зиждителю! ево ме садъ, готовъ самъ! буди воля твоя! Благо ономъ, кои то у свако време живота рећи може! А ко то ни у самой старости не сме рећи, тай е неблагодаранъ: такога валя, ил' му се оће ил' неће, силомъ одпелати; и тако бива.

Чудновита видѣнія показую се у човеку! Ми кадъ посмотримо петдесетъ наши прошасти година, ако смо се колико улаждавали, кадъ то прође, постане ништа. Дай да јоштъ толико живимо; и то ће протрчати, и обратиће и то у ништа. Ево ти намъ дакле наше памети! съ толикимъ устремлѣніемъ наг-лимо, да дођемо до ништа, и да наипосле получимо ништа! А кадъ би ко желіо дуже живити, да више добра учини; у томе би имао право: и за овај посао похвално е заисто дужій желити животъ. Но кадъ га сластолюбиви зактева, само да се у сласти валя; ево ти намъ *Езопово* прасе! Кадъ старъ човекъ јоште за којомъ годиномъ уздише, само за то, што се е задуго овде пребивати и забављати обикао; а не зна, нити мари да зна, шта е овде до садъ чиніо, шта ли му јоште творити остае; нити пакъ, шта ће тамо, негде далъ, бити. Ово ти намъ е оно, остарио, а памети не стекао. Кадъ онај скупи и сребролюбиви стари *Арпагасъ* јоште неколико година поживити же-ли, само за счислявати свой ежегодишній добитакъ, и за улаждавати уши свое са при брояню звече-нѣмъ цекина; ужасава се и тресе му се сва утроба при самомъ воспоминанію последнѣга часа, нити би радъ поћи одавде, докъ се годъ на свету новаца нао-

ди; а при томъ жали и себе, некамо ли другога ко-
га, наранити. О! и таковога имао е *Езоу* право, де-
беломъ га уподобити свинчету, съ коега саломъ и
сланиномъ време е већъ да се што замасти, ако ће
оно јоштъ толико кричати, и подъ оштримъ смрти
ножемъ дречати! Али засадио самъ предивне вино-
граде, баште и воћняке; зактевало би ми се јоште по
њима проодати, и њјовимъ плодомъ наслаждавати.
Изженіо самъ синове, поудавао самъ кћери; радъ би
и мое унуке познати. Томе се ніе нимало чудити; ко
не би радъ био ономе, што му се мили? И я би радъ
јоштъ кою књижицу списати, и наштампати. Све е
то добро и полезно; нейма се шта противъ тога ре-
ћи. Но са свимъ тимъ, кадъ време полазка дође, и
повичу *ступай!* не помаже намъ назадъ обзирати се.
Заповедъ е велика, и нико е јоште ніе преступити
могао! А не пецимо се о томе нимало, наћи ће се,
ко ће по наши дворови и садови проодати се, пло-
домъ наслаждавати се, и винце пити. Како што су
други пріе насъ, ми за њима, а други опетъ за на-
ми: све то по своємъ реду иде. То ће исто бити и
съ књигама; нити би разумно било помислити, да ће
съ нама и књиге престати.

Сладакъ е животъ, понеже е даръ Божій мно-
гоцѣни и прекрасни, и по обѣштанію Всевишнѣга,
съ овимъ краткимъ и привременимъ, кадъ се на до-
бро употреби, починѣ се и преблажени и вѣчни. Пре-
драгъ е и непрецѣнѣнъ животъ само у онима,
кои га на свое и на обште употребљаваю добро, и
кои га за спасеніе и за избавленіе рода и отечества
свога полагају и посвештаваю. Достоянъ е любве и

свевозможного чувания животъ, докъ намъ га промисалъ Божій и природа оставя, и докле намъ га спасеніе и избавлѣніе рода нашего и отечества не заиште. У оваковой потреби ко се одриче, животъ свой Богу и отечеству своему поклонити и великодушно посветити, нѣ достоянъ ни временога ни вѣчнога живота. Богъ, чрезъ естествене законе, дао намъ е на неко неопредѣлно време животъ; и само кадъ га ови свети заишту закони, дужни смо га безъ роптанія и съ благодарностію отдати. Нити ми имамо власть, противъ овимъ законамъ своеумно и самовольно съ нѣмъ располагати ни заповѣдати, ако не оѣмо, да смо законопреступници и Богоборци зложни и злочестиви. Всесилни и свемогуѣй, како намъ е дао животъ, тако намъ е даровао и различне крепости разума и мудрости способства, съ коима пристойно владаюѣи се ми можемо премноге радости и веселія живота уживати; и можемо се обогатити, и благополучни постати. Но ако ми наше имѣніе и благополучіе, коя смо ми само чрезъ богодана и богодарована намъ способства получили и придобили, на славу Божию, а то естъ, на ползу общества и рода нашего (зашто не вараймо себе! Богъ друге славе одъ насъ не потребуе); ако ми, любезна братіе! са свимъ, съ чимъ и съ коликимъ можемо, общему добру не помажемо, ми смо слаби люди; ми смо недостойни рода нашего и живота: ми смо люто неблагодарни, и зли синови небеснога вѣчнога благодѣтеля и Отца, одъ кога имамо све, што имамо, и кои намъ е, какогодъ животъ, тако и све, што имамо, на кратко време дао; само, да насъ позна, какви смо люди, и

когога смо духа! и чїи хоѣмо да смо синови, света или помрчине; какови оѣмо да смо, сосуди избрани съ Павломъ, или непотребни, за разбіеніе и за цреплъ по ѱубрету. Мое е иманѣ! власть имамъ съ нѣмъ чинити, што оѣу! Твое! а не и Божіе? Ако тако мислишъ, право имашъ: не чини никадъ никакова добра, нити си тога достоянъ. А ти, другїй брате! како мислишъ? Божіе, а не мое. О ти благодарно чадо небеснога Отца! сине и наслѣдниче царствїя Божїя! благи рабе и вѣрни! улѣзи у радость Господа твоего. у малому си и у привременомъ био вѣранъ, надъ многимъ и вѣчнимъ биѣешъ поставлѣнъ. Сва створеня, колико намъ е познато, небо и земля, сунце, мѣсецъ и звезде, воздухъ и вода; све, што изъ землѣ изниче, и оно, што на землїи, у мору и рѣкама живи и плоди се, служи човеку на нѣгову потребу, ползу и услажденіе, и показуе му благость Творца: Пакъ би ли право било, да безсловесна животиня познаю онога, ко ихъ рани и чува, служи му и покорни су му; а да се човекъ тако безсловесанъ наѣ, да не познае и не твори волю великога свога благодѣтеля небеснога Отца? О! такови не живи словесно и разумно, неѣ да позна цѣну душе свое, люби себе, но несмыслено и безумно: врагъ е и люти злотворъ живота свога, како привременога, тако и вѣчнога! Уви човеку тому! болѣ би му било, да се нїе родїо.

— 89 —

ГЛАВА 10.

О подозреніи и зазоршву.

Подозреніе е сумня и боязливостъ, да насъ е ко у чемъ преварію, штогодъ намъ украо, какво зло учинію, или што таково учинити наумію. Како се еднога общества нарави покваре, и предаду се сасвимъ, или по већой части, хитрости, лукавству, притворству и двоезичію, таки погибне међу нѣма свака повѣренность, коя е союзъ пріятельства и любви; и тако сви сматраю съ довольнимъ, по несрећи, узрокомъ еданъ на другога, као на лисицу или као на куряка, и тако можемо себи ласно представити, какавъ бѣдни животъ мора међу нѣма постати и бити. Слѣдователно, ясно се види, да безъ истинолюбія, чистосердечія и добродѣтели, валя, да су люди на свету несрећни. Кадъ би сви правдолюбиви и благонравни били, изчезло би, какагодъ предъ сунцемъ помрчина, свако подозрѣніе и неувѣренность. Но и ово не будући сасвимъ могуће, и сматраюћи добронравни люди, да су окружени одъ свакояки преузахитренія, разумъ ихъ учи, да на свашто потребни позоръ даю, и гди могу што пострадади, да нису лакоувѣрителни, него благовремено подозреніе да имъ служи къ собственномъ предохраненію и безбѣдству. Како се позна ко, да се радо съ лупежи дружи, таки се о нѣму суди и заключава, да е и онъ или лупежъ, или лупежски поручникъ и я-

такъ. Кадъ се обаче подозреніе, како злоба, предста-
вля, обличава и осуђава; сматра се то, као излишниъ,
безпутно и несправедливо: то естъ, кадъ е безъ при-
стойнога узрока. Еданъ лажљивацъ, кои се за сва-
што, лажљиво заклинь, ничиіой не вѣруе клетви. Али
и други, кои се безъ крайнѣ нужде не куне, а лажно
никада; а самъ е лажнимъ клетвама често прелаштенъ
био, и овај ласно свакога клетви неће да вѣруе, и
има право. Когодъ има много клетви, и еврино іѣ
продае, не валя му ни една. Али опетъ съ друге
стране, кадъ се ко познатимъ не увѣруе пріятелѣмъ;
одъ поштени люди боисе и плаши; о свачемъ сумня;
у обичнимъ пріятельскимъ разговорима све некакве
причте и тайне матафоре произнаоди; на сваку про-
сту и као мимогредъ случайну шалу, дубокозамишлѣ-
не и сквозъ проницателне упира очи; ако се мало и
осмене, али му е и то штудирато и усилѣно; кои сва-
ку учтиву и добросрдечну речъ за ласкателство и ула-
гиванѣ узима и толмачи; у свемъ, шта чуе, нешто
сасвимъ друго наоди и погађа; сваке друголюбіа и
пріятельства знаке, намѣсто што би іѣ съ любкостію
и благодарностію примію, онъ на све то, као на нека-
кове навѣтническе замке, кое му се замећу, сматра и
гледа. Оваковога не примајмо нипошто у наше дру-
штво. Нека се тебе у кою далеку пустиню безплодну
и безводну; како му е суво срце, нека му се тако
осуши и тѣло. За нѣга ће болѣ бити онде, него ме-
ђу людма; зашто само у таквомъ отшелничеству не-
ће се бојати ни люди ни жена. Такови окорели ви-
сокоумни самолюбци све друге, по себи, за самолюбо-
користне почитую. Нѣихъ увѣштавати, речи су у вѣ-

таръ, понеже они свака здравога разума доказателства, ако ће башъ геометрическа бити, за најбѣдствителніе сатане ластивога (силе га сапеле) мреже и сѣти издаю и оглашую. Овакова подозрителна склоненія съ кимъ сасвимъ обладаю, не даю му данъ и ноћъ мира ни покоя; муче му непрестано и растрзаваю утробу и цигерице, и знакъ су по вишой части пакостна и човекомрзска срца и немирне совѣсти, нити е могуће, да такви съ прножучіемъ ніе отрованъ, зашто добра срца и душе човекъ неможе себи никадъ таковъ пріятель и злотворъ бити. Онай, кои ни другима зло нити мисли нити жели, како би себи? Зато, кадъ е о чему неизвѣстанъ, воли и преваренъ бити, нежели безъ причине сумняти се. Подозритель подобанъ е плашиву коню, кои при свакой сѣни, при свакой крпетици, кою изненада упази, при најманѣмъ и најхуѣмъ магарету, ярету и зецу, готовъ е свога коньика свргнути, іоште ако се овомъ случи да дремль, нека добро гледа, како ће слетити. Коньикъ е тѣло (управитель, и) обуздатель умъ кои ако ніе бодаръ и узду добро не држи, у свагдашньої се бѣди находи, кадъ на тако злоудномъ парипу крозь свакояке путове живота путуе.

Неки утврђаваю, да су стари люди къ подозренію найсклоніи, изъ узрока, што су много реди преварени били. Да су преусмотрителніи, то пролази: али да су плашљивіи то не; понеже више кратъ нису прелаштени били, пакъ ніе право, да зло памте, а добро да забораваляю. Ніе прави любитель добродѣтели, коега добротвореню прошасте преваре сметаю, Да и сами свемиловичи Творацъ неблагодарне не тр-

ни, ко би живъ знао, шта би одъ свію насъ било? Колико се често чада къ своимъ добримъ родителѣмъ неблагодарна и непослушна показую! али милость и штедрота родителѣска све то сноси, побеђава; срце ѿ за нѣихъ боли, тужи; често за нѣиова преступлѣнія уздишу, но и тако ѿ liebe, и добро имъ желе. Крепка е, као смртъ, любовь! Вода многа нѣ кадра потопити любовь, нит' е силне рѣке угасити могу! Слабо люби, ко се ласно разсрди. А би ли се икада такви отацъ могао наћи, кои би за злоу злога си-на, и доброга одъ себе отерао? Тога чуда нит' е било, нит' ће бити. Сваки благодѣтель узима на себе отечески чинъ, и таково срце валя да показуе. Правда, да су лаже и варалице великимъ зломъ повинни; зашто они међу людма повѣреность и чистосердечіе ума-ляваю, праву, поштену, великодушну божію вѣру ис-треблюю и искореняваю, цѣли характеръ едне много-числене, пречестне и славне націе очрняваю, и зазоръ и подозреніе полагаю, и име ружно и худо на родъ свой навлаче и налажу, мало све обшество, у коему по злой срећи живу, погане и трю. Гори су, него съ барякомъ араміе и разбойници; зашто ови, ако се на добаръ путъ оброте, и за свое отечество и за об-ште добро воевати почну, могу витезови постати; а лажливци и преластници немаду ни найманѣгъ му-жества ни поштена у срцу. Худи су тѣломъ и ду-шомъ, слепимъ мишевомъ и совулягама подобни, кои само по ноћи и мраку рану свою траже, и на бѣдне и невинне птичице у нѣиовимъ гнѣздама и у спаваню нападаю, и ту ѿ лукавствомъ и преваромъ даве и прождиру. Противу ови валя да се вооруже и опол-

че сви рода свога и общества доброжелатели и старешине; учительи слово божіе проповѣдајући; духовници при исповѣди; свештеници у свакомъ разговору и совѣта даваню; школски учительи лекціе ученикомъ своимъ предавајући; судіе и царски намѣстници и служители на престолу Ѣмидиномъ (то єсть, правде и суда) седећи; а навластито мили родители, разумни сродници, кумови и пріятельи, младежъ одъ ове разителне проказе плашећи и чувајући, нѣма лажъ и превару, као найхући и найскаредніи грѣхъ, представляјући. Мало є, хвала буди Богу, люди, кои велике грѣхе, сиречь велика зла, творе; зашто закони грађански не знаду за шалу него велике злодѣе жестоко наказую. А поганъ одъ лажи, криє се и излагує одъ исти закона, бива као нешто изъ обичая, и тако се уме завлачити и провлачити, да є и светости и величеству закона досадно и непристойно за ньомъ свуда пристаяти; зато су ю и оставили самой срамоти и худости на наказаніе, и лажливце међу ништа люде приписали су. А благодѣтелномъ Наравоученю све су попеченіе препоручили и предали, да ту поганъ прогони, и изъ света тера.

ГЛАВА II.

Одъ свашта по мало, али лепо.

Починюћи втору десетину ове књижице глава, сочинићемо ову тако, да служи више за одпочинути, него за трудити се читаюћи. Положићемо нека на кратко лепа изреченія, којима ћемо придодати прилична изясненія; и то младимъ людма за примѣръ упражнѣнія. Ништа нїе обичнїе ни чешће у свакомъ собранію и собесѣдованію люди чути, него нека кратка и остроумна наравоучителна изреченія, коя при свой своіой лаконической краткости много у себи содржаваю. Али или за излишнѣ малоречіе мучно се разумѣваю; или, ако їй ко изъ правога мѣста не гледа, на криво се узимаю, и честократъ са свимъ се на супротъ толкую. Зато не редко чуемо, да люди при еднакомъ мишлѣнію, не разумеваюћи се у говоренію, безъ свакога узрока препиру се и инате. И куріозно се другда случава, да едно изреченіе двоица признаю и примаю за истинито, едно исто мудрованѣ или потврђаваю или одричу, но само съ другима речма, и на други начинѣ; и за то дођу чакъ до песница. Два вѣрна и любезна друга и пріятеля могу о некимъ стварма различно мислити; али за то, ако су иначе разумни и добри, неће се на криво погледати Витежско незлобіе подобно є витежскомъ юначеству. Незлобіе, кадъ бива изъ превелике простоте, малоду-

шія и страха, онда е слабостъ, коя има противу себе ону нашу пословицу: не буди свакомъ овца, да те не изеде курыакъ. Али кадъ видимо кога, да претрпява и сноси беззлобно обиде и неправде одъ такови, кое би могао ласно, да оће, погазити и сатрети; ово е витежско незлобіе. Еданъ богатъ Инглеъ, одвећъ добаръ, помажући и дајући свакомъ у потреби, потроши сво иманъ свое; а по томъ не имајући шта давати, искаше одъ други за сиромасе. Едномъ пристане за еднимъ богатимъ иштући: овај му више реди каже, да му неће ништа дати; но овај не одустане: а кадъ се овомъ досади, даде му едну заушницу. Онда му онај рече; ово е за мене: саде дай штогодъ за убоге; и тако получи. Ово е заисто витежско незлобіе . . . Тежко ногама подъ лудомъ главомъ. Ово е добро речено у свое време; но у другимъ обстоятелствама може се на исти начинъ рећи: тежко и паметной глави на слабымъ ногама; зашто, гди е спасеніе у самомъ бѣжаню, ту многа паметъ ништа непомаже . . . Иде за памећу, као муа безъ главе. Ово показуе совршену неразумность и невозможность ствари . . . Хотео би, да му печене препелице у чанакъ долећу. Ово су пословице еднаке; и ми сви, кадъ ихъ чуемо, сміємо се, као безумнимъ, онима, кои су тому поводъ дали: а да окренемо, како надлежи, очи на себе, сви би се поготову тому подложни нашли. Тражимо съ безпокойствомъ у ономъ задовољство, у чему се не находи; а пренебрегавамо ползовати се, и похвале достойнимъ показати се, често и прославити се, у чему би могли. За изясненіе овога, слѣдуюћа історица даће намъ лепъ примѣръ. *Грена*, една принцеза изъ Фру-

гіє, предузме дуги и великога трошка путъ, и дође у Епідаурусъ къ *Ескулапію*, кои за велику мудрость свою у лѣкарству, и за совршено познанство трава и кореня, съ коима чудеса твораше, обоженъ бѣше. Донесему и поклони велике дарове; и прво каже му, да е сва као испребіяна, и весма ослабила. По толико дугомъ путованю, коєму ви нисте навикла, то природно мора слѣдовати: одговори обожени лѣкаръ. Каже му, да увече неможе добро да єде. Єди мало у подне, пакъ ѣешъ болѣ вечерати: одговори онай. У ноћи слабо спавамъ: рече она. Не спавай нимало обѣданъ, него ходи и ради штогодъ; и тако ѣешъ обѣноћъ болѣ спавати. Віно другда ніє ми угодно, вели она; за угасити жеђъ, вода е найизреднія, придода овай. Желудаць ми е покваренъ: повѣда прва. Єди умѣрено; и то, кадъ добро огладнишь: совѣтує други. Очи ме починю издавати: потужи се принцеа. Време е, да почнешъ употреблявати наочари; предусретне лѣкаръ. Данъ о данъ бивамъ слабія, и осѣѣямъ, да ме снага и здравлѣ оставляю: слѣдує *Ірена*. То долази съ годинама, и такови су при свакој плоди старости: увѣри ю *Ескулапіусъ*. Кажите ви мени, како се я могу свега тога избавити: запита странна госпођа. Кадъ умрешъ, ослободиѣшъ се свега, како и твои родители и прародители: съ постоянимъ гласомъ засведочи домаћинъ. Сине Аполлоновъ! вопіє зачуђена жена, ели то све искусство и премудрость, за кою тебе люди славе и обожаваю? Шта си ти мени ретко и непостижимо казао? Нисамъ ли я све то іоште кодъ мое куће знала? и би ли я за то преко прага моего прећи потребу имала? Не чуди се томе

нимало, добра госпођо! одговори мудри мужъ: то е обична погрешка свију люди, да многа добра познаю, ал' не употребљаваю. Ви сте здрава, я вамъ немамъ шта лечити: само живите чиновно, и употребљавай те оно, што сама велите да знате. Благо ономъ, ко съ тобомъ често говори, и ко те слуша! воскликне разумљна и радости пуна *Ирена*. За такви разумъ справедливо тебе Юпитеровимъ унукомъ Грци називлю и почитую. Ти си мене научио оное, што самъ я садъ за живота благополучна постала. Она нѣму съ благодарностѣу цѣлуе десницу, прими нѣговъ благословъ, поврати се съ радостѣу во своя, и поживи счастливо *Молишва доброга Патриѡша*. Благи Боже, даруй отечеству моему люде, чистосрдечне безъ лакоумія, благоподателне безъ расточенія, тайнохрани-телъ безъ лукавства, смирене безъ худости, мужестве-не безъ продральivosti, предострегателне безъ подо-зренія, учтиве безъ церемонія, кротке безъ страшльи-вости, постојане безъ упорности, любоистине са благо-разуміемъ, благочестиве безъ суевѣрія. О! да тако-ви свима за огледала служе! Кротко осмејванъ, погледъ, и речи, знаци су срца и душе любкости. Али, по несрећи, изъ злога воспитанія и лукава обикнове-нія случава се и оно: у очима лепъ погледъ, на ези-гу медъ, а у срцу едъ Ко би радъ много при-мати, а ништа не давати, или е скупъ, или будала, коима се не пази атаръ Око лукавога гледа са-мо на зло, а добро не унажа Найхуђи и најпре-зрителниѣ е онаѣ, кои не само ништа похвале достой-но исполнити не настоѣ, него се јоште поноси, што за то не мари Ко не мари тайне туђе приношава-

ти и истраживати, тай е способанъ свое, и свои пріятеля, тайне хранити Разуманъ човекъ прилѣжно внима на оно, што се говори; пристойно пита за оно, што жели знати; тихо говори, кадъ му дође редъ; смислено одговара, кадъ се пита; о чему сумня, каже, да незна; и ласно мучи, кадъ нема што говорити Ко за свое исте непріятелъ добро говори, дае имъ право, у чему зна да имаду; похваљуе ѿ, кадъ су похвале достойни; не дае на нѣмъ потварати оно, што нѣе; такови кадъ и о себи што добро говори, може му се вѣровати Ко нема ни пріятеля, ни непріятеля, тай нема у себи ништа ваљана Слободно вѣруймо, да е онай добаръ човекъ, кога су пріятелѣ поштени люди, а непріятелѣ сумнителнога живота Онда се люди најболѣ познаду, кадъ имаду шта међу собомъ дѣлати Истина, справедливостъ, и остроуміе, губе свою светлостъ, кадъ нису соединѣне съ кротостію Горделиви се највише туже на гордостъ другихъ, зашто не могу трпѣти, да когодъ нѣма на противъ главу диже Лакше ко има паметъ за друге, него за себе; и лакше се другима совѣтъ дае, него себи; очи свашто виде, а себе не виде Нѣ доста, имати лепе вредности и способности; валя знати добро съ нѣма управляти Понизностъ къ старіимъ, то е свакога дужностъ; къ себи подобнимъ, учтивостъ; къ мањима, благонаравіе; къ свакому безбѣдствіе Истинито достоинство свагда е содружено са учтивостію и са умѣреностію; а лажно са суеславіемъ и съ високоуміемъ Съ майсторскимъ говореніемъ и съ великимъ обећаніями онихъ, кои нису

ни у чемъ своєю вредность показали, даю се варати само неразумни и простаці Велика е погрешка, бити лаковѣрну онде, гди има много лажљиваца, а мало истинолюбителя Стрѣљивость е найизвѣстнѣ вооружаніе противу клевете и облагиваня, понеже време показуе истину Истина чини много добра людима, али видимость и притворность истине онде, гдѣ нѣ нема, чини више зла Валяло би, да люди весма любе правду, зашто нико нѣ радѣ да му бива неправда Вообште пріятельство међу людма состои се у надежди свойствене ползе и користи. Но ово е благопотребно и нужно, будући да причинява взаимно и свеобште благостояніе и напредакъ. Лепа е пословица: рука руку омива, а образъ оба две скупа Ко у себи свое спокойство не находити, мучно ђе га гди далѣ наћи Нема досадни будала одъ они, кои имаду неко остроуміе Залуду людма ласка нѣово своелюбіе, ништа имъ не помаже притворность, у кою се замотаваю и сакриваю, као магаре у лавову кожу; нѣове найдраже страсти издаю їй, и показую їй за оно шта су Чрезмѣрно услађеніе, кое чувствују они, кои радо откриваю и разглашую погрешке другихъ, рађа се изъ задовольства, што имаду, да се и други нѣима подобни наоде. Ђдна ружна утѣшава се, што нѣе сама ружна Непостоянѣ човекъ употребљава свое пріятелѣ, као хальине. Нова мода, ново одѣло, нова сређа, нови пріятелѣ Она намъ е наука најмногочѣнија, коя намъ служи на разумно управлѣніе живота, и на руководство къ благополучію Истина е тако природна и тако непобѣдима, да највећи лажљивацъ свое лажи за истину

издае Мудрость, истина и правда, Божія су свойства; колико више ко настои овима присвоити се, толико се Богу присвоява Неке страсти и слабости покажу се другда и у разумному, али неразумнога свагда за носъ воде Различне науке получавају се одъ другихъ, али мудрость и добродѣтель пристяжава се свойственимъ трудомъ и подвигомъ: зато и служи човеку за найвеће нѣгово времено и вечно благополучіе, и за верховнѣйше тѣлесно и душевно украшеніе Многи су по самомъ случаю на знаменита достоинста, и къ богатству дошли; и зато мечтаю себи, да су високе персоне: а кадъ имъ се по смрти запита, шта су велико учинили, шта ли похвално испунили, и шта памети достойно исправили; о! како се малене виде! и колико су на вишемъ мѣсту стаяли, толико су се маньи и хуђи показали! Истине и лажи, едаке намъ се чине у оному, што ми не разумемо. Кажу едному, кой ништа друго о томе не зна, да се земля у 24 часа, као точакъ около свое осовине окрене, и да у години дана сила божію міліона миля прође и прелети; онъ ће помислити, ако ти и не узме рећи, да си или полудіо, ил' да се нѣму ругашъ. И тако у свимъ неизвѣстнимъ стварима, или наше високоуміе, или предувѣреніе, или недостаточна чувства, о свачемъ суде, и свашта или утврђавају или одричу Докъ се мудри наумудроваше, дотле се луди науживаше. Ова се пословица често случавала; али валя сврхъ нѣ паметно мислити. Много мудровати, а ништа не уживати, то ми ніе по људи: а свашта уживати, а ни о чемъ не мудровати, нити разумно умствовати и мислити; и ово е са свимъ безсловесно и

худо Маленостъ духа показуе, ко находити неко за-
доволство, застидити кога за незнанъ неки ствари, кои
у разумнимъ другима има искуство и способность
У истомъ ласкателству разуманъ находити свою ползу,
кадъ, чуюћи себе, каковъ нѣ, настои да таковъ бу-
де Похвала разумнога приноси честь, а неразум-
нога безчестіе Обичавай се мало по мало у до-
бру, и напредоваѣшъ у тому: чувайсе и одъ мали
слабости, зашто се укореняваю и расту . . . Што е
образъ царски на лажливомъ металу, то е достоин-
ство и благородство на недостойному Бѣдно е жи-
вити съ людма, кои добра свойства презиру и не по-
знаю, а мале погрешке жестоко осуђаваю Власть
и лепе науке подобне су живому сребру, кое чини чу-
деса у искуснимъ рукама, а може учинити и велика
зла у неискуснимъ Познавати свое прошасте по-
грешке, и стидити се о нѣма, знакъ е разума; бу-
дући да неразуманъ мисли само, како ће и друге учи-
нити. Ко е чувствително благодаранъ за благодѣяніе
учинѣно, показуе добре знаке, да ће бити благодѣте-
лянъ, кадъ му буде възможно Како птице клюцаю
найслађе воће, тако и зловни ѣзици ополчаваю се на
добре люде Воздржаніе и умѣреность у свачему,
укрепљаваюћи умъ и тѣло, води насъ къ благополу-
чію; а невоздржаніе и неумѣреность, разслабляваюћи
одно и друго, вуче насъ къ злополучію Време про-
шасто нѣ више у нашої власти; време будуће нѣ
известно, нити знамо, докле ће намъ долазити, и у
каковимъ ће насъ обстоятелствама находити: само на-
стоѣће време, може се рећи, да е наше, и у нашої
власти. Ово разуманъ човекъ, кои жели къ своему

временому и вѣчному благополучію доћи, не пропушта, да му за луду пролази. Нїедно добро и полезно дѣло не одлаже на далѣ, и не говори несмислено: а! биће тому времена, но колико скоріе, толико болѣ, чини добро дѣло, како да ће само јоште тай данъ живити . . . Убогъ мужъ готова лажъ. Ова наша пословица сведочи, да су наши стари трудолюбиви били, и лѣнливе люде међу лажљиве сочитавали. Лѣнность и немарность две су сестре биле: оне су се тако радо имале и любиле да се никадъ нису могле растати; и зато удаду се обе за еднoгa мужа, кой се дангубацъ зваще. Свака му роди две кћери: прва потребу и скудостъ, а друга лажъ и превару. Сада свакъ може ласно погодити, какавъ животъ проведе ова челядь; и какавъ ће породъ имати, ко овакове дѣвице за жене узме. Они ће рађати заедно узаймљиванъ, неплаћанъ, недоумѣніе, гладъ, тугу, неволю, срамъ, и свакоякій родъ злосчастія, и ја! ја! виканя . . . Самъ е Богъ на карару. Пословица е босански Турака; то естъ: самъ е єдини всемогућій Богъ у свему всесовршенъ: а човеческа дѣла и исправлѣнія тада су достопохвална, кадъ свагда къ къ већему и болѣму совршенству теже. Хуміци, тражећи, да одъ други руда начине злато, то нити су нашли, нити ће (по свой прилици) наћи: али су многе друге полезне изобрели ствари. Изобретенія ума свагда ће напредовати. Тако е потреба и о наравоученію мислити. Не валя рећи: на што намъ толика? На свету ће свагда бити зли людій и будала. Тако е; али ће бити и добри и разумни, кои ће желити, да болји и разумниі буду. Овима валя помагати; а злимъ лупежомъ, и неправеднимъ и беззаконимъ гра-

бителѣмъ, кое домове удовица и сирота поядаваю, и
са сузами и съ крвлю сиромашкомъ себе напояваю,
и на туѣой муци домове себи созидаваю, валя имъ
казати, да ѣе имъ уви и горе бити, и да су синови
гнѣва, погибели, и вѣчнога проклетства.

ГЛАВА 12.

Шта валя старіи младимъ да казую.

Приступи, любима младосте! приклони ухо твое, и послушай совѣтъ дугога искуства. Отвори съ радостію двери срца твоега, прими са усердіемъ увѣщанія теби доброжелателне старости. Сачувай овай свештени залогъ и наслѣдіе отеческе любви и милости; и усрдствуй, да се сподобишь и ти у свое време, съ прибиткомъ и съ приплодомъ, твоимъ любимимъ потомкомъ подобанъ даръ учинити и за собомъ оставити. Пашти се чадо! да си напреданъ и први у твоємъ добромъ и полезномъ упражнѣнію, занату и званію. Не завиди больимъ одъ тебе; но подражай имъ, и настой уподобити имъ се. Зависть заслепляетъ срце: а подражаніе води къ успѣху и напредку. Примѣри разумни и стари люди, то су светила у неизвѣстія пуной ноћи живота, гди човекъ не зна, шта около нѣга стои. Срце завидливога пуно в жучи и горкости; изъ езика му тече отровъ; онъ своэвольнo затвара очи свое, да не види светъ, кой би га могао просветити. Мрзость и злоба гризу му срце; напредакъ ближнѣга не дае му ни у ноћи покоя: будући самъ пунъ злобе, мисли да су и други сви нѣму подобни. Но ти, чадо рода човеческого! правда, да си зачетъ одъ похоти плотске, и роженъ си у всеконечномъ незнанію, и непознаванію како себе, та-

ко и цѣлога естества; али си получио словесну душу, и можешъ чрезъ воспитаніе и наставлѣніе постати чадо разума и мудрости; можешъ, чрезъ соединѣніе съ божественомъ добродѣтелію, у сосбшество небесни блажени духова, и у исто сродство првоначалнога великога и содѣтелнога *ума и духа Бога* достигнути. По самой крви и тѣлу шта смо, то насъ лепо учи праведни *Іовъ*: Праху самъ рекао, ти си ми отаць; трулость самъ признао, да ми е мати; а црве самъ познао за браћу и сестре. Преизобилна матеріа за смиреніе наше! И ако се имамо съ чимъ похвалити, то е само, едно и едино словесна душа съ *разумомъ* и съ *добродѣтелію*: ово су два небесна преимућства, безъ кои иста душа сиромашніа е, бѣдніа и гора, него безсловесна. Ово узми и положи себи, чадо мое! за основаніе; и на овому зидай сва твоя знаня, ако желишъ, да зданіе твое не буде на песку, и да му никаково прираженіе вѣтрова и наводнѣніа съ развалѣніемъ не прети. Овако дакле приготовлѣнъ, укреплѣнъ и вооруженъ, отвори младо и меко срце свое, іоште чисто одъ вишеноменути злоба, и свакояки мутни, неизвѣстни и мрачни предувѣренія и суевѣрія; отвори! отвори! іоште чисто, беззлобно и любко срце твое, нека каплѣ у нѣга роса небесне мудрости: ова ће се претворити у теби у толики бисеръ и драго каменъ, съ коимъ ћешъ ти душу твою за вовѣки украсити, и вѣчнога блаженства достойну нѣзиномъ благомъ Творцу представити и показати. До онде, докле зраке допиру суначне, и гдигодъ духъ живота словесна оживљава створеня; гди се годъ ухо, да слуша, наоди; умъ, да разуме и срце да чувствуе: нека бу-

ду позната правила живота, и совѣтомъ разума и истине нека се показуе достойно почитаніе и послушаніе! Сва совершенства, како на примѣръ, премудрость, свемогуѣство, правда, благость, о свему промисалъ, у Богу су, како у своємъ првоначалномъ и естественомъ источнику: а Богъ е дао човеку способностъ, да, ако се буде хотео потрудити и настояти, може отъ части ови совершенства соучастникъ и пристражатель постати; то естъ, може бити, колико е човеку могуѣе, мударъ, разуманъ и паметанъ. Свемогуѣтъ не може бити: али у своему могуѣству може премнога, и прекрасна и удивлѣнія достойна способности имати. Правдолюбивъ и праведанъ може бити, колико хоѣе. Благость и благодѣяніе нису му ствари туѣе и невозможне. Промишлявати и старати се и за себе, и за ближнѣ свое, за общество и за отечество свое толико, колико одъ нѣга зависи, и може и дужанъ е старати се и промишлявати. Ево дакле сами и єдини начинъ, како човекъ може къ Богу присвоити се; то естъ, свойства божія себи, по свомъ могуѣству, присвояваюћи. Ово е право и природно средство, да е човекъ божій, да живи съ Богомъ, и да е Богъ съ нѣимъ, и да чрезъ нѣга дѣйствуе. Зато обичаваю люди говорити: Богъ намъ е дао праведна и добра цара и владѣтеля, да надъ нами царствуе. Богъ му е вдухнуо у срце, да и дальнимъ, народомъ помогне, да ѣй избави одъ зли и силовити мучителя, да ѣй освободи и да имъ учини добро. Да истреби између люди погане араміе и крижаліе. Даде Богъ (често чуемо), те тай и тай доѣе, рече добру речъ за насъ, и поможе намъ. Богъ ми е (велимо) чрезъ то-

га благодѣтеля и добродѣтелницу, помогао. Све дакле, што е добро, Богу се, како извору свакога добра, приписуе. Ево на ови начинѣ добри люди Бога прославляю, и Богъ ће нѣи прославити. Сада разсуди благоразумни юноше! што ласно можешѣ, за ово се не изискуе велика наука; разсуди, колико е благополучанѣ еданѣ човекѣ, кои настои у све време живота свога кѣ овимѣ блаженимѣ достигнути свойствамѣ! колико ли е наче срећанѣ и честитѣ еданѣ цѣли народѣ, у кои се овакова мудрованія, и висока благородна чувствованія уводе, посеяваю, укореняваю, расту и распростиру! Храбарѣ ће бити и славанѣ такови народѣ, кадѣ у нѣму ова витежка небесна превозмогу и нѣимѣ обладаю мудрованія. Не дай се преластити, и знай, любима мужскога и женскога пола младежи! да безѣ они вишечречени божествени свойства, у едной речи, безѣ добродѣтели, нема праве любви ни вѣрности, ни кѣ своимѣ сроднимѣ и единоплеменимѣ, ни кѣ обществу ни кѣ отечеству; нема слоге ни соединѣнія; нема храброга мужества ни слободе; нема вѣрне любви у супружеству; нема постоянства у дружеству и у пріятельству; нема единомислія и единодушія у домаћемѣ животу. Сами управѣ и сѣ разумомѣ добродѣтелни люди, кои воле поштено умрети, него непоштено и срамотно живити, достойни су слободе и славе. Ви, кои сте садѣ млади, упечатите дубоко у мека и нова срца ваша словеса мудрости. Нѣиве су такова срца, кое нису јоште подузете триѣмѣ, купиномѣ, и дивимѣ коекаквимѣ коровомѣ. Посейте на нѣима благодѣтелно сѣме доброга совѣта, кое ће вамѣ стократни спасителни плодѣ, за вашу и ваши потомака житницу,

приносити. Ми, кои смо садъ стари, недавно били смо и ми млади; али е младостъ наша преминула, на подобіе едне кратке летнѣ ноћи сновидѣнія: пролетила е као сѣнь танка облака, коега силанъ вѣтаръ те-ра и носи. И ваша ће на исти начинъ преминути и пролетити: и ви ћете бити родителѣи и воспитателѣи. Горећа любовь наша, и срдечна желя, колико нашега, толико и чада ваши благополучія, подвиже насъ, ову науку најчешће вамъ напоминати. Благо вами и њима! ако вамъ се не учини теготна, досадна и излишна. Ми васъ нећемо злословити, ако насъ ви као дугоречиве и бунцавоглаголиве старе люде осудите, кои заборавляю, шта су мало пре казали, пакъ опетъ то повтораваю. Ми ћемо само сожалити и возданути, ако кадъ кога чуемо, да при овако важномъ послу рече: пакъ зашто опетъ то, те то? Вѣрујте намъ, драга младежи! ми не завидимо вашимъ веселимъ забавкама, но паче желимо, да будете свагда весели, и да веселѣ ваше до последнѣга часа живота нашега трае. Не бива дакле то изъ старческе заборавности, нити изъ славолюбнога велехваленія, као да би се печили и поносили, што нико другій о овомъ не уме говорити тако, као ми. Неразумно е, признаемо, други погрешке исправљати хотети и настояти; а свое не познавати: али ніе могуће никада доволно размишљавати, старатисе и совѣтовати о ономъ, одъ чега наше привремено и вѣчно благополучіе зависи. О ты *Србска юноше!* внуши овоме, што ћу ти садъ рећи. Ја съ тобомъ говоримъ, како да си у совршеномъ возрасту одъ тридесетъ и четрдесетъ година; и у томе ћешъ съ помоћу божіомъ бити. Пакъ, ако се

садъ управъ не упутишъ, свагда чешъ на криво ходити, и путемъ заблу́женія, прелести и безумія ступати, и къ твоєму злополучію напредовати. Велика е стваръ, *младосць*, и найвећа за люде на свету! зашто изъ ове исте юности и младости произићиће съ временомъ управителии народни, свештенство и учителии; военачалници и градоначалници, судіе и старешине многочислени общества; родители, сродници, и свѣ члени общтега содружества. И ако се по несрећи ова младежъ размази, разблуди и на зло окрене и преврати; ніе потреба даръ пророчества имати за предсказати, какво жребіе и счастье цѣли родъ одъ тога има себи ожидавати. Неће ли се (сохрани Боже!) рећи: „*Наше су старе Турци удручавали и мучили, а насъ садъ наши рођени муче и даве?*“ За истребити дакле зло и неправду, и сваку неваљалость и худость, и лажу и лукавство изъ народа, валя одъ юношества и одъ деце починяти, ако желимо, да съ временомъ имамо високопочитанія достойно свештенство, нехудолобокористне, неумитливе и правдолюбиве судіе, просвештене учителъ, и благодѣтелне старешине и поглаваре. Боймо се дакле и чуваймо се одъ ове страовите и ужасне претнѣ, коя изъ уста вѣчне истине на растлѣнну и развраштену младежъ грми овако: *Ехиднина порожденія!* како ће те *избѣгнути одъ будућега гнѣва?* За живого Бога! доста већъ тежкога мученія! доста горке туге и люте неволѣ! кое су на толико родова, изъ бѣдне сродне неслоге и несогласія, дошле и тежко пале! Време є већъ, да и стари и млади речемо: *Пройдохомъ сквозѣ оганъ и воду, и извелъ єси насъ въ покой.*

ГЛАВА 13.

О ученю Історіє.

Велико и трудно упражнѣніе и прилѣжно читанѣ Історіє, правда, да насъ доводи у познанство многоразлични приключенія и измененія, коя су међу люда одъ неколико хіляда година до ови наши дана слѣдовала. Коя стваръ природно е нашему своелюбію весма ласкателна, чинѣши намъ се, као да смо толико дуго времена живили, за колико знамо, шта се е чинило; и аки би смо на свакомъ мѣсту били, гди можемо казати, да се е то и то догодило; а навластито у младости, кадъ е воображеніе одвећъ живо и огнѣвито. Я знамъ по себи, како то бива. Кадъ самъ јоште у Срему о разоренію Трое історію читао, чинило би ми се, као да помажемъ *Ектору*, да побѣди *Патрокла*; и да са *Ахиллесомъ* около града за онимъ трчимъ. На овај начинъ пролази човекъ крозъ історію, на подобіе еднога путника, кои съ поштанскимъ коньма бѣжи, као да га ко тера; нити има времена, на околна мѣста, куда пролази, позоръ давати; но на противъ, крозъ премнога дремлюћи или спаваюћи проходи, и едва запамти кой градъ или село, гди е потреба ручати или конѣ промѣнити. Находе се и такови, кои на свои коли и коньма, или пѣшице путую; сваку ноћъ преноће гдикодъ и одпочину, у свакомъ знаменитомъ мѣсту позабаве се, и даду себи времена

на десно и на лево обазрети се и погледати; но не знајући езикъ и обичае места, едва се съ кимъ познати и разговорити могу. Не имаду са собомъ какова искусна вођу и толмача: све оно, што е гди најважније и најполезније, остае за нѣи изгубљено и неполучено. Виде велике зидине градова, свакояке широке и тесне сокаке, зданія стара и нова: но шта у себи знаня достойно содржаваю? како люди у нѣима живу? како ли се међу собомъ обходе? какови су нарава и обичая? есу ли и у чемъ похвале и подраженія достойни? може ли се што добро одъ нѣи примити и научити? есу ли чистосрдечни, друголюбиви, човеколюбиви и просвѣштени? или на противъ? Ево, ово су драгоцѣне редкости, кое валя у странствованю сабирати; и къ коима вишеречени путници ни приступити не могу. Озима су подобни они історіа читателѣи, кои су многа велика и знаменита дѣла, приключенія и премѣне упамтили, и свое воспоминаніе са сраженіяма, биткама, побѣдама, градова обсежденіяма и разореніяма, провинція и царства завоеваніяма, обладаніяма, поплѣненіяма и опустошеніяма напунили и натоварили; али све то само споля, као люску едного вођа, или као кору лубенице, и чега либо другога, сазнали и познали. Достопохвални се сами себи и некимъ другима чине, што умѣду све те ствари обстоятелно, и са довольномъ готовостѣу разказивати, гди е што било, коега вѣка и кое године, подъ кои вожди и поглавити официри; али ово е све само люска и внѣшность ствари. Ко жели исторіомъ совршено ползовати се, валя да до внутрености проникне, и исто езгро да позна и окуси; то естъ, съ остроу-

міємъ и основателно валя да уме судити и ясно представляти, зашто є што тако, а не другояче, било. А ово проиходи, кадъ се зна, какова су характера они люди били, у каквомъ су се фусіческомъ и моралномъ станю наодили, съ каквомъ су се політикомъ управляли, и коя су била она потайна и сакривена орудія и средства, коима су се они, као силомъ, турали и у движеніе поставляли. Докъ се годъ овакове ствари у історіи не буду истраживати, изъ нѣ учити, за знати у обстоятелствама такове на свою собствену ползу употреблявати, дотле ће се сва історія напугалскимъ езикомъ и умомъ разказивати. Я признаемъ по совѣстности и чистосердечно, да се наодимъ у овоме послѣ не много далъ, него *Саулъ међу пророци*; али само доброжелателно напомнимъ и као съ прстомъ показуемъ, да у свое време као нашъ *Терлауфъ*, или *Стойковичъ*, или благосердечножелателни Араѣанинъ, са своимъ живописнимъ перомъ, као прави, и као еданъ одъ дванайстъ врховни пророка, ову преполезну матерію пространіе и остроумніе нашимъ единоплеменимъ любочитателѣмъ предложити соизволи. Я се іоште добро опоминѣмъ, да самъ у почетку мога у немецкому езику упражненія, єдну малену історическу кнѣгу о различнымъ стварма, на истомъ езику читао: зовесе, *Aus kleinen Ursachen grosse Begebenheiten*, т. є. *Изъ малени причина велика приключенія*. Онда самъ се дивіо, како є то чудо могло бити, да изъ узрока свађе двоице пїяни трагера (товароноше), єдногъ Венеціана, а другога Генуеза, ове две, у оно време знамените, силне и богате, Републике заваде ти намъ се, и около сто божи година

страшно се на воюю и наиспребіяю, докгодъ една (т. е. Геневезска) не изгуби сву власть на мору, и оной другой, ей-валла! и съ капомъ у руци, не рече. Ово, што ми се е тада удивително показивало, сада ми се просто и природно представля. Два силовита и богата владѣнія у комшілуку, кадъ у найболъ состояніе добу, возгорде се обадва, и почну се раздражавати; одъ туда постане взаимна завистъ и вражда; стане едно такова исканя чинити, на коя друго неће да пристане: а кадъ већъ међуусобно раздраженіе до те мѣре дође, онда найманя и одъ ништа причина, као една варница на къ запалѣнію готовъ матеріалъ падне, и велики ужеже огань. А кадъ се јоште къ тому нико не нађе, да међу нѣи стане, и да їй помири, онда една или друга страна мора подлећи. Грчка сложна, могла е мільонъ Персіана одъ себе отражавати; а несложна, међуусобномъ враждомъ разслабѣна, маломъ македонскомъ владѣнію противостаяти ніе возмогла. Карѣагіна, и сви *Александрови* наслѣдници, несогласни и несложни, нису могли Римскому не подлећи ярму. Римлянима по томъ, за исти узрокъ, та иста судбина на главу е дошла. Найпре дође гордость и неситость, кое воде за собомъ неправду, раскошъ, распуштентъ нарава, несогласіе, разслабѣніе; пакъ ето ти наипосле, и неизбѣжно паденіе, и уништоженіе. Млади дакле люди, не валя, у історіи само своему суеславію пашу да траже, да много коєшта разказивати знаду, нити то пакъ нѣіови родители и учители одъ нѣи да изискую; но навластито сврхъ свога приключенія, и ствари премѣненія, да здраво судити и разсуждавати умеду; політіческо правлѣніе, предразсуж-

денія, и владѣюће свакога времена люди страсти, начине мишленя и умствования, и изворе узрока ствари, да разпознаю; у кратко, о свакой ствари, о коіой говоре, пристойно мислити и судити да могу.

Достойно є размишлѣнія и разсужденія ово многи искусни и учени лица примѣчаніе, да найпроницателніи и основателніи умови, редко, особито и много-разграничено памятствованѣ показую. Овога є ласно погодити узрокъ: понеже такови много се више стараю и упражняваю, о стварма пристойно и основательно разсуждавати и судити, неголи проста дѣянія и приключенія впамятствовать. Доказує се то изъ безчислени приповѣдака стари жена и селяна: ови су много коешта и свашта запамтили, зашто пису себи много трута дѣjali ни наскучавали, далѣ одъ поврхности пронищавати. Изъ тога слѣдує, да, како люди виде, да еданъ *Доминусъ Фрашеръ*, у свакомъ дружеству и собранію, радъ би самъ, као съ патентомъ у руци, за све проче и говорити и одговарати, обичаваю просто сръбски рећи: ала га сврби езикъ, башъ є плитка мозка! Пре него што су Финиціани изобрели писмена, све історіє различни народа состояле су се у преданіяма и преноведкама прародителя къ потомкомъ своимъ. И ово се зове *Історіа Фабулозна* езически богова и богословіа, кое су народи, одъ части єдни одъ други примили, а одъ части и сами признашли, у коима се виде различна миѣнія и паренія ума. Історіа о изобретенію разни художества и майсторски рукодѣлія, и мореплаванія, весма є полезна. *Иродотъ* є отаць історіє, како *Омеръ* поезіє. Но све, што онъ пише о приключеніяма давно пре свога вре-

мена, и шта е одъ други чуо, содржава у себи мно-
га извѣстія: а одъ нѣгова времена починѣ *Исторія*
истиништа и извѣстна. Што годъ онъ каже, да е ви-
діо и познао, то е све вѣроятно; зашто казуе люд-
ма, кои су у нѣгово време живили, и могли су то и
сами знати. По томъ *Исторія Александра* великога,
Римляна, *Карѣагінеза*, и прочи народа европейски:
аравски Каліфа, и за пѣима *Турака*; *Колумба* и *Аме-*
ріке, и свега, што се е до ови наши дана знаменито
и достопамятно на земљи нашої догодило, све е вѣ-
роятно и довольно засведочено. *Всеобщу*, на крат-
ко, но предивну, *Исторію Шрекову* ко съ немецкога
на сръбски преведе, учинитѣ націи нашої мноцѣнни
дарѣ. Поглавари и отмѣни грађани едне націе валя
да уче у *Исторіи* законе, обичае и установленія други
народа и владѣнія; како су довели къ успѣху и къ
совершенству занате, купечество и землѣдѣліе. Вели-
ке прошасте немарности, погрешке и злополучія, мо-
гу много ползовати, кадъ се ясно и живо предъ очи
полажу, за сачувати ихъ се у напредакъ. На *исторіе*
дѣла и *изправленія* велики и знаменити люди валя
особити давати позорѣ; ови даю найполезніе лекціе
слѣдуюћимъ вѣковомъ. Потреба е разне *историке* о
едной знаменитой матеріи читати, и судити їй, за до-
ћи къ вѣроятности. *Полубіе* е достовѣрни *историкъ*:
онъ е современикъ *Регуловъ* био, пакъ не каже ни
слова, да су га *Карѣагінези* мучили. *Тішъ Лівіе* на
две стотине година, каже намъ *Фрайнхеміусъ* (у сво-
имъ дополненіями) у седамнайстомъ вѣку, да е о томъ
писао. А иста кнѣига *Лівіева*, у којой би онъ о томъ
писао, изгублѣна е била; али *Хораціе*, и неки други,

о томъ напоминю. Све то могло е ласно изъ еднога измишлѣнога произићи извора: и то, за више омразити и наружити Карфагінезе, на кое су Римляни и безъ тога, као на свое главне непријатељ мрзили. Да истинолюбитель и современикъ *Полубіе* то каже, била би стваръ баремъ доста вѣроятна. У історіи дакле получава се совршено познанство човека, нѣгови пристрастія, и страсти. Судити право и здраво о свачему, и ползовати се одъ свачега, ово е плодъ.

ГЛАВА 14.

О ЗАДОВОЛЬСТВУ.

Како ово меће у движеніе сва наша предиріяшя, подвиге и дѣла; и како навластито происходи изъ воспоминанія прешедшаго, и надежде будущаго.

О тихомъ и блаженомъ умни и тѣлесни човече-чки чувства задовольству, у коему се состои право и постоянно благополучіе, знамъ, да самъ многократно напоминаю; но може ли ко рећи, да е могуће преко мѣре и до преситости мислити, поучавати се и разговарати о едной ствари, коя е найважнѣя за човечески родъ на свету? Не насиштава се Геометаръ никада у геометріи своіой, но, колико више мѣри и рачуни, толико се веѣма нѣгова умножава сладость, и къ овой божественной и небесной науци и упражнѣнію распалява му се желя. Потребно е и пріятно сваки данъ у 24 часа здоровому човеку лепо приготовлѣно ело, и сладко му е при томъ, са умѣреностію употребляемо, лепо вино, ако ли е пакъ бистра вода, може слободно до изобилія, то естъ, колико му се хоѣе, пити; зашто съ овомъ се не бои, да ће прекорачити мѣру. Сви ми у цѣлому животу та иста почти повторавамо дѣйствія, са свимъ тимъ живити намъ се не досаѣуе. Навластито у старости разуманъ човекъ найболѣ уме животъ свой цѣнити, знаюћи, да му веѣтъ

у напредакъ тога еспапа много не остае. А да како би намъ се зановетно и досадно показати могло оно, што насъ се по крайнѣйшой дотиче мѣри, и у чему се сва сладость живота состои, то есть, наше свагдашнѣ задовольство? Велика, непрецѣнѣна, пресладка стварь! превосходнѣ одъ царски круна, скуптара и престола! безъ кое, све ове велелѣпне ствари нису у состоянѣю човека благополучнимъ учинити. Златно предраго задовольство! Ђдно и ѡдино истинито вре-
мено и вѣчно богатство! кое нико други не може има-
ти, разве онай, кои е нелестни другъ разума и добро-
дѣтели. Мило, тихо, любко задовольство! раю и цар-
ство божіе іоште у овомъ мимоидуѣмъ животу, и у
истомъ овомъ сваки часъ тлѣнѣю подложномъ тѣлу!
височайши дару вишнѣга благости! ко тебе уме до-
стойно почитовати, цѣнити и пристойно чувствовати?
ко ли ће икадъ кадаръ бити, теби по твоѣму висо-
комъ достоинству восхитителне пояти пѣсне? *Пешрар-*
ка да е дваредъ толико живіо, не би престао Лаври,
своіой любимой, ѣмне саставляти; а да како би се ми
утрудили, о тихомъ задовольству разговарати се, кое
е свега створенѣ непрестано и крайнѣ желаніе? Но я
се и овде заборавлямъ, и овому кротки душа фаво-
ритъ склоненію похвале вѣнацъ плетемъ, а мой пред-
мѣтъ нѣ тай био, него показати дѣйствіа задоволь-
ства, и одкудъ происходи.

Задовольство е у свакомъ призрѣнѣю и мѣри ду-
ша сви човечески движеніа, предпріятіа и дѣла. Оно
што е сасвимъ човечимъ снагама и склоненіама тако
крепко сvezано, да никада одъ нѣга оступити не мо-
же. Све, што намъ е полезно и мило; све, што намъ

се представля тако високо, дивно, преизрядно, и нашега честолюбія, славожеланія и избранія достойно; само за то намъ се такове чине, зашто наше задовольство причинява. Све, што умна и тѣлесна чувства усладити и увеселити може, по мѣри задовольства кое причинява цѣну свою получава. Витезъ у воеваню подлаже мужествено и неустрашимо животъ свой очевиднимъ бѣдствованіемъ, и желанію задовольства, да е надъ непріятелѣмъ своимъ побѣду одржао. Мореплаватели, не сматраюћи на силу вѣтрова и на свирепость разярени морски волнованія, предаю себе широкой и неизмѣримой Пучини, у благонадеждію ласкателнога задовольства, да су своя дѣла благополучно совршили. Купци пошилю у далеко разстоећа мѣста, преко пространогъ Мора, и преко многотрудно и бѣдствително преходими пустиня, свое съ многимъ попеченіемъ добивене капитале, у обаятельномъ ожиданію сладкога задовольства, да ћеду свое имѣніе удвоити и умножити. Ловци прелазе съ великимъ усрдіемъ стрмовите горе и дубоке долине, трчућу за задовольствомъ, да ћеду кою срну или кошуту уловити. Любители кнѣига и науке, наоде свое блаженство у просвештенію разума, и присвояваю себи и оно исто задовольство слѣдуюћи родова, кои се буду съ нѣновимъ трудомъ ползовати хотѣли и умѣли. Многи су одъ нѣихъ у недостатку и скудости, и на подобіе *Ерасма* одъ *Рошеродама*, и они грчки, по разоренію Цариграда, нови науке свѣтила, у странствованію преживили, согрѣяваюћи и оживляваюћи душе свое съ самимъ негиблѣвимъ и вѣчнимъ задовольствомъ, да ћеду се многи нѣима ползовати, просветити, и одъ за-

блужденія и мрака суевѣрія и незнаня ослободити. Нашъ стари Дека сваки данъ каже, да неће задуго живити, а сваки данъ, како сване, иде заливати младе лице, што е около новосазидане куће насадити дао, и утѣшава се съ онимъ задовољствомъ, кое ће нѣгови унука унучићи имати, кадъ се буду подъ овима играти и скакати, и кадъ пчеле одъ нѣиова цвета медъ стану сабирати, одъ коихъ воска многа ће се нѣму свећица на гробу ужећи. Ово е лепо и човеколюбно утѣшеніе. Наоди се іоште у Франціи еданъ дудъ одъ осамъ стотина година. Овай први дудъ, изъ Асиріе у Европу донешенъ, прапрадѣдъ е свію милиона дудова, кои се у Европи наоде. Донео га е еданъ Французъ, именовъ *Гюе*, у време крстоносне войне са Сарацини, и *Лудовика девешога*, краля французскога. Сада овай дудъ, у потомци свои доноси Франціи сваке године сто милиона ливра (чини 50 милиона форинти) у сировой свили; а у урађеной четири стотине милиона. Ове године Французи, за показати благодарность свою овому дудовскога рода Адаму, оградили су га крепкимъ зидомъ, да нико не може одъ нѣга ни листъ отчупати, ни додирнути га, као найвѣћу какву светиню; и когодъ пролази покрай нѣга, валя да отчита Отченашъ. Они веле, и право, да Богъ чрезъ ово блажено дрво неколико стотина хиљада люди съ хлебомъ рани. Добро чини дакле нашъ стари Дека, што залива и напоява лице свое, и нѣгово е задовољство паметно и похвално.

Сада смо дошли и доспели до точке, до кое смо говорили, одъ какове е цѣне и важности човеческому битію задовољство. Сада ћемо понашире представити,

нако ово изъ два свои, навластито, произходи извора, то естъ, изъ времена прешедшега и идућега. Исти минути времена, у кое човекъ ужива и чувствуе оно што му е угодно и пріятно, тако скоро прелазе и исчезаваю, да би та пріятность весма мала била, кадъ се на далъ не би простирала. Сладость сна у самому спаваня траяню ми неосећамо; а кадъ се тихо и лепо наспавамо и пробудимо, чувствуемо, да намъ е весма добро. Свакій вели, кадъ се има коме похвалити: о! како самъ сладко спавао! Новополучене умне и тѣлесне крепости и снаге пребиваю съ нами цѣли данъ. Воспріятіе ела и пића, ако ћемо колико гладни бити, са полъ часа може се совршено задовољствовати. Овде се више боимъ, да ми ко не рече, да одвећ много времена себи на то узимамъ: али, кадъ узмемо, да за 23 и полъ толики частица времена оно полъ часа намъ служи, ніе много. Ако ли пакъ ко себи манъ или више на то дае времена, стои на произвољнію. Наше е намъреніе, овде само толико показати, да самъ словесни човекъ приміо е одъ Создателя свога даръ и преимућство, у моралнимъ добримъ прошастога времена дѣянїяма, и за будуће, и подобнога расположенїя и предложенїя себи желанїемъ, неизцрпаеми источникъ задовољствїя свога находи. У животиньѣ, како четвороножной, тако и крилатой, ни у чему не показуе Натура крепчіе и разуму подобніе дѣйствїе, него у стараню за воспитанїе и сохраненїе нїова порода. Но како млада животна постану способна о себи старати се таки престане међу нѣма свако воспоминанїе и чувствованїе союза, сродства, и благоволенїя. Докгодъ пилићи одъ квочке потребу имаду, дотле се она о нѣ-

ма тако крeпко и милостиво стара, како годъ словесна и добра мати за питомче прсію свои. А любовь словесна и разумна, любкость и милошћа къ сроднимъ своимъ, простире се предалеко съ оне стране гроба; иде и тежи къ самой вѣчности. Кое мужественое срце не би радо било вѣчне знаке великодушія свога за собомъ оставити? Коя би лепа душа не желити могла, вѣковитимъ благополучіемъ и славе узрокомъ свога отечества и свои мысли сродни постати и називати се? Тубре и извергъ мора такови бити, кои силу и ударенія ови нечувствуе рѣчій: а обещенякъ онай кои се јоште поноси, да за то не мари. Урођена снага, и словесность, не могу точно опредѣлити, шта су; но по дѣйствию своему познаю се, да су различне ствари. Свію животни породи еднако сисаю, нити имъ е потреба, да їй ко тому учи. Ово е свакому урођено, али съ напредованіемъ година распознае се словесно одъ безсловеснога: а и при словеснимъ колику различность воспитаніе и наука чини и показуе! Птице одъ створенія света све еднако гнѣзда своя праве. Уманъ селянинъ начиниће свою другу кућу болю одъ прве: а совршеніи майстори у зиданю чине дивна чудеса. Ово овде напоменуто служи за слѣдствіе заключенія, какови и колики степени задовольства могу бивати. Безсловесна животна могу фүзічески бити задовольна, кадъ до ситости наранѣна и напоена, или се играю, или леже и почиваю. Оваково е задовольство, и просто само физическога човека, по кому се онъ нимало одъ прочи животни не различава. Али, колико онъ способность словесности и разума свога къ већемъ совершенству приводит, и колико више у благоразумію,

мудрости и добродѣтели напредує и успѣва, толико безъ сравненія нѣгово задовољство слађе, совршеніє и дуговечніє бива.

Здраво расуђеніє, и истини соумѣрено познанъ внутренъ цѣне ствари, полезности и достоинства наши намѣренія, говоренія и дѣла, налаже намъ неотложну наравну и свештену дужность, оно, што познаємо за найболъ, и дуговечитіє полезно и похвално, желити и избирати; и тако наше разумно задовољство на вовѣки непоколебимомъ истине камену водрузити и утврдити. Различіє наравно-лепога одъ ружнога, добра одъ зла, ласно се разпознає; и ко у избранію или одметку ови ствари найманъ двоумлѣнъ показує, или є безуманъ или лукавъ. Любовь прошаста, еродска, пріятельска, обшта човеческа, свакога народа, съ коимъ смо живили; воспоминаніє добра, ако смо коме што могли учинити, или благодарности за добро одъ другихъ примлѣна: сматраюћи пакъ съ благонадеждіємъ на идуће време, управляюћи нашъ поступакъ тако, да ни сами себи, ни другима што неприятно причинимо: оставляюћи промислу неба оно, што одъ насъ не зависи, и говорећи съ *Давідомъ*: „Создави око, не узритъ ли?“ Премудри содѣтель све є мудру расположію, ако ми то и недостизамо. Може ли ко дождевне изброити капль? или песакъ изчислити морскій? ил' бездну пучине шакомъ почерпсти? Сва є земля наша, у сравненію свега, само една малена точка. А ми, шта морамо дакле бити? пакъ смо тако суєтни, да на подобіє оне шале: *Nos roma patamus*, викоумствуємо! Али пакъ (безъ суеславія) єсмо, хвала Богу, довольно; понеже онай, кои є у безмѣрцомъ растоянію

Многочислена створио сунца, онъ е исти и нашъ творацъ: и премудрость нѣгова заисто нѣ насъ неразумно и залуду создала. Всесилни ништа не твори за ништа. Поташтимо се само съ наше стране, да се не покажемо нѣга недостойни. Овде ми долази на паметъ, да ће ласно ко помислити, да я определявамъ задовольство, како само участіе добродѣтелни душа: а ми видимо не редко, да се и зли, и неправедни, и сладострастни люди задоволяваю и услађаваю у злобама своима. Правда, да страхъ и трепетъ напада на човека, кадъ чита у Историі, како су неки люди могли зли бити. *Нерони, Калигуле, Ашіле*, и други многи нѣма подобни, бичеви су човеческога рода били. *Тамерланъ*, кадъ би давао велику часть, натакао би неколико люди на коце, и метуо би іѣ подъ асталь, да му дрече; и хваліо би се, живи врагъ, да му е ово найслађа музика. Какова су ови погани люди услађе-нія, о томъ нѣ потребе ни говорити. Природно сви люди желе, да имъ е добро: а ово нѣ могуће безъ честности и правдолюбія. Ми се за оваке старамо, и нѣма доброжелателни совѣтъ даемо. Докъ е човекъ младъ, ласка себи са свакоякимъ надеждама; а кадъ остари, остае му съ прошастимъ утѣшавати се. Настоймо дакле, да имамо о чему добромъ споминати се. Ово ће намъ и по смрти узрокомъ вѣчнога служити задовольства.

ГЛАВА 15.

О искуству у содружествамъ себе благопріятнима показиваши.

Свакій уманъ и смисленъ човекъ, кои мисли у содружеству себи подобни створеня животъ свой тихо, благоугодно, и весело проводити, валя, да жели, и свевозможно и непрестанно да настои онима, съ коима се обходи и свагда живи, да е пріятанъ и благоугоданъ. Може ко различне способности и лепа савршенства имати, за кое они, кои никакову ползу одъ тога не получаваю, мало маре, и не питаю: али благопріятность и веселость у содружескомъ састаяню и разговорамъ, то сви еданъ одъ другога изискуемо; и онай, кои найвише овай лепи даръ имаде, у свако е благонаравно дружество пристао, и добро дошао. Ко не би се радъ оному уподобити хотео, кои како у єдну скупштину дође, сви му се обрадую, као єдномъ, кои свеобшту веселость са своимъ присутствіємъ оживлява и пріусугублява? Башъ да му е ко и непріятель, ако колико толико учтивости и разсудка у себи имаде, у тай часъ заборази отвраштенія своего узроке, и бива принуђенъ, общтега задовольства соучастникомъ бити: често и самъ на себе жали (ако ніе сасвимъ у зловольнію отврдуо), да тако многомъ благопріятномъ човеку зло жели. Свакомъ

е жао, да такви изъ собранія изиђу, кои полакъ увеселѣнія за собомъ однесу.

Но примѣтимо пакъ и ово, да поглавити предметъ свакога наравоученія у тому се состои, да люди паметни и болѣи постаю. Реторика и стихотвореніе даю себи различне слободе: али наука нарава никада не валя да показуе црно за бѣло, и напротивъ. Свакога веселяка не представлямо ми овде за подражанія достойно лице. Више пути при части и веселю радо се гледа и слуша еданъ такови веселякъ, кога нико разуманъ не би ни за особитога совѣтника, ни друга, радъ имати; нити би му смео какву тайну вовѣрити, нити што узаймити. Ко жели у содружеству благопріятанъ бити, дужанъ е сприлагати се къ прочима, кои се у томе содружеству находе. Ко е вишега степена и чина, и хоће, да му се никада дужно почитаніе не изоставля; ко е съ пространомъ наукомъ обогаћенъ, и изискуе, да сви нѣга слушаю и да му се удивляваю: такови нека себи подобна содружества траже. Ко е подозрителанъ и одвећъ деликатанъ, и ко сваку шалу на криво окреће и толкуе, тай ніе ни за какво содружество. Ко е лакогнѣвливъ и готовъ за свашто да плане, и соблажнюе се одъ свега, што нѣму ніе по ѣуди; нека не иде међу люде. Ко би радъ, да све тако бива, како што онъ хоће, нека себе осуди само са своима слугама живити. Ко жели преко мѣре, при свакой прилици вниманіе свою други само на себе, као силомъ привући; онъ у исто време многе друге или къ зависти возбуждава, или нѣово негодованіе на себе навлачи. Разговоръ у дружеству валя да е обштій, зашто нико

нигде ніе радъ, да се за нѣга не мари, и да е най-стражній. Овде бива, какогодъ и при елу. Ко се не гнуша на еднога лакомца, кои би радъ, да су найбольи комади само за нѣга? Гледа, као ястребъ, на оно, што е одъ нѣга далеко. Гурне съ лактомъ садъ на десно, садъ на лево, и зактева, да му се то и то дохвати и привуче, аки би самъ имао грклянъ, кои се съ наибольшимъ услаждава. Зато и благоразсудни човекъ, ако колико уме лепо говорити, и довольно къ тому матеріала има, опетъ и тако оставя другима време, да кажу, шта оѣду, и радо їй, и съ благоволеніемъ слуша. Честократъ зна болъ одну стваръ, него онай, кои ю разказуе; ништа манъ, за саму любконаравну учтивость, тако е слуша, као да ю први редъ у своемъ животу чуе. На подобіе разумногъ учителя, кои, за умѣрено научену лекцію, младога похваљуе ученика, за возбудити у нѣму похвале желю, и учинити га, да слѣдуюћу іоштъ болъ научи. Подражава у томе милому родителю, кои се съ маленимъ своимъ утркуе синчићемъ, и пушта га, да га претече. А кадъ оѣе да исправи кога у гово-реню, онъ се не чини као да болъ одъ нѣга зна; него само ако би га нечему опоменуо, што е онай у итости изоставіо, или по случаю и позаборавіо и съ ума сметнуо. Кадъ ли пакъ самъ што разказуе, дае позоръ, наоде ли слушатели у томъ наслажденіе. И нити е радъ, нити чека, да найманый ко при нѣговимъ приключеніама, баснама, и наравоученію почне зевати: и како ти то осети и упази, таки очисти мейданъ; нимало не зактеваюћи, да е онъ самъ задуго коловођа.

ГЛАВА 16.

Назначенія, како валя мислиши о иштинолюбію.

Найвећа часть людій говори о истини, не имаюћи право и опредѣлено знанъ, шта ова речъ значи: и многи, по несрећи, находе се, да питаю, *шта е истина?* Безъ сумнѣ дакле велика е потреба, о овоме людма пристойно наставлѣніе и руководство дати. Прво, разумева се вообште истина у савршеномъ согласію наши мислій съ нашимъ говоренѣмъ; сиречь, да управъ тако мислимо, како што говоримо: и ово е наравна истинитость, лаганю противна. На ови начинъ, когодъ, безъ сваке притворности и двоеумія, башъ како мисли, и како е увѣренъ, говори; онъ може другда бити преваренъ, али сасвимъ тимъ наравно не лаже; и у свима ласнопознаваемима стварма може му се вѣровати.

Кремѣ овога обаче састои се свойствено право и вѣчна истина у савршеномъ согласію онога, што се говори, съ снѣмъ, о чемъ се то говори. На примѣръ: како су два спрема четири, тако су четири спрема осамъ. Ово е естественна, вѣчна, божественна истина, која никадъ другояче бити не може; зашто, два редъ два, чини четири: а два редъ четири, чини осамъ. Любавъ и желя овога вида у свачему истине, бити ће свойствени предмѣтъ ове Главе, која е опредѣлена, красоту, ползу и суштествителне знаке

истине показати; при томъ и причине; зашто люди за ово толико мало маре, кое би имъ за найвећу честь и славу на свету служити морало. Велимъ, за найвећу славу и честь, зашто, која е худость и срамота човеку, да при богоданой природной словесности остае безсловесанъ? То ће толико рећи, да при здравимъ очима остае слепъ и у вѣчномъ мраку; или, ако види, да све наопако и накриво види. Одъ дѣтинства чуемо, да е Богъ истина. Дакле, ко не люби истину, онъ не люби Бога; такови, хотећи или не хотећи, свагда у лажи, у прелести, и у слѣпоти ума живи, и умире. Богъ е истина, зашто е вѣчанъ, непристрастанъ и неизмѣнѣнъ. На овой е истини основата сва мудрость, правда и добродѣтель. Зашто су сва правила аритметическа и геометрическа вѣчноистинита и неизмѣнна? Зашто су таква, какова точно валя да су: нити су могла икада, нити ће моћи во вѣки, другоячѣ бити. Што е годъ данасъ праведно, у себи и по себи истинито и добро, то е морало одъ безконечни вѣкова таково бити, нитиће се моћи во вѣки вѣковъ измѣнити; зашто е сами Богъ безначална и безконечна истина. Свемогућство, премудрость, промисалъ, Божія свойства, на истини су основана, и одъ самога сушества истине доказуе се Божіе сушество. Ово уче оне просте, но превисоке, речи: *Я есамъ, вже есамъ, и не премѣнюся*. Ево доволно, зашто истина мора човеку за найвећу честь и славу на свету служити. Дођимо садъ къ послу.

Нейма тога, кои се не хвали, да истину люби, и да се нѣ држи: то потврђаваю сви, кои што говоре и пишу. Ко е противъ свое вољѣ и знања прева-

ренъ, не зна и не мисли, да е. А ко то зна, али оће да и друге превари, као лисица съ одкинутимъ репомъ, такови свое не каже умишлѣніе. Когодъ напише и изда какву кнѣгу, онъ ће ти се (ако оћешъ) слободно заклети, да е онъ прави *Нашанаилъ*, и да у нѣму лести ни найманъ нейма. А чрезъ то, шта друго тражи, него да подъ заштитомъ истине своя умствованія у больій кредитъ постави? А да е то тако, како што свію народа списатели о себи утврђаваю, то би до садъ истина свеобшта на свету постала; нити би међу людма толике кавге и противословія бивала.

Гдигодъ нема свѣта истине, ту влада мракъ прелести; и лажна обсеѣна заблужденія ума показуе людма оно, што нїе, или другоячїе, него што е. Одтуда слѣдуе, да често желимо и тражимо оно, што намъ е на вредъ, а бѣжимо одъ полезнаго и спасителнога. И тако бѣдни човекъ, мислећи и творећи на криво и како не валя, иде и ташти се самопроизвольно къ своіой погибели. И зато су цѣли и храбри народи пропадали, и пропадатће. Човекъ се називаѣ, по уму, по словесности, по способности познаня истине, созданъ по образу и по подобію божіемъ. Ако онъ савъ свой трудъ и подвигъ, и сву свою честь и славу, у тому полаже, да одъ данъ до данъ совршеніи бива, то естъ, да све то више любви, жели и избира оно, што е за свагда и у свакомъ призрѣнію справедливо, честно и похвално; то ти е онъ управъ по образу божію и по подобію. И кадъ се ова мудрованія у еданъ цѣли народъ уведу и укорене, тада ће тай народъ славанъ постати, и истина ће у нѣму и съ нѣмъ царствова-

ти; и то, што е најболѣ: *безъ коекакви адвоката, и безъ дубоки законовъ толковашеля.*

Истинито и чисто познанѣ ствари причинявати намъ све ползе, кое ми себи на свету желити можемо. На примѣръ: прво е природнога човека благополучіе, здравлѣ, одъ дѣтинства до старости. А то зависи одъ пристойнога расположенія, труда и почиванія, и одъ разумнога и умѣренога воспріятія, употребленія, и уживанія веселя и тѣлесни ушлаженія. Човекъ е одъ благодѣтелнога существа созданъ и произведенъ, да дѣла, да ужива, да се весели и ушлажава здравлѣмъ и животомъ, као предрагимъ даромъ преблагога творца. Само да се чува, да съ неумѣреностію и съ неразсудіемъ ове сладчайше дарове не злоупотреби; зашто злоупотребленіе претвара сладки медъ на гори едѣ. Тешко човеку, кадъ се о нѣму рече, да е рођенъ да се мучи и да злопати! Само злотвори нѣгови могу то о нѣму рећи. А чрезъ неразуміе свое може самъ себи тай злотворъ постати...

Истина божествена и природна, кою сви разумни люди на свету, кое му драго вѣре, исповѣданія, рода и езика, не отричу, но признаю, состои се у ово мало речи: „Жели и твори другима, што си радъ да и теби други желе и творе.“ На овой су ясной и вѣчной истини сва добра, витежска, човеколюбива и божествена дѣла основана. Сви благодѣтелни закони и уредбе просвѣштени законодаваца, своѣга рода и отечества любителя, и благодѣтеля; све безчислене кнѣиге добри и брагоразумни наравоучителя, изъ овога извиру источника. Храбри витезови, кои за свое любимое отечество, за свое старе родителѣ, за любиме

супруге, за миле сестре и сродство, и за свою, и цѣлога рода свога, неяку дѣчицу, свету и мужествену крвѣ великодушно не штеде, но проливаю; шта друго творе, него шта би ради, да и нѣиови потомци, у свое време и у подобной потреби, то, и тако исто за нѣихъ готови буду творити? Ђднимъ словомъ, све, што е божественно, пресвето и преславно; свака премудрость, небесна и земна, свака правда, и благородство, и величество; свака права наука, вѣжества и ходожества, на истини су основана. А гди истине нема, ту су лажи, мрачне прелести и заблужденія; и све, што безъ нѣ бива, мора бити недостаточно, на криво, и како не валя.

Ево шта е, и какова е пресвета и предивна божія истина. Но ништа манѣ показуе намъ повседневнѣ и ежечасно искуство, на велику срамоту и ругобу човеческога рода, да, премда се сви съ нѣомъ поносе, хвале и диче, да е весма мало число блажени душа, кое ю управѣ желе, чистосрдечно любе, неутрудимо траже, и неустрашимо признаю и исповѣдаю; зашто иначе неби се међу людма толике находиле лажи, нити би їй толике заслепљивале прелести. И што е најоначнїе; рекао би, да су се сви договорили и согласили, да сваки народъ, подѣ извѣтомъ и изговоромъ свое особите мнїе и мечтателне истине, на све друге мрзи, држи їй за ништа, и, кадѣ само може, гони їй, немилостиво удручава, и безчовечно гази їй и гняви. Ласно се свако може съ истиномъ поносити и велеречествовати, кадѣ е ко своимъ предразсудкомъ и предувѣренїемъ прелаштенѣ, и незнаюћи, да е; или ако и зна, но нѣговѣ интересѣ или какво при-

страстіє, други нешто одъ нѣга изискую. Ми ћемо обаче показати овде, како се распознати могу *знаци правого ишинолюбія*, одъ суетнога и притворнога, кадъ слѣдуюћа назначенія за основаніє тога положимо. И

прво: Когодъ чистосердечно истину люби, онъ употреблява сва пристойна и потребна средства, како е може познати. Штогодъ чисто не разуме, и о чему-годъ сумня, то нити потврђава, нити одриче. Што смо годъ изъ младости чинили, или и у некима кнѣигама читали, ако чисто не разумемо, могу неке ствари бити истините, али могу бити и лажне; зато будимо съ тимъ разсудљиви, и не усуђуймо се то и другима силомъ наметати.

Друго: Шта е ко одъ свои стари приміо и научіо, ако га то добримъ, правдолюбивимъ, у своіой совѣсти спокойнимъ, и слѣдователно благополучнимъ твори, нека при тому неотступно остає. Нека се другима не чуди, што су другоячіє упућени, и изъ дѣтинства напоени. И нека никада не заборавля оне речи: *Покажи ми вѣру твою ошъ дѣла твои.*

Треће: Любитель истине любви искусне и учене люде; пита ій за оно, што незна; прима съ радостію сваку общеплезну и братолюбиву науку. И у чему-годъ позна, да е преваренъ био, не стиди се одъ тога одступити, и готовъ е свагда исправити се, на добро наставити и упутити.

Четврто: Прави и просвѣштени истине любитель и стяжатель бива благодѣтель човеческога рода, просвѣштаваюћи му очи ума, и показуюћи му путъ къ добродѣтели и къ благополучію. Смиреномударъ и

умѣренъ словомъ и дѣломъ; зашто зна, да е гордость, неправда и свака злоба на лажи основата; онъ никому не намеће силомъ знаня своя. *Галілей, Коперникъ, Невшонъ, Локе*, и нѣма подобни, показали су людма високе у наукама истине; но никомъ нису претили ни са огнѣмъ, ни съ мачемъ, ни са анатемомъ, ако ѿ не прими. Они су добро знали, да когодъ буде имати срећу нѣхъ разумѣти, и нѣове истине познати, да ће ѿ едва дочекати и съ радостію примити.

Можемо јоште, къ заключенію ове Главе, и неке причине придодати, чрезъ кое се любовь и желяко истини у людма разслабљава, или и сасвимъ удручава. *Прво* е лѣнность, и немарность за трудно истраживанѣ ствари; кое и наша пословица сведочи: *лашнѣ е вѣровати, него иѣ питати*. Колико паче, кадъ далеко валя касати? Воздрема душа моя одъ унинія! давно е речено, и до данасъ искуствомъ познато. Дремлѣ, и као подъ Мандрагоромъ спава душа унливога лѣнштине, и нечувственога немарљивца. „Хее!“ веле беглучки дембели, кои сваки данъ по ручку и после неколико красоволя, до подбули очію спавати обичаваю. „Докъ се мудри,“ „намудроваше, дотленѣ ти намъ се луди науживаше, наславаше и насладише. Гледай де намъ ти фанатика и мудараца! Они оѣ садъ светъ съ раменомъ да исправе, и слепимъ мишевомъ усредъ подне очи да отвараю!“ Тежко е заисто бремене лѣнлива нерадня, и не може нипошто съ многотруднимъ истраживанѣмъ истине обстати. О! колико би више добра међу людма било, кадъ би люди са свимъ своимъ могућствомъ за то марили, и на-

стояли! Но ако се и стараю, свакъ се поготову само за свою собствену и привремену ползу стара. Напунити се еломъ и пићемъ, пакъ по томъ comodно почиванъ, и ни о чемъ нестаранъ, сматра лѣнштина за найсрећниіи животъ на свету; и не мислећи, да е то само некимъ безсловеснимъ животнимъ прилично, кои е сва само у нѣовомъ туку и масти цѣна. Онъ држи (по своіой намети) онога за найблагополучніега, кои може безъ никаква дѣла ни главоболъ лепо (што по речъ) живити, или, ако се и миче и штогодъ ради, чини само за то, да съ временемъ узможе, као онай богатацъ, своіой души рећи: Мила душице! еди, пи и весели се: имашъ млога блага, коя ти леже на много година! А шта му се на то одговара? Будало а ко ти е ту душу дао? та ову ће ти ю ноћъ натрагъ узети. Ову ноћъ, вели слово божіе; зашто такови слепци ћорави, у ноћи и у мраку живу и умирају. *Друго:* Истраживанъ истине, и извѣстна и цела увѣреностъ да смо ю нашли, оће, да се много съ памећу чита, да се размишљава, да се едно спрема другомъ сравнява; да се суди и расуђава, есу ли наша мнѣнія основата, и есу ли ова иста основанія ясна и непоколебима. Правда, да има много истина ласни, кое се као саме кажу; како на примѣръ: два и два чини четири; све е више, него една часть одъ свега. Али наоде се и тежке и замотане, кое се съ трудомъ и съ помоћу науке размишлюю, и одъ превара разставляю, кое преваре една вѣшта и остроумна глава може ласно у мечтателну видимость истине обући и замотати. Самолюбіе, и изъ нѣга рађаюће се високоуміе затвараю сваки приступакъ истине. Ви-

Сокоуманъ човевъ оће да у свачему има право: и ако онъ има кою власть, ко му смѣ рећи, да е онъ у превари, и да би му потребовало дати се упутити? Таки ћешъ га видити да се разяри, и почне псовати, ружити. Гдигодъ нема смиренога благоразсудія, и умѣренога о себи и о своемъ знаню мнѣнія, ту истини нема мѣста. Чрезмѣрно сластолюбіе, лакома и несита желя богатства, велики су истине непријатељи; зашто къ добру склоне душе, любе и желе истину. Сластолюбивога е срце покварено, и душа разслабљена и слепа. А сребролюбиви мисли, гди е доста новаца, ту е свако добро. Плашљивица и малодушанъ нису за истину, него за робство, створени; такови даю собомъ чинити, што ко оће. Благо народу, кой се залюби у праву божествену истину! Онъ ће свагда любити добродѣтель, и избираѣ ће оно, што е общеполезно, похвално и славно.

ГЛАВА 17.

О мужеству подъ барякомъ истине и чести.

Будући да сваки човекъ у исполненію важни дужностей къ себи истому, и къ своему роду и обществу противъ силнимъ неудобностямъ и теготамъ воевати има, и себе повседневно многовиднимъ бѣдствованіямъ подлагати мора; зато се и називлѣ животъ человеческій свагдашня война, и вменява се, неустрашимо мужество една такова добродѣтель, коя намъ е неотложнѣйша у животу. Види се дакле ясно, да безъ мужества и безъ постояннаго подвига душе, нитко ніе способенъ настоеће га и временнаго сладострастія одрећи се; теготни трудъ подносити; све, шта е многима мучно и несносно, великодушно побѣдити; крвѣ свою проливати; и што е найдраже на свету, животъ свой очевиднимъ бѣдствованіямъ подлагати, и саму смртъ у общепользнаго добра исканю за найвећу свою славу и безсмртіе вменявати. За то гди су годъ люди честь и славу лепога имена, како свога собственаго, тако и свое націе, познавали; то су мужество за всевысочайшу и витежку добродѣтель вменявали и признавали. У стародревна времена ова е добродѣтель велике и непобѣдиме душе у число полу-богова возвишавала и полагала. На овай су начинъ понятія мужества, чести и славе союжена и соединѣня, тако да онде, гди прво познамо, ту и друга два, као ономъ сродна и

природна, придодаємо. Али насъ здрави разумъ опоминѣ и увѣштава, да се ми овога предразсудка и предувѣренія добро чувамо, и да разсуђавамо. Воюе ли ко за обшу ползу и слободу, или за общте зло и удрученіе: воюе ли съ праведнимъ и човеколюбивимъ *Маркомъ Агреліємъ* за човеческога рода благополучіе, или съ кровопіяма, *Нерономъ*, *Калигуломъ*, или съ каковимъ *новимъ Ашиломъ*, на опустошеніе и погибель земель и людій; воюе ли ко на конаць, за разширеніе лепи наука и общтеполезни народу заната: єднимъ словомъ, велимъ: воюе ли подъ баряци свѣта и истине, или подъ лютимъ бичемъ незнаня, мрака, лажа, суевѣрія, вампира, вештица и глупога варварства. Овде се оѣе здрави рассудакъ да се распозна и различи мужество добродѣтельногого и просвѣщенногого патриота, одъ упорногъ и свирѣпогъ мужества злого мучителя и араміе.

Бданъ преко мѣре славолюбиви *завоевашель*, кои само за дати о себи много говорити, не штеди крвѣ народа свота, и свой исти животъ у бѣдствованіе положе, да и друге многе подъ свой ярамъ силомъ оружія подложи, и да съ веѣмъ числомъ робова свои више зла чинити може, мирне народе узнемируюѣи, лепе градове разораваюѣи, и благовоздѣлане землѣ съ мачемъ и огнѣмъ опустошаваюѣи; да са *Ашиломъ* у історіи мѣсто заслужуе, то се само каже. Напротивъ еданъ правдолюбиви *отечества ошацъ*, подъ кога скиптромъ сами праведни царую и владаю закони, кои непостояногого но слабіега одъ нападенія силовитогого зашчишчава и брани, кои удручене ослобођава, варваре облагообичава, беззаконе араміе подъ праведне зако-

не доводи, и съ наукама и са занати просвештава, злобу, неправду, кугу, гладъ, и сваку злосрећу између людій прегони и истреблява; О! *шакового Александра*, мудромъ *Аврелію* и доброму подобна *Тишу*, дай Боже свету! Когодъ себе или за лакомо користолюбіе, или за какову либо страсть, и инатъ, нерасудно у бѣду баца, подобанъ е ноћномъ лунежу, кои за неправедни добитакъ тражи свою велику несрећу, или будали, кои све, што има, у лотарію полаже.

Особито пакъ, *мужество подъ барякомъ исшине* и *чести* показуе се у списанію *общепользны кнѣга*. Бданъ кои предузима себи, са своимъ трудомъ у списанію кое кнѣге, людма очи ума отварати, подлаже себе многимъ бѣдствованіямъ. Ово сведочи апостолъ, говорећи: „Ніе наша бранъ къ плоти и крови, него къ началомъ, къ влаstemъ, и къ миродржцемъ мрака.“ А шта су ови друго, него наравна зла свакояка, коя би люде довека мучила, да се мало по мало одъ нѣихъ не избавляю? Посмотримо само: гнѣвливъ и яростливъ сурови варваринъ онде, гди има власть, горій е одъ тигра и риса; грабитель, горій одъ вукъ; лукави зломисленикъ, прави е крокодилъ, кои навѣтуе човеку и на земљи и на води; езикъ клеветника труе, како змійнъ. Злобе! злобе! то су оне хале и аждае, и летећи ноћни змаеви. На оваке люте неприятелъ и злотворе човечества, предузима себи еданъ наравоучителни списатель ополчавати се и вооружавати. И овде се оће много постоянна подвига и крепкодушнаго мужества. Но (може ко рећи) каквомъ се бѣдствованію онъ у томъ подлаже? ако што добро

учини, у добри часъ! ако ли не, чега се има боляти? Чега? Найвећега зла, кое се словесномъ створеню случити може: изгублѣня чести. Ово є наравна смртъ, несравнѣно гора одъ природне. Различность слѣдствія вишеречени два начина мужества и витежства изискує одъ другога много више великодушнаго жертвоуваня; зашто први витезъ како побѣди и растера врагове отечества, таки за тимъ получава богатство, честь и славу: а другога дѣйствія не слѣдую таки. Другда прође и стотина година, докъ нѣгово благодѣтелно сѣме само ницати почне; а до зрелости плода и више чекати валя. Онъ често у скудости и недостатку животъ свой, као *Еразмъ* отъ *Роттердамъ*, проведе, а после нѣгове смрти, и на много стотина година, штампатори и књигопродавци одъ нѣгова труда стотине хиљада добиваю; и за еднога дана часть толико проспу и потроше, съ колико се є онъ цѣлу годину преранъивати морао! Врази, на кое онъ воює, многи су; али су потайни, жителъи и владѣтелъи тамъ и изъ помрчине на нѣга удараю. Онъ пише противу сребролюбія; а богатства любителъмъ, кои свое благо на обште добро ни су ради трошити, ту не торна конатъ. Они му се ругаю: нека онъ троши чернило, кадъ га доста има; а ми ћемо здраво єсти и пити, по великимъ дворовомъ и вертогради проходати се, пакъ ћемо наипосле видити, комъ ће болъ бити! Заисто, читаюћи історіє вишепоменутога *Еразма*, *Филелма*, *Теодора Газе*, бѣглеца Цариградскога, найвећи у петнайстому вѣку наука обновителя, и Европе просветителя, како су у свагдашньої скудости, найвећи човеческога рода благодѣтелъи, животъ свой, странствујући проводили, у

време, кадъ премноги црковни Принципи, и богати Абація порфиноснои Абати, у свакомъ изобилію и богатству наођаху се; види се ясно, да велико богатство, безъ благоразумнога употреблѣнія, ніе башъ нимало даръ божій. Чуємо у наше време, да Епиротски Тиранъ сурови и безчовечни више одъ сто милиона има; али га несити жеђа новаца све то више мучи, и не престае неправедно и безчовечно люде глобећи и ограбљавајући. Комическо, то естъ, смѣшно е било гледати (назначуе великоучени и оштроумни *Кноксъ*, у наравоучителнимъ своимъ *Опитама*, у 134. о *Генію Еразма*, глави), како круноносне и митроносне, съ велики свои титули неучене главе, предъ ученимъ ако и убогимъ *Еразмомъ*, као на срамоту и силомъ, понижавати се принуђене бяху. Ево, назадъ одъ више, него триста година, шта се о ученомъ и добродѣтелномъ сиромашку, и о богатомъ, но тупомъ, сатрапу, казивати и писати има! Сада сравнимо, на стотине, или, ако оћемо, и на хиљаде година, нѣгово богатство и нѣгову славу, и судимо, кое разумни човекъ избирати и предпочитовати по сираведљивости има.

Силни су еднога наравоучителнога списателя навѣтници и врази! и толико су му бѣдствителни, колико изъ ноћи и мрака на нѣга стреляю. Прва е нѣгова кривица и најпоглавитія, за коју се на нѣга процесъ подиже, што онъ самъ и истоветни ніе таковъ, какове би хтео да су му други: а ели право и людски, то одъ други истязавати, што самъ исполнити ніе у состоянію! На то е ово возраженіе: ако онъ себе за такова издае, и тражи и иште, да га дру-

ги за нешто друго, него шта е, држе и почитую, и да му се чуде; жао ми га е: онъ ће несумњиво процесъ изгубити. Али разумимо безпристрастно, да може ласно и ово бити: да онъ, како свой, тако своєга рода любитель све оно, шта пише, како себи, тако и своимъ любимимъ, за наставлѣніе дае. Онъ се неможе ласно убојати, да која годъ прекрасна мораль може се нѣму истомъ на обличеніе и на осуђеніе окренути; но ништа манъ нѣгова къ своимъ любовь више га чини за ползу они, неголи за свое кое нибудъ приврѣніе, марити. Истину не валя сакривати; жели, да му се кадгодъ рече, да е словесна био пчела, која е медъ за потомке сабирала свое, и ово се нада да му се одрећи неће. За тимъ јоште, што е најважнѣе, оно исто, што онъ како најполезнѣе и къ благополучію рода за неотложнѣйше представља и доказуе, може му се на криво узети, и како нешто кривовѣрно истолковати. Онъ вѣруе и проповѣда, да сва добродѣтель, како словеснога и разумнога створенія, тако и просвѣщенѣйшега богочтитатеља и Хрістіанина, состои се у творенію добра, и причинѣнію ползе себи или другомъ коме. Нїедно и никакво зло не може бити зло, ако нїе ни къ кому неправедно и на вредъ природну или наравну: и никакво добро не може бити добро, ако нїе никому пристойно и полезно; и колико е већему числу пристойнѣе и полезнѣе, толико е болъ и веће добро. Ова е истина свакомъ човеку Богомъ откривена, зашто е најближа къ памети. Ову истину законодавци народни у законоположеніямъ своимъ, судіе у судовомъ и изреченіямъ своимъ, учитељи у наукамъ своимъ, родители у воспитанію и на-

ставлѣнію чада свои, найвише валя да налажу и препоручиваю. Шта є годъ души полезно, то мора бити и тѣлу. Природа є одъ Бога; и сами Богъ є несподобно естество, всѣхъ благихъ зиждитель. Све є добро, кадъ се, како надлежи, употреблява. Овакова наложенія (опетъ повторямъ) не предлагаю се овде за суеславіє, него ово се чини на подобіє добри родителя, кои ако и нису за противна обстоятелства изъ младости добро воспитаніє и потребно наставлѣніє имали, ништа манъ желе и настоє, да нѣова мила чада то получе, и да боля, пометніа одъ нѣи постану. А навластито найвише се валя старати за дѣцу, кадъ родительи нѣови постану богати, и дођу у благополучніє и славніє состояніє; зашто тада се дѣца у мекости у невалялой размази, у неразумномъ распуштєнію, и у, собомъ нимало незаслуженомъ, господству подранюю и подижу. Тада, ако се изъ прве младости не почну наоявати чистимъ понатіємъ праве чести и славе; ако се необикну воздржанію, прекрасному смиреномудрію, и златной умѣрености; еднимъ словомъ, ако се не науче пометно, благородно, и мужествено мислити и дѣлати; него имъ се пусти узда къ самовольству, къ упорности, къ безстыдію, и къ безобразію; тада су такова бѣдна деца сасвимъ пропала. Съ годинама напредує у нѣима и злонравіє, свака злоба и беззаконіє; а изъ овога се рађа совршено безчовечіє и безбожіє. Пакъ кадъ овакова дѣца у свое време оци постану, судити є, шта ће изъ нѣова порода слѣдовати. Ту ти већ пропадне свака правда и добродѣтель; намѣсто мужествене любви къ роду и къ отечеству, облада людма съ едне стране луда гордостъ,

а съ друге сгадлива худость и робско пуженѣ; улѣзу у моду притворность, лукавство, лажа, издая, и свако проклетство.

За децу дакле! а навластито за децу народни поглавара, и свештенства мірскога, валя да бива найпоглавитіе старанѣ. Ова ће бити у свое време начальници, генерали, градова и землѣ управители, судіе, и учители; одъ нѣи ће зависити благополучіе или злополучіе цѣлога отечества и рода. Но овде не забравимо ово назначити, да ће тада отечество найсрећніе бити, кадъ се буде, у избранію поглавара, и управителя и судіа, на персонално достоинство и вредность, а не на друго што случайно и по пристрастію, сматрати. Разумни домаћинѣ воли вѣрномъ и разумномъ слуги, него невредномъ и неразумномъ сину, управлѣніе свои важни наложити дѣла.

»Сину глупому не помагають богатства,
Амче не купить мудрости изрядства!«

Съ овимъ мудрованіемъ нека родители напояваю дѣцу свою, да безъ свакогъ сумнѣнія знаду да богатство само не може едногъ младића болѣмъ, но паче горимъ, учинити. Србљи су свуда склонѣ къ наставлѣнію, и ради су што добро чути и научити; то самъ искуствомъ у младости мојой у свой тада венеціанской Далмаціи познао. Нема тога мѣста, гдѣ едно общество цркву свою има, да не би радо да му е могуће, и школу и учителя имати. А колико ће више то желити, кадъ њѣ, после толики стогодишњи страданія и тежки мука, промисалъ неба у болѣ доведе состояніе! Едини свемогући, кой е самъ силанъ воздвигнути ништа отъ гноишта.

ГЛАВА 18.

*Како нека противоречія могу у исто време истини
согласна биши.*

У нашему езику, *истина* явно происхожденіе има, зашто производи одъ *есть*. Оно што *есть*, не може бити да *ніе*; и по своему естеству *есть*, мора бити то исто, сиречь, истинито, што у самой ствари *есть*. Но находе се многи, кои лакше чрезъ различна питања, него чрезъ задовольне съ доказательствомъ одговоре, свое искусство и знанъ показати могу. Такови често-кратъ ово питањ чине: да, кадъ е истина на свему свету, и међу свимъ словеснимъ людма, у свачему една, проста, много къ доказательству лакша, него ковакква предувѣренія, и прелестна надпремудриваня, одкудъ дакле, и како бива, да су люди у умствованіямъ своимъ толико разделѣни? и за кои узрокъ, единакога разума и еднаке къ истини любви и почитанія люди, нису свагда у ономъ, шта умствую, шта проповѣдаю и уче, согласни?

У простимъ изреченіямъ, у којима се све речи чисто разумѣваю, и оно, шта се у речма садржи находи се у таковомъ согласію съ речма, да нико, кои умѣрено разсуждавати може, не може у тому съ другима не соглашати се. Изъ тога производи общте мѣніе у людма, да су такове истине во-

обште човеку врождене и природне, и тако разуму сходне, како да би одъ вѣчнаго ума, то естъ одъ Бога, произходиле. У ширима пакъ и замршеніима бесѣдама и представлѣніима не може се ово исто подобообразіе наши миѣнія ожидавати. У првомъ походу нашега умнога путованя, докъ ми ходимо по едной истой поляни, сви исте ствари сматрамо, и у тому се природно соглашуемо. Али кадъ на средъ ове поляне дођемо, ту нађемо многократна раскршѣна путова и путаня; овде ти свакога нѣгови вожди на свое и на различне одпеляю стране, и тако ти намъ се свима многоразлични почну представляти предмѣти, кои насъ у несогласіа, у којима се находимо, доводе и полагају; и тако ти насъ свію, са сви страна, стане кричанѣ и вика. Свака партида хоће, да она сама добро и како валя види, а да све друге накриво и гледаю и виде и суде. Ко гледа еданъ торонъ изъ близа, види, да е четвероуголянъ; а ко га сматра изъ далека, чини му се округао. Едни га гледаю съ едне стране, а другій съ друге; а мало се ко меће у таква положенія, да га може са сви страна разсмотрити. У многосложне заплетене ствари ніе кадаръ свакъ еднако проникнути, и свакояке узлове и заплетке разрешити и размрсити. Неки мало што размрсе; а неки едва дођу до полакъ, пакъ ту остаю: а нико неће да се призна за стражнѣга; и свакій своимъ очима и чувствама најболѣ вѣруе; пакъ ево ти неисточими изворъ несогласія. Подобни су людма, кои хоће сви да говоре, а неће нико да слуша; и свакъ са свое стране виче: ніе то тако, него овако и онако, ако хоћешъ да знашъ; ако ли нећешъ, а ти

маширай! и што е куриозніе; едно мисле, али то различно зуюћи, неће да се разумѣду, него стое те се инате, за самцату ината любовъ. Шта е дакле чудно видити, да они, кои одъ свега мало нешто виде и познаю, да се о свему не слажу, него инате? Ђданъ башчованъ, плевећи салату своју и спанаћъ, чупа изъ корена и истреблюе неке дивъ, но лѣковите траве, као непотребни коровъ, сирама којима би еданъ искусни лѣкаръ савъ нѣговъ вертоградъ, са свимъ прочимъ у нѣму, за ништа држао. Ево ти намъ и другій узрокъ, зашто люди о едной ствари различно мисле.

О! колико мало узрока свакій човекъ има чудити се, а јоштъ манъ премного, на друге срдити се, што су несогласни, кадъ себе истражи и изнађе, колико е самъ са собомъ несогласанъ и непостоянъ! Кадъ би свакъ себе, како праведни и неумитни предъ Богомъ судія, безъ свакога самолюбія и пристрастія судіо, би заисто принужденъ био признати и чисто исповѣдити, да се у нѣму две, сасвимъ различне и несогласне, наоде душе, које у свагдашнѣмъ противоборенію, немиру и рату живе. Ђдна е добра и разумна; а друга е пакостна, зла и сасвимъ луда и напрасита, тако, да у едномъ истомъ времену ова жели и хоће оно, на што друга негодуе и мрзи. Ово, шта смо доведе рекли, може намъ служити, да смо къ другима лакосносни, умѣрени и справедљиви; да исправлямо еданъ другога, и да не осуждавамо ближнѣга, у чему смо и сами осужденія достойни. Сада ћемо представити еданъ примѣръ, у коему ћемо показати истинитостъ титула ове Главе, да и нека противоречія могу се согласити.

Посидишъ, еданъ Елинскій комедія твораць и поета, сматраюћи съ едне стране човеческога живота состояніе, конечно га бѣднимъ и жалостнимъ показуе. Ово су нѣгове речи: „Коимъ путемъ живота „можемо ми безъ бѣде и напасти ступати? У содру- „жеству несогласія, распри и вражде. Домаће жив- „лѣнѣ пуно є брига и попеченія. На селу дуго вре- „ме и самоћа. На мору бѣдствованіе живота и сваг- „дашній страхъ. У странствованію непознатъ и пре- „небреженъ. Ако си богатъ, сматрашъ на све люде, „као на лупеже, кои време траже, да ти што заква- „че. Ако ли си сиромѣ, на што ти животъ? Оже- „нишъ ли се, узмешъ бригу на вратъ. Ёси ли нео- „женѣнъ, то си ништа на свету. Имашъ ли дѣце, „имашъ бремене на себи. Неймашъ ли дѣце, суво си „дрво безъ никакве надежде. Младость є време лу- „дости; а старость, слабости и болести. Нейма ти „дакле другога избираня, него или на светъ не доћи, „или опетъ скоро изъ нѣга поћи.“ Колико намъ се види, да ова изреченія садржаваю за люде прискорб- не истине; ништа манъ овима сасвимъ противна из- реченія садржаваю веселе истине. *Мишродоръ*, еданъ Атинейскій философъ, показуе намъ у равно толико стихова благополучіе живота. Ево нѣгове речи: „Сва- кимъ путемъ живота можешъ весело, и благополуч- но путовати. У содружеству можешъ придобити честь, славно име, и многе любиме пріятель. У домаћемъ живлѣнью уживашъ миръ и спокойство. На селу уве- селявашъ се съ красотомъ естества. Мореплованіе распростире купечество и приноси богатство. Стран- ствуюћи, съ многима чинишъ познанство, и умножа-

вашъ число пріятеля. Бси ли богатъ, можешъ многима добро чинити, кои ће те сматрати као свога благодѣтеля. Ако си сиромѣ, присвой себи добродѣтели трудолюбія и умѣренности; естество се съ малимъ задовољава. У женидби постанешъ савршени човекъ, и топрвъ познашъ сладость живота. Ако си неженѣнъ, слободанъ си, и можешъ себе лакше обштой жертвовать ползи. Имашъ ли децу, благо теби! ти плаћашъ природи и отечеству свештенѣйшій дугъ, за твоє рођење и воспитанье. Бси ли бездѣтанъ, старай се за убогу дѣцу ближнихъ твоихъ. Време младости, време е здравља и веселя и снаге. Године старости, то е исполнѣніе желанія; свако жели, да живи до старости, и да къ зрелости разума дође. Дакле, найвеће благополучіе словеснога створенія у тому се состои, да се роди, и да путемъ живота тихо и задовольно путуе.“

Ево како очевидна противоречія у различнимъ разсмотрѣніама могу истинита бити; и како се човекъ у истовитимъ обстоятелствама и срећанъ и несрећанъ наћи може. Овде се засведочава она обшта пословица, да е свакој свое среће или несреће коваць. Многа су препираня и била међу людма, и биваю и до данасъ, да ли е на земљи више добра или зла, већа часть благосчастія или злосчастія. И дае се ласно познати, да, кадъ би се люди, вообште и понаособито, по разуму владали и управляли, да би међу њима несравнено више добра и благополучія, неголи зла, било. При тому не будимо весма скори у заключенію истинности или неистинности неки изреченія. Кадъ ми разматрамо съ едне стране, или одъ части, едну

Стварь, ми зачнемо таково мнѣніе, и колико е више разсмамамо, толикимъ наше мнѣніе измѣненіямъ подлежи, и тако една стварь при различнимъ разсмотреніямъ, различна о себи и мнѣнія дае. Видимо едно гранато поиздалека дрво, но не можемо, за далекость распознати, е ли дивіе или питомо, плодно или безплодно. Приступимо: видимо, да е плодна питома ябука. Погледамо е съ друге стране; наѣмо на пьой и крушака: ха! ха! она е дакле различно накаламљна! Ова су предсохраненія по крайньої мѣри судіямъ неотложна; зашто тежко судимимъ, гди судія, како што чуе, тако и суди. Зато се едини премудри Богъ всесавршени праведни нариче судія, зашто онъ самъ све зна, нити га ко ни подмитити ни преварити може.

Ми смо дакле принуждени, и то по справедливости често у нашимъ мнѣніямъ непостояни бити. Нелестна и чистоискрена любовъ къ истини то одъ насъ изискуе: и исто непостоянство у сумнителнимъ стварма бива добродѣтель. Зато не будимо скори и готови друге за упорне и тврдоглаве, нити пакъ за непостояне и вѣтрогонѣ, сматрати и за такове издавати. Зашто не мисле други, као ми? то е толико реѣи: зашто ми не мислимо, као други? То ћемо свагда питати, докгодъ и ми и они съ туђимъ гледамо очима, или и съ нашимъ, но недостаточно. Ништа, него високоуміе и гордостъ чини люде, да су међу собомъ неспосни. Чудо, како намъ не звекне у главу, да иштемо, да смо сви, и по внѣшнѣмъ виду, у свему до длако еднаки? те би управъ баремъ и до чупаня дошли! *Посидицъ* гледа све съ ружне стране, и све му е на криво; и има право. А добри *Мишро-*

доръ сматра све съ лепше стране, и све му е добро; и по моіой памети (ако е слободно казати) има правіе; баремъ е овога право пробитачно и весело. При томъ, нека каже ко што мисли; я сумнямъ, да е онай башъ тако мислю, како што е писао. Или иначе ко га е држао, те ніе отишао подъ какву гранату Ман-драгору лећи и заспати? и тако (ако е истина, што люди кажу) не би памъ ти се ни до данасъ пробудіо. Гледай де намъ ти тога чуда: ко га е терао, да силомъ живи, докъ што таксво напише и остави? Да ніе добро оженити се ни дечицу имати! О! силе му кратке! Ево, и я каза, шта ми е на срцу! башъ ако ћете ме и протерати.

Сада већ свака шала на страну: вообште човеческомъ роду полезніе е, да е благополучанъ, него високоученъ. Сваке лепе науке и занати добро су намъ дошле, кадъ насъ напояваю съ човеколюбнимъ чувствованіями, и нашъ животъ къ влатномъ задовольству и благосчастію воде. Ово свагда валя да буде намъреніе и конацъ свію лепи наука и просвештенія. А сва онакова вѣжества, коя служи къ ина-ту, къ процесомъ, къ човекомрзости, къ разслаблѣнію природнога, и къ разбраштенію наравнога човека, нека иду далеко одъ насъ. Остатиће свету, на мрзость и на поруганіе еданъ народъ, кои майсторски пише и говори, а неправедно и безчовечно поступа и твори, кои свою речъ не држи, и вѣру дату ломи и гази. Ишtimo и трудимо се здрави словесни разумъ къ савршенству доводити; а оно, што постигнути не можемо, оставляймо времену и управлѣнію Свемогућега.

P₁₉Sr II 864/7 .H

Нар. Књигопечатња Дан. Медаковића.